

Словесница Искусств

Дальний Восток: славянская линия жизни

Словесница Искусств

№ 15
2004

Журнал Хабаровского краевого
благотворительного
общественного фонда культуры
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Свидетельство Дальневосточного
территориального управления МПТР ПИ
№ 15-0009 от 29 мая 2000 г.

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре,
проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом
Форда (1999)
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг - 2001»
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции»
(2004)

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корреспондент	Светлана ФУРЦОВА

Выпускающий редактор Наталья ЗУБКОВА

Общественный совет	П.ГОНТМАХЕР Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА В. КАТЕРИНИЧ А. ЛЕПЕТУХИН Т. МЕЛЬНИКОВА Н. СОЛОВЬЁВА Н. ХОЛОДОК С. ЧЕРЕПАНОВА

Фотографии	А. БАТАЛОВА А. ГУДКОВОЙ А. ГОЛОДНЕВА Е. ГЛЕБОВОЙ В. КОРКИНА В. МЕРИНОВА С. МАРТЫНОВСКОГО Т. МЕЛЬНИКОВОЙ Г. ПЕРШИНОЙ С. ПЛОТНИКОВА В. СПИДЛЕНА Л. ПИНЕГИНОЙ И. ШЕВНИНА Ю. ШУМИЛОВА А. ХРАМЦОВА

Номер создан при финансовой поддержке Министерства по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР России)

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17
Тел. (4212) 32-73-42, факс 32-73-85
E-mail: haki@pop.redcom.ru
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
Заказ № Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки:
Наталья Михеева. «Чудо Георгия о змие». Творческая копия.
Яичная темпера, лак, живопись.
Частная коллекция. Фото Галины Першиной
Перепечатка без разрешения редакции запрещена
При использовании материалов ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Елена Глебова

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СЛАВЯНСКАЯ ЛИНИЯ ЖИЗНИ
Стр. 2

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Елена Глебова

«РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ»: ПОЧТИ КАК В СКАЗКЕ
Стр. 2

Оксана Федирко

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
XVII – начало XX веков**
Стр. 4

Людмила Козлова

ЖИВЫЕ КРАСКИ ДРЕВНИХ ИКОНОПИСЦЕВ
Стр. 8

Алла Гудкова

ПУТЬ НА ГОРУ ФАВОР
Стр. 11

Галина Егошина

СВЯТЫЕ ЛИКИ РУССКИХ ИКОН
Стр. 15

Галина Ермак

**КАЗАКИ АМУРСКИЕ И УССУРИЙСКИЕ:
БЫТ, ПРАЗДНИКИ, ЗАБАВЫ**
Стр. 25

Валентина Редчун

УЗОРЫ ЖЕНСКОЙ РУБАХИ – ПРЕДВЕСТНИКИ СЧАСТЬЯ
Стр. 36

**СЛАВЯНСКИЙ ПОЯС:
ОТ УТИЛИТАРНОСТИ ДО ОБЕРЕГА И МАГИИ**
Стр. 43

Мария Бурилова

ГОРОДСКИЕ СЕМЬИ КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ
Стр. 48

Наталья Соболевская

УТРАЧЕННЫЕ ЧЕРТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО РЕМЕСЛА
Стр. 54

Наталья Бояринцева

ВЕЧНЫЕ СИМВОЛЫ СЛАВЯНСКОГО ДРЕВА ЖИЗНИ
Стр. 60

Вера Кобко

ПОИСКИ ИСТИННОЙ ВЕРЫ
Стр. 62

Любовь Ковалева

**ДУХОВНЫЕ ОБРЯДЫ СТАРОВЕРОВ
ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА – В ВЕК XXI**
Стр. 68

Иван Шевнин

**ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ...
Из истории старообрядческой церкви Белокриницкого
согласия в Хабаровске и его окрестностях**
Стр. 74

РАССКАЗЫ О РЕДКИХ КНИГАХ

Татьяна Щербакова
ПАСХАЛИЯ НА СТАРОСЛАВЯНСКОМ
О рукописном сборнике XVIII века
Стр. 18

ПЕРСОНА

Елена Глебова
СОТВОРЕНИЕ
Стр. 20

Татьяна Батова
«Я ПОДНИМАЮСЬ ВВЕРХ,
ЧТОБЫ ТОЖЕ СПУСТИТЬСЯ ПО
СКЛОНУ...»
Стр. 114

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Сергей Плотников
СЕСТРЫ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
ОБИТЕЛИ
Стр. 24

ЭТНОС

Татьяна Мельникова
НАРОД, ИСЧЕЗНУВШИЙ ИЗ
ПЕРЕПИСЕЙ
Стр. 28

ИСТОРИЯ **В КОНКРЕТНЫХ СУДЬБАХ**

Николай Рубан
ЗЕМЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ –
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
Стр. 31

СЮЖЕТЫ **ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА**

Елена Глебова
ГРУШЕВЫЙ ДОЖДЬ
ИЗ ЗАБЫТОГО СНА
Стр. 33

ВСПОМНИМ ИМЯ

Елена Глебова
ДОН КИХОТ
ИЗ ДАЛЕКОГО КРАЯ
Стр. 58

КОПИЛКА ПАМЯТИ

Тамара Калиберова
«ДЕВУШКА В КОКОШНИКЕ»
ЖИЛА В ГОРОДЕ У МОРЯ
Стр. 76

ЛИНИЯ ТВОРЧЕСТВА

Елена Глебова
«РУССКОЕ ДИВО»
ВИКТОРА ПИЧУЕВА
Стр. 77

КНИГИ

Татьяна Лаврова
ВДОХНОВЛЕННЫЕ ИСКУССТВОМ
Стр. 78

НАСЛЕДИЕ

ЕЛПИДИФОР ТИТОВ:
«ПУШКИН – СИБИРЬ – АМЕРИКА»
Стр. 80

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

Вячеслав Головкин
«МЫ ЦЕПИ ТАИНСТВЕННОЙ
ЗВЕНЬЯ...»
Стр. 82

Раиса Стоколяс
РАСПАХНУТОЕ ОКНО
Неизвестные страницы жизни
семьи Арсения Несмелова
Стр. 90

СЮЖЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

Тамара Калиберова
РУССКИЕ СТИХИ
С ФРАНЦУЗСКОГО ЧЕРДАКА
Стр. 86

КОПИЛКА ПАМЯТИ

Людмила Клипель
ЯБЛОКИ ИЗ САДА ЧУКОВСКОГО
Стр. 97

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Ольга Привалова
ЗНАКОВОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
Стр. 100

Дмитрий Нагишкин
«НЫНЧЕ СТРАННИК –
ВСЕ С СОБОЙ ИМЕЮ...»
Стр. 108

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Сергей Красноштанов
«ИЗ ТАЙГИ, ТАЙГИ ДРЕМУЧЕЙ»
Поэтический штрих к творчеству
Владимира Гиляровского
Стр. 101

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Игорь Нагишкин
ИСТОРИЯ ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ
Стр. 104

ВЗГЛЯД

Светлана Фурсова
КЛАРНЕТ
НАД ПАРКОВЫМ ПЕРЕУЛКОМ
Стр. 110

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО **КУЛЬТУРЫ**

Николай Рыбаков, Татьяна Кубанова
ОЙКУМЕНА
ХУДОЖНИКА СИБИРИ
Рубеж XX – XXI веков
Стр. 116

ПАМЯТЬ

Елена Глебова
НА КРАЮ МЕЧТЫ
Стр. 120

СЛОВО ХУДОЖНИКА

Виль Борщевский
ПАЛИТРА ИЗ ДОЖДЯ, СОЛНЦА И
ВЕТРА – ДЕНДРОПЛАСТИКА
Стр. 123

ВСПОМНИМ ИМЯ

Клара Зилова
ВАСИЛИЙ ХОДАКОВ –
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
Стр. 124

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ

Светлана Фурсова
«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»
Стр. 126

Зоя Ковалева
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ
СКУЛЬПТОРА ГОРПЕНКО
Стр. 139

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Артур Соломонов
ЗДЕСЬ – БЕЗМОЛВИЕ.
ДАЛЬШЕ – ТИШИНА...
Стр. 128

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Светлана Соловьева
ХУДОЖНИКИ
ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ
На материале коллекции ДВХМ
Стр. 131

СОДРУЖЕСТВО КУЛЬТУР

Ольга Привалова
ЦВЕТЕНИЕ САКУРЫ
Стр. 135

МИР ДЕТСТВА

Анастасия Дымнова
ПОЕЗД № 0
Стр. 143

Нина Судрабиньш
СЕРПАНТИН ЖИЗНИ
Стр. 144

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: славянская ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Лет десять назад мне довелось готовить публикацию о старейшей жительнице Хабаровска Ксении Титовне Поляковой. Помню, как сидела у кровати этой женщины (ей в ту пору исполнилось 106 лет, а прожила она 108) с включенным диктофоном, задавала вопросы, испытывая чувство неловкости, что тревожу больного человека. А ведь совершенно напрасно волновалась! Ксения Титовна, уже не обращая внимания на мою журналистскую атрибутику, погрузилась в воспоминания. Интонация ее голоса менялась в зависимости от того, какие события прокручивала лента памяти, глаза блестели, и казалось, что моя собеседница далеко-далеко отсюда.

Ее родители, спасаясь от страшного голода и стремясь сохранить уцелевших ребятишек (из четырнадцати умерло десять), целый год добирались из Саратовской губернии до берегов Амура. В 1884 году они поселились на Красной Речке неподалеку от Хабаровки, а спустя шесть лет родилась Ксения. Далекий край стал спасением, благодатная земля и щедрая река кормили переселенцев, работавших, не покладая рук.

Все самое светлое и радостное осталось там, за чертой детства и юности. В дальнейшем судьба Ксении Титовны достаточно трагична: ранняя смерть мужа, работа на износ, чтобы прокормить четверых детей. Надеялась только на себя и на Всевышнего, тайком прося защиты у старинных образов: две семейные реликвии-иконы женщина хранила долгие годы. Жаль, что церковные книги пришлось сжечь во время известных гонений на верующих людей. Не себя защищала — детей...

Вот линия жизни одного человека. Из тысяч подобных сложилась линия жизни дальневосточной земли. Славянская линия жизни. Представители русского, украинского, белорусского народа, осваивая новое пространство, вносили в эту почву элементы своей духовности и культуры. В сплетении разных традиций — славянской и аборигенной — формировалась дальневосточная культура.

Дальний Восток называют землей переселенцев, а его историю — летописью мужества россиян, осваивавших огромные и во многом загадочные земли. XVII век стал для России эпохой важнейших географических открытий, а имена первых русских землепроходцев навечно вошли в историю страны. Век XVIII и XIX — новые открытия, достижения, имена. В том числе и для городов. В 1740-м основан Петропавловск-Камчатский, в 1858-м — Благовещенск, в 1860-м — Хабаровск. Но за всеми крупными, средними и мелкими по масштабу событиями — судьбы, судьбы, судьбы. Эти имена не вписаны в большую историю, но без них она просто теряет смысл. Люди, пришедшие в далекий край в разные исторические отрезки времени, жили, работали, воспитывали детей. Они строили свой мир, простой и сложный одновременно, соединяя земные заботы и глубинную философию славянского народа. Их памяти посвящена главная тема этого выпуска журнала «Словесница Искусств» — «Дальний Восток: славянская линия жизни».

Елена ГЛЕБОВА

«РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ»: ПОЧТИ КАК В СКАЗКЕ

Елена ГЛЕБОВА

Нас так долго приучали к псевдорусской культуре, что сегодня, только-только начиная постигать суть истинных русских традиций — песенных, орнаментальных, обрядовых, — осознаешь, насколько уникален и драгоценен этот пласт. И пусть мы оторвались от своих корней, всегда есть шанс вернуться к своим истокам и распахнуть душу. Именно так, с любви к красоте, к памяти предков, все и начинается. С этого началась история «Русской деревни» — уникального проекта Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры и его филиала «Хехцирские узоры» в селе Бычиха.

Село расположено в удивительном месте. Как драгоценной рамой оно обрамлено с одной стороны рекой Усури, с другой — могучим древним Хехциром. Став своего рода центром притяжения творческих людей, Бычиха соединила неординарных художниц Людмилу Покачалову, Наталью Михееву и Татьяну Кандалову. У всех троих была важная точка соприкосновения — любовь к русскому искусству. Так, больше десяти лет назад родилась студия «Русские узоры», творчество которой давно уже известно не только в Хабаровске, но и за рубежом — в Италии, Америке, Китае. Благодаря усилиям неутомимых педагогов появилась Изба ремесел, осуществились проекты по созданию творческих мастерских и детского информационно-просветительского центра. Из этой яркой мозаики в конечном итоге сложились «Хехцирские узоры», объединившие изостудию, фольклорный ансамбль, экологическое движение села Бычиха. И теперь уже в недрах филиала Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры рождаются новые серьезные проекты.

Проект «Возрождение», осуществленный в рамках программы «Гражданские инициативы на Дальнем Востоке», ставит главной задачей создание центра культурного притяжения в селе Бычиха. По сути, это логическое продолжение многолетней деятельности «Хехцирских узоров» в своем селе. И результаты, поверьте, неплохие. Бычиха — один из немногих населенных пунктов, имеющих собственный герб (автор Наталья Михеева). Появился в селе и самый настоящий музей народной игрушки. Здесь как на ладони раскрывается история развития ремесел, особенности славянской культуры.

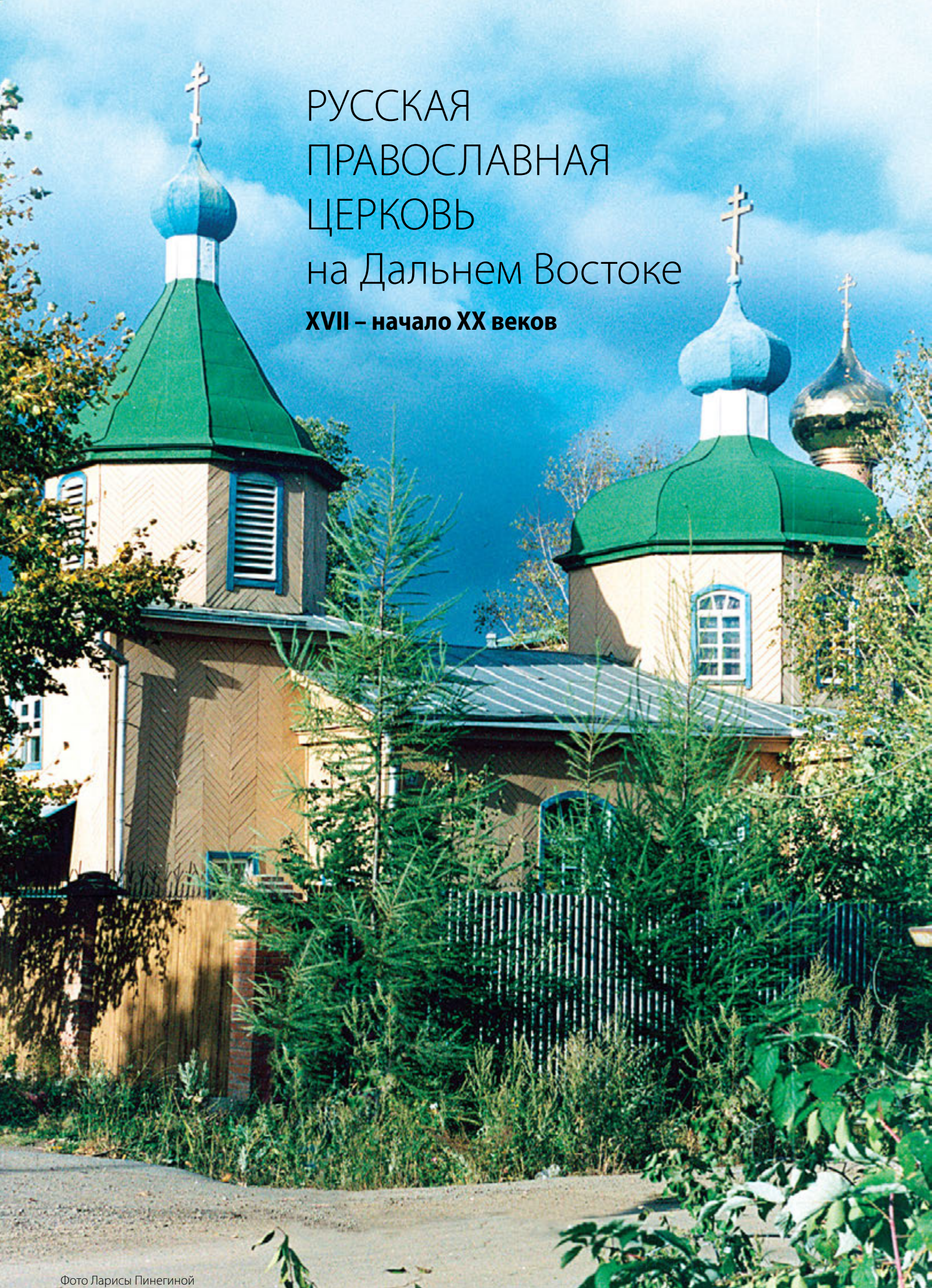

Пусть и не слишком быстро, но меняется облик села и, что самое главное, люди, их отношение к своей малой родине. Создан «Центр ремесел», который и является той самой основой культурного притяжения. Словом, «Возрождение» — интереснейший творческий процесс, в который удалось вовлечь не только студентов и школьников, но и селян.

«Русская деревня» — культурная и информационно-просветительская программа, созданная на базе «Центра ремесел». Здесь, в практически не тронутом уголке природы, разместилась рубленая изба с настоящей русской печкой, сложенной опытным печником с соблюдением всех древних обрядов, а также другие важные атрибуты гостеприимного русского дома: красный угол с иконами, большой деревянный стол, лавки. Словом, совсем как в сказке. Недалеко от избы роскошный цветник (разумеется, в теплое время года), небольшой пруд и парк «Сказка», где с недавних пор живут знакомые с детства персонажи. Осенью 2004 года в «Русской деревне» проходил фестиваль деревянной скульптуры. Из податливого дерева в талантливых руках студентов декоративно-прикладного отделения Хабаровского государственного колледжа искусств рождались удивительные образы. Семеро ребят — Анна Верхушина, Александр Остапчук, Семен Зубов, Павел Янковский, Валерия Клименкова, Александр Кириянов, Андрей Силантьев — стали стипендиатами Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры. Особое слово о Надежде Гузевой, молодой талантливой резнице, выпускнице Хабаровского колледжа искусств, которая сегодня является участницей проекта «Русская деревня». Ажурная деревянная стела «Русская деревня» — работа Надежды Гузевой.

Организаторы «Русской деревни» убеждены, что, только приобщая молодое поколение к истинным ценностям народной культуры, можно вырастить достойную и нравственно здоровую смену. В столь масштабном проекте соединилось многое. Творческое вдохновение и нелегкий труд, тщательные расчеты и вера в то, что благое дело обязательно встретит поддержку со стороны творческих организаций и со стороны властных структур. Но уже сегодня очевидно одно: «Русская деревня» — это не лубочная сказка, а реальная попытка вернуться к своим корням.

РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ
на Дальнем Востоке

XVII – начало XX веков

Оксана ФЕДИРКО,

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Московской академии предпринимательства при правительстве г. Москвы (Благовещенский филиал (БФ МосАП)).

**Фото Александра ГОЛОДНЕВА
и Ларисы ПИНЕГИНОЙ**

Церковь играет важную роль в развитии общества, а создаваемые ею духовные ценности обогащают не только религиозную, но и светскую, общечеловеческую культуру. Кроме того, религия способствует развитию определенных ее слоев – письменности, книгопечатания, искусства, обеспечивает хранение и развитие ценностей религиозной культуры, передает накопленное наследие от поколения к поколению.

Новое знание всегда основывается на усвоении и переработке всего того, что было накоплено прежде. Не является исключением из этого правила и история российского Дальнего Востока XVII – XIX столетий.

Реконструируя историю освоения Россией Дальнего Востока, современные исследователи рассматривают проблемы культурного взаимодействия различных групп переселенцев между собой, переселенцев и коренного населения региона, переселенцев и мигрантов сопредельных государств. В целом эти исследования позволяют воссоздать процесс закрепления Дальневосточного региона за Россией не только политически и территориально, но и культурно. И все же роль Русской православной церкви в формировании культуры региона исследована не полно и фрагментарно, хотя ее познание является интересным, важным как для отечественной научной мысли, так и зарубежной.

Современными отечественными исследователями доказано, что роль религии в распространении культуры на Дальнем Востоке в дореволюционный период была огромной, однако требуется более детальное рассмотрение основных этапов и направлений деятельности Русской православной церкви по формированию культурной общности населения Дальнего Востока в XVII – начале XX веков.

Хронологически в этом процессе можно выделить несколько этапов:

1) середина – конец XVII в. – первые этнические и культурные контакты подданных Российской империи и коренного населения Дальнего Востока, они носили эпизодический характер и оказывали минимальное воздействие на культуру аборигенов;

2) начало XVIII – первая половина XIX вв. – присоединение дальневосточных земель к России, предоставление Иркутской епархии Русской православной церкви права последовательной организации религиозно-культурной и миссионерской деятельности православных миссий;

3) середина XIX – начало XX вв. – прямая колонизация Россией Дальнего Востока, усиление в этом процессе роли Русской православной церкви, создание Камчатской епархии и разделение ее на Благовещенскую и Владивостокскую.

А теперь рассмотрим некоторые характерные особенности этих этапов.

Коренное население Дальнего Востока никогда не было многочисленным и всегда отличалось значительным этническим и языковым многообразием, его отдаленность от очагов развитой цивилизации, изолированность и малочисленность существенно сдерживали развитие культуры. Оно как бы законсервировалось на многие столетия – вплоть до включения дальневосточных земель в состав России. Само присоединение было преимущественно мирным, хотя использовались и военные методы. В результате этнического контакта произошло прекращение междоусобных столкновений среди аборигенного населения, и был дан толчок к ускорению их социально-экономического развития. Этому процессу способствовала активность православных священников, которые приходили в далекий край вместе с землепроходцами. Их пребывание было необходимым для отправления духовных нужд. Первые священнослужители прибыли на Дальний Восток в 1639 г. вместе с воеводами новообразованного Якутского уезда. Через десять лет Е. Хабаров приступил к освоению Приамурья и заложил крепость Албазин. В 1671 г. иеромонах Гермоген основал в Албазине и Кумарском остроге два монастыря, а позже, в 1681 г., создал Селингинский, Троицкий и Посольский Спасо-Преображенские монастыри – центры развития русского православия и русской культуры на востоке России.

В это время происходит эпизодическое крещение отдельных представителей коренного населения и даже целых родов, племен. Христианизация населения предполагала необходимость общения, а учить элементам русского языка в XVII в. можно было только по церковным книгам, которые Сибирский приказ специально закупал для дальневосточных экспедиций. Кроме того, часть книг была привезена на Дальний Восток и самими священнослужителями. Однако вслед за В.С. Глаголевым необходимо отметить, что «среди мотивов христианизации на стадии первопроходческого описания края следует назвать помимо апостольского рвения и практические резоны: острая потребность в проводниках, лоцманах, переводчиках из местных жителей. Приобщение их к православной культуре, полагали первопроходцы, повышает их надежность».

Приобщение к христианству местного населения было прервано подписанием в 1689 г. Нерчинского договора, по условиям которого большая часть Приамурья передана Китаю. Россия покинула Амур на 170 лет. И все же культурное наследие русских среди коренных народов осталось на многие годы в полученных знаниях и предметах материальной культуры. Во время вынужденной паузы объектами внимания российских землепроходцев становятся «ничейные» земли – Камчатка, Сахалин, «Русская Америка».

По мере продвижения на восток первыми священниками обосновывались монастыри и храмы, которые становились центрами миссионерской деятельности среди аборигенного населения.

Активное приобщение к основам русской православ-

Фото Александра Голоднева

ной культуры начинается с работы Камчатской духовной миссии в 1754 г. Миссия состояла из специально подобранных служителей церкви, и уже к 1762 г. основная масса местных жителей Камчатки была обращена в христианство. Следующая миссия была назначена в 1793 г. в «Русскую Америку» для крещения алеутов и индейцев.

В конце XVIII в. задачи христианизации местного населения и его обучения были возложены на Российско-американскую компанию, действовавшую в «Русской Америке». Ее президенты и Г.И. Шелихов и А.А. Баранов не только создают школы для обучения эскимосов и индейцев, но и отправляют группы молодых алеутов и индейцев для обучения в Россию. Предварительным условием было, конечно, принятие ими крещения.

Несколько раньше о. Иннокентий (Кульчитский) переводит в Селенгинске Священное писание и Литургию на языки народов Восточной Сибири и Забайкалья, облегчая тем самым миссионерскую работу среди них. В дальнейшем православная миссия Восточной Сибири и Центральной Азии становится главной опорой в христианизации не только этих регионов, но и духовной опорой святителя Иннокентия «Апостола Америки и Сибири» — Попова-Вениаминова (1795—1879), проповедовавшего православие на Чукотке, Аляске, Алеутских, Командорских и Курильских островах, на Камчатке, а также в Маньчжурии.

Во второй половине XIX в. на первый план выходят геополитические цели. В ходе заключения ряда договоров с Китаем произошло политическое закрепление за Россией Дальнего Востока, а главной задачей Русской православной церкви стало ее культурное освоение, которое было возможным через духовное окормление верующих, развитие образования, просвещение, работу, направленную против сектантства, формирование духовной интеллигенции.

Церковное строительство на Дальнем Востоке и в «Русской Америке» имело большое культурное значение. Монастыри, церкви, часовни и молельные дома приобщали население к основам русского православного христианства, т.е. к основам русской культуры. Этому способствовали и приходские школы, открытые церковью в «Русской Америке», на Камчатке, в Якутии как для русских, так и для детей аборигенов.

С.В. Грачев в своей работе «Геополитика в истории образования нерусских народов» впервые ввел в научный оборот междисциплинарное понятие «геополитика в сфере образования», под которой он понимает совокупность геополитической доктрины, определяющей цели, характер, содержание образования в процессе формирования личности с необходимой этнокультурной и пространственно-политической самоиндефикацией. Им же были обозначены главные задачи геополитики в сфере образования: обеспечение создания культурно-образовательной ситуации... и утверждение статуса государства в мире через развитие интеллектуального потенциала.

Практическим решением этих задач через сеть подведомственных учебных заведений и занималась Русская православная церковь в ходе освоения региона. Однако только лишь развитие образования не могло решить многих проблем, связанных с просвещением коренного населения.

Во второй половине XIX в. понятие «просветительство» рассматривалось российской интеллигенцией в традициях византийских миссионеров, которые стремились перенести в сознание и души обращенных восточных славян Слово Божье и комплекс современных им знаний. «Просветительство» стало восприниматься в значении «душевного строения» и, вместе с тем, как явление,

включающее в себя всю палитру проявлений общественного сознания.

Восстановление традиционного для русской ментальности смысла привело к расширению смысла его производной «просветительство» до глобального социокультурного феномена. Подобное расширение позволило создавать такие семантические конструкции, как «миссионерское просветительство» или «национальное просветительство». Именно миссионерское просветительство было характерно для Русской православной церкви на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

Свою деятельность миссионеры Камчатской епархии во второй половине XIX в. начали с Приамурья — наиболее доступного в территориальном отношении. В 1871 г. сюда приехало более двух десятков миссионеров с предписанием развернуть обучение инородческого населения. С этой целью в 1881 г. создан Благочестивый комитет Православного миссионерского общества. Просвещение коренных народностей Дальнего Востока осуществлялось как через строительство церквей, так и через открытие миссионерских школ.

Одной из первых официально зарегистрированных миссионерских школ была Хабаровская (1873 г.). По данным училищного совета Камчатской епархии, к концу XIX в. в одном только Приамурье функционировало 18 школ с 389 учащимися для так называемых инородцев.

Особенно остро перед Русской православной церковью на данном этапе стояла задача сплотить идеологически достаточно пестрое по своей конфессиональной и этнической принадлежности население, ибо, как отмечает М.Б. Сердюк, «уже в первый период заселения 1858—1882 гг. на Дальнем Востоке сложилась ситуация, отражавшая поликонфессиональность Российской империи. Русские подданные принесли на эти земли все направления христианства, ислам, иудаизм».

Культура любого общества и государства может успешно развиваться только в том случае, если она имеет соответствующую инфраструктуру. Одной из важнейших составляющих культурной инфраструктуры Дальнего Востока была церковь и ее служители. Если на двух предыдущих этапах в распространении православия на Дальнем Востоке огромную роль играли немногочисленные подвижники, как рядовые, так и облаченные высоким саном, то после начала официальной колонизации региона потребовалось не просто увеличение числа священнослужителей, а именно создание условий для формирования собственной духовной интеллигенции. Для решения этой задачи привлекались священнослужители из западных регионов России и готовились духовные кадры в местных церковных учебных заведениях.

Именно священнослужители способствовали распространению книжной культуры среди населения Дальнего Востока, в том числе и через сеть церковноприходских библиотек. Они занимались просветительской деятельностью среди прихожан, организовывали воскресные и праздничные чтения. Ими пересматривались учебные программы и планы школ, делались рекомендации о включении в них спецкурсов по истории Приамурья и географии Дальнего Востока.

Все это, без сомнения, привело к повышению общего уровня грамотности в регионе, формированию собственной, дальневосточной, интеллигенции. Сказанное выше, плюс активная политика русификации местного населения способствовали формированию особой культуры Дальнего Востока, окончательно закрепляя регион за Российской империей.

Живые краски древних иконописцев

Людмила КОЗЛОВА,
искусствовед

Старинная иконопись в собрании Дальневосточного художественного музея представляет особую историческую ценность, которая замечательно характеризует духовную и живописную культуру русского народа на протяжении почти пяти веков.

Вместе с коллекцией русской дореволюционной живописи в 1931 году музей получил также небольшое собрание икон и предметов церковной старины, сформированное специально для него из запасников Государственного Исторического музея и Государственной Третьяковской галереи. В числе этих первых поступлений — ряд икон легендарно-исторического жанра XV—XVII веков, как, например «Сретение», «Вход в Иерусалим», «Евангелист Марк», «Усекновение главы Иоанна Предтечи».

В дальнейшем рост числа икон шел за счет приобретений из частных собраний и передач из Государственного музейного фонда. В середине 1980-х годов от Государственного Русского музея в ДВХМ поступило еще несколько десятков ценных экспонатов, преимущественно иконы XVIII—XIX веков. Все они примечательны особой красочностью («Св. Архангел Михаил», «Воскресение Христово») или оригинальным развитием иконогра-

2

3

1. «Никола». XIX в.

2. «Знамение Пресвятой Богородицы». XVII в.

3. «Вход в Иерусалим». XV в.

фической традиции образов Христа, Богородицы, святых («Спас» в златотканом окладе, «Богородица всех скорбящих радость», богато декорированная растительным и геометрическим орнаментом, имитирующим богатство эмалей, икона «Николай» в светской манере письма, воссоздающая образ знаменитого чудотворца Николая, самого любимого и почитаемого на Руси святого).

В русской иконописной традиции известны несколько школ, которые в разное время сложились на территории феодальной Руси: новгородская, псковская, владими́ро-суздальская, московская. Каждая сохранила в стилистике и колорите своих икон особенности местного письма, вкусы и предпочтения княжеских дворов, индивидуальный почерк иконописцев, участвовавших также в росписи церквей и соборов. В коллекции музея большой интерес представляют «северные письма» (иконы Великого Устюга, Каргополя, Вологды) и поздние небольшие иконы Строгановской школы, написанные плотными красками и изобилующие множеством деталей и золотых орнаментальных узоров.

В музейном собрании представлены также иконы из Деисусного чина («Спас в силах»), праздничного и пророческого чина («Распятие» XIX века, копия с новгородской иконы «Богородица Знамение» начала XVII века).

Новые перемены в жизни России петровской эпохи нашли свое отражение и в живописи икон. Появляются подписные иконы («Богородица Тихвинская», написанная Ильей Овсянниковым в июне 1710 года), созданные в новой манере светского европейского письма («Коронавание Богородицы», 1794 год), отмеченные множеством достоверных деталей, списанные с реальных лиц («Александр Невский»).

Экспозиция икон ДВХМ — это многообещающий и красочный пролог к истории русского изобразительного искусства. А также возможность убедиться в силе воздействия произведений древних иконописцев на сознание и эстетические чувства современного человека.

1. «Богородица Тихвинская». 1710
2. «Св. Архангел Михаил». XIX в.

Путь на гору Фавор

Спасо-Преображенский кафедральный собор

1

Алла Гудкова,
журналист
Фото автора

Размышления у храма

«Чудес не бывает», — убеждены скептики, хотя, подозреваю, многие из них непременно желают увидеть чудо собственными глазами. Но самое странное то, что зачастую в реальной жизни люди смотрят на чудеса и не замечают их. Скорее всего, это происходит потому, что чудеса, которые посылает нам Господь, входят в нашу жизнь тихо и органично.

Всего за каких-то два года на одной из центральных площадей Хабаровска — Соборной — появился необычный в архитектурном решении Успенский собор. А еще через пару лет на другой площади города вознеслись к небу золотые купола велико-

2

лепного Спасо-Преображенского храма, третьего по величине в России.

Если вспомнить историю, то во все прошедшие века храмы в нашем Отечестве воздвигались годами и десятилетиями. И разве не чудо, что за столь короткое время буквально на наших глазах были построены два прекраснейших собора? «Но ведь подобное стало возможным благодаря усилиям самих дальневосточников, не так ли?» — вновь возразят скептики. Разумеется. Но свершилось это не без чудесной помощи Бога.

Просто мы забываем о евангельских словах Иисуса Христа: «...без меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Господь дал людям силы и средства для того, чтобы они смогли воздвигнуть такие храмы. И в этом заложен особый смысл. Через каменные творения Бог напоминает людям о небесном, о вечном и призывает их в Церковь — в Свой дом, где человек не просто соприкасается с Господом, но и соединяется с ним в Таинстве Святого Причастия. И горожане, даже те, кто все еще далек от Бога, проходя или проезжая мимо храмов, обращают на них свой взор и задумываются о Христе, о Его заповедях. Да и названия наших соборов назидательны. Они словно бы говорят людям о том, что их ожидает и к чему им следует стремиться.

Однажды мы с одним журналистом, приехавшим из другого города, остановились на Соборной площади возле Успенского храма. Я рассказывала ему о том, что в 1930 году здесь был разрушен собор и что новому храму, построенному на том же месте, дали прежнее название — в честь праздника Успения

1. Градо-Хабаровский собор Успения Божией Матери (Хабаровск)

2. Архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк

Пресвятой Богородицы. Журналист удивился тому, что успение, то есть уход в мир иной, смерть, христиане именуют праздником. И как раз в это время из центральных дверей собора вышел священнослужитель.

— Давай обратимся к священнику, — предложила я, — послушаем, что он ответит на твой вопрос.

— Вы заметили, что этот праздник называется не кончиной Богородицы, а Успением? — спросил нас батюшка и тут же продолжил. — Божия Мать предала Свой дух Господу очень мирно — так, словно бы уснула на время, а потом воспрянула ото сна. Ведь Господь воскресил Ее и тем самым еще раз показал людям, что смерть — состояние временное, такое же, как сон, после которого наступит пробуждение человека в новом, преображенном теле для вечной жизни.

Воскреснув, Богородица явилась ученикам Христа — апостолам — и сказала им: «Радуйтесь! Я с вами во все дни!» «Пресвятая Богородица, помогай нам!» — воскликнули апостолы.

И мы видим, что, действительно, во все века Богородица духовно не оставляла наш мир. Она помогала и продолжает помогать людям, которые обращаются к Ней в молитвах. Это ли не доказательство того, что с завершением земного пути жизнь продол-

жается. Еще с первых веков христианства верующие встречали смерть с надеждой и радостью, а день кончины христианина, например, мученика за Христа, считался днем его рождения.

— А почему днем рождения, а не продолжением жизни, — поинтересовался журналист?

И священник ответил:

— Когда на свет появляется бабочка, мы чаще говорим о том, что родилась прекрасная бабочка, нежели о том, что гусеница таким вот образом продолжает свою жизнь...

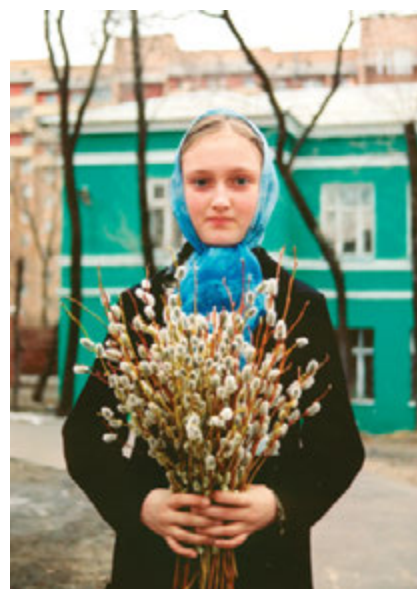

Шаг за шагом к Преображению

В основу праздника Преображения Господа Иисуса Христа, который отмечается Церковью ежегодно 19 августа, легло евангельское событие. Господь, незадолго до Крестных страданий, желая укрепить веру Своих учеников, преобразился перед

1. Нижний храм святого апостола Марка в Спасо-Преображенском кафедральном соборе (Хабаровск)

2. Клирик Хабаровской епархии протоиерей Олег (Хуторской)

Проповедь
иерея Георгия

взорами трех апостолов на горе Фавор, показав Свое величие и Божественную славу. Его лицо сияло, как солнце, одежды сделались белыми, словно снег, и блистающими, как свет.

Праздник Преображения сообщает христианам о том, что они должны стремиться к преобразению собственной души, к духовному совершенству, к подобию Божию.

И, вероятно, с надеждой на то, что дальневосточники будут приближаться к этому совершенству, кафедральный собор Хабаровска был наречен Спасо-Преображенским.

— Если кто-то думает, что он уже преуспел в своем духовном делании и трудиться ему больше не над чем, то такой человек ошибается, — размышляет ключарь нового собора, протоиерей Олег (Хуторской). — Сколько бы мы ни жили, хоть сотни лет, как

наши библейские прародители, нам всегда будет над чем трудиться изо дня в день. Господь призывает к преобразению всех. Вот только не все откликаются. Мне повезло побывать в Иерусалиме и увидеть Фавор. Это действительно огромная гора. Недаром евангелист Лука пишет о том, что когда апостолы поднялись на эту гору, они утомились и, пока Господь молился, заснули. Но после того как проснулись, увидели Господа преобразенным. Поэтому, если мы хотим преобразить свою душу и оказаться рядом с Богом в вечной блаженной жизни, самое главное для нас — постоянно совершать духовное восхождение и подниматься шаг за шагом на символическую гору Фавор. Пусть мы утомимся в пути так, что и сил у нас уже не останется, когда доберемся до вершины, но там, наверху, нас будет ждать то, ради чего стоило совершать это восхождение...

Святые лики русских икон

Галина ЕГОШИНА
Фото Александра ХРАМЦОВА

Коллекции предметов древнерусского искусства (к древнерусскому искусству традиционно относится также русская икона XVII – XIX вв. – **Прим. автора**) существуют во всех без исключения музеях Дальневосточного региона. Различные по величине, составу и историко-культурному значению включенных в них памятников, все они непременно формируются вокруг иконописи.

Собрание икон Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова невелико – всего 92 предмета. Коллекция, включающая темперную и масляную икону, хромолитографию и медно-литую пластику, сложилась практически стихийно, в результате собирательской деятельности отдела досоветской истории, когда икона поступала в основной фонд как неотъемлемая часть комплекса предметов, характеризующих быт определенного социального слоя переселенцев-славян. К 1990 годам накопившееся количество разнообразных памятников иконописи потребовало их систематизации и изучения, и в 1993 году руководством музея было принято решение о выделении коллекции древнерусской иконописи. Мне посчастливилось стать ее первым хранителем.

В процессе описания икон стало понятно, что музею удалось собрать интересную коллекцию, позволяющую сегодня иллюстрировать уклад жизни различных слоев переселенцев, характеризовать процессы развития иконного промысла в России, изучать старобрядческую культуру.

В собрании икон Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова исследователь найдет и храмовую, и домашнюю икону различного качества и технологии изготовления. Значительная часть представленных в коллекции музея икон – образцы массового ремесленного производства. Это так называемая расхожая икона, характерная для низовой ремесленной культуры. Подобные иконы выполнялись как в небольших крестьянских мастерских, так и на иконных фабриках. Среди них можно выделить иконы-подкладницы, печатные иконы на жести, хромолитографии, темперные и масляные иконы.

В музейной коллекции представлено несколько типов икон-подкладниц (писанных специально под оклад икон): подфолжные иконы, хромолитографии под штампованным жестяным окладом иконы, выполненные маслом и закрытые штампованным или чеканным (иногда гравированным) жестяным окладом, иконы более высокого качества, выполненные маслом под серебряным (чеканным или гравированным) окладом.

ЕГОШИНА Галина Геннадьевна, искусствовед, исследователь русской иконописи XIX века и творчества художников Дальнего Востока России. Искусствоведение, свою вторую специальность, изучала на факультете искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Первая специальность дала знание двух европейских языков – французского и немецкого – и позволила самостоятельно изучить английский и дала возможность понимать тексты практически на

всех германских и романских языках. Третья специальность – государственное и муниципальное управление – расширила горизонт знаний, научила внимательному отношению к человеку, дала новое научное увлечение – интерес к психологии управления. В настоящее время – главный специалист Управления Федеральной службы по соблюдению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Дальневосточному федеральному округу.

2

1. «Богоматерь Казанская»
(подокладница).

Россия XX в.

2. «Святая великомученица
Варвара».

Россия,
к. XIX в. – н. XX в.

К первому типу относится несколько памятников. Это, как правило, широко распространенные в среде украинских переселенцев печатные изображения Богоматери или Спасителя в остекленном киоте, под узорным окладом из фольги, часто дополнительно украшенные пестрыми веночками из бумажных и восковых цветов. Они недорого стоили и удовлетворяли вкусы широких слоев населения своей внешней схожестью с народной иконой. Их пышность и массивность приносили оттенок торжественности в убранство красного угла избы. Не случайно именно такие иконы служили, как правило, венчальными и передавались затем из поколения в поколение как важная семейная реликвия. Примером могут служить парные иконы «Господь Вседержитель» и «Казанская Пресвятая Богородица», привезенные хабаровским историком М.Ф. Буриловой из села Невского Приморского края (бывший Хабаровский уезд Лутковской волости) в 1987 году (веночки на таких иконах часто являются самодельными и более поздними, чем сами иконы. — *Прим. автора*).

Среди хромолитографий под штампованным жестяным окладом вновь мы встречаем образ «Богоматери Казанской». Одна из таких икон была приобретена хабаровским историком Н.А. Соболевской у старожилов

города Бикина. Основа иконы — цветное изображение, выполненное литографией Соловьева в Москве, датированное 1902 годом. Хромолитография наклеена на деревянную доску, оклеенную в традициях времени тканью. Штампованный оклад из белой жести открывает только лики и руки, как принято на подокладных иконах. Подобные иконы широко изготавливались иконными фабриками и мастерскими Москвы, Палеха и других мест в России массовыми тиражами и были доступны широким слоям населения.

Среди подокладных масляных икон выделяется своим гравированным окладом «Господь Вседержитель», поступивший в комплексе документов и предметов польского ссыльного Р. П. Залесского. Изображение Спасителя интересно для исследователя тем, что оклад намеренно закрывает большой палец Спасителя так, что новообрядческое троеперстие превращается в дониконовское дуперстие. Подобные превращения отмечены ярким деятелем старообрядчества епископом Михаилом Семеновым в статье «Чудотворная икона Пресвятыя Богородицы «Утоли моя печали»».

Широко распространенные в России рубежа XIX—XX столетий печатные иконы на жести представлены небольшими по размерам образами «Святого Благоверного и Великого князя Александра Невского» (ф-ка В. Бонакера, г. Москва, 1896), «Господа Вседержителя» (ф-ка В. Бонакера, г. Москва, 1896) и «Святого Феодосия Черниговского» (ф-ка В. Бонакера, г. Москва, XIX). Изделия иконных фабрик, сравнительно недавно ставшие объектом собирательства, помогут исследователю изучить сюжетику, бытование и распространение иконописи в пореформенной России.

Представлены в коллекции музея и когда-то широко распространенные, а ныне редко встречающиеся иконы-хромолитографии. Н. А. Соболевская, изучая быт украинских и белорусских переселенцев в районе им. Лазо Хабаровского края, привезла из экспедиции 1976 года парные иконы «Вознесение Господне» и «Святой Николай Чудотворец» довольно большого размера, любовно вставленные в деревянные рамки под стекло. Иконы представляют интерес также и как образцы изделий знаменитой Ченстоховской литографии картин доктора Станислава Одерфельда, печатавшей богослужебную литературу и иконы для нужд православной церкви на территории Украины и Польши.

В 1991 году в коллекцию музея поступили три иконы поколенного старообрядческого деисусного чина: «Господь Вседержитель», «Богоматерь Боголюбская» и «Святой пророк Иоанн Предтеча». Стилистические, иконографические и технологические особенности позволяют датировать их первой половиной XIX века. Иконы могут быть отнесены к Невьянской иконописной школе. Письмо темпер-

ное, на нимбах сусальное золото (двойник), верхний слой которого сильно потерт и имеет утраты. Фоны охряные, оранжеватые, поля оливковые, опушь двойная: бело-красная вокруг средника и зелено-красная по периметру полей. Доски имеют врезные торцовые шпоны. Очень выразителен образ Спасителя. Его суровый лик написан оливковыми притенениями по светлой охре, под губой — характерное для невянской иконы темно-оливковое пятно в форме банта.

Среди хранящихся в музейных фондах темперных икон есть заказные, имеющие на обратных сторонах досок ценные для современного исследователя надписи. На иконе «Воскресение Христово с праздниками», например, мы можем прочесть: «Серостаноп за речку верх Самсон Яковлич Термин «Праздники», на иконе «Святой Николай Чудотворец»: «Деревня Мальцова проулье Александру Кузмичу Мальцову Николу без митры».

Небольшая темперная икона Георгия Победоносца имеет также важную для исследователей особенность: в верхнем левом углу иконы поверх старованного фона написан характерный для старообрядцев-беспоповцев «Нерукотворный Спас». Другая особенность — апокрифичность изображения с царевной Елисавой, держащей змея на длинном извилистом поводке.

Неменьший интерес представляют самодельные иконы. Одну из них выполнила из имевшихся в ее распоряжении изображений фабричного производства и подручных материалов в начале XX века Н.С. Кадушкина, переселившаяся на Дальний Восток из Воронежской губернии. Икона круглая, двусторонняя: на лицевой стороне изображение Серафима Саровского, выполненное финифтью на металле, на обратной — поясное изображение Богоматери Почаевской. Согласно легенде, автор — крестьянская девушка — изготовила икону к венчанию. Она поместила изображение под стекло, окружила желтой фольгой, плетеным из шерстяных и хлопчатобумажных нитей кружевом, ввела стеклянные бусины и металлические блески. Чудом сохранившаяся в семье, эта икона — редкое свидетельство народного творчества.

Другая самодельная икона — изделие эвенкийского мастера. Это небольшая трапециевидная дощечка с крюком для подвески в верхней части. На дощечку наклеены четыре цветные открытки с изображением святого Николая Чудотворца. Этот святой наиболее популярен у многих новообращенных народов, так как они считают его равным Богу. Эта икона — редчайший исторический факт, свидетельствующий о приобщении местного населения к православию в начале XX столетия.

Даже столь краткая характеристика коллекции икон Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова свидетельствует о том, что ее историко-культурное значение достаточно высоко. Собрание икон представляет большой интерес для исследователей различного профиля: историков, культурологов, искусствоведов.

1. «Господь Вседержитель» (подокладница).
Россия, к. XIX – н. XX вв.
2. «Вседержитель» (в киоте под стеклом, с веночком).
Россия, н. XX в.

Пасхалия на старославянском

О рукописном сборнике XVIII века

Татьяна ЩЕРБАКОВА

В фонде отдела редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки хранится старинная кириллическая рукописная книга. В каталоге она обозначена как «Пасхалия на старославянском языке». Естественно, что ни год, ни место написания этой книги не указаны. Особого внимания книговедов или филологов она не привлекала, в отличие от неоднократно описанной старопечатной Острожской Библии Ивана Федорова 1581 г. Хотя, на наш взгляд, наличие пяти цветных миниатюр в тексте и само содержание книги заслуживают особого внимания.

В процессе изучения выяснилось, что книга представляет собой уникальный рукописный сборник XVIII века. Датировка издания была проведена на основе бумаги: филигранный герб Амстердама с контрамаркой «Я/». Бумага с подобными водяными знаками датируется 1700–1725 гг. Это позволило примерно определить дату появления книги — первая половина XVIII века. При более подробном изучении эта дата была подтверждена экспертизой почерка.

Рукописные сборники XVIII века — большой и своеобразный раздел книжности и литературы, практически не изученный ни в литературоведении, ни в книговедении. Кроме вышедшей в 1963 г. монографии известного исследователя древнерусской литературы М.Н. Сперанского, глубоко и всесторонне отразившего многообразие этого

рукописного наследия, никто не занимался этим столь любопытным пластом русской книжности. М.Н. Сперанский описал разные типы сборников, ввел в научный оборот новые материалы по различным разделам истории русской литературы XVIII века, показал связь печатной и рукописной книги. Было выявлено много до тех пор неизвестных рукописных сборников с памятниками устной словесности, что позволило полнее представить значение устного народного творчества в литературе XVIII века. Сборники, таким образом, предстали связующим звеном между устной народной поэзией и печатной книгой. Исследование М.Н. Сперанского было продолжено новосибирским ученым О.Н. Фокиной. Она ввела в классификацию рукописных сборников, предложенную М.Н. Сперанским, сборники религиозной ориентации (или религиозно-дидактические). На основе изучения социального состава переписчиков и владельцев рукописей исследователь делает вывод, что «сборники этого типа являются актуальной областью читательских интересов не только духовенства, но входят в круг чтения крестьян, купцов, жителей посада; встречаются и записи дворян... В XVIII веке эти сборники становятся областью народного чтения и сохраняют свое значение в этом качестве на протяжении XVIII — первой половины XIX веков». Наш сборник относится именно к этой категории. Более того, широта охвата источников, отсутствие плана и постепенное наполнение материалом позволяет характеризовать его как своего рода энциклопедию.

Для доказательства более подробно проанализируем состав рукописи. Четыре первых листа представляют собой многоцветные миниатюры в простой рамке с изображением архангелов Михаила, Гавриила, Селатиила и Егудиила. Далее на пяти листах переписан источник, озаглавленный «О Пасхалии». В тексте описано, что такое лунный и сол-

ЩЕРБАКОВА Татьяна Александровна, заместитель директора Музея истории города Хабаровска.

Родилась в Амурской области, в Хабаровске живет с 1972 года. Окончила Хабаровский государственный институт искусств и культуры, долгое время работала в Дальневосточной государственной научной библиотеке. Печаталась

в сборниках и периодических изданиях по вопросам книжной культуры Дальнего Востока. Занимается историей бытования русской кириллической книги на Дальнем Востоке. Один из ведущих специалистов в этой области.

нечный круг, високосный год, даны другие календарные понятия. В эту же часть включена глава «О Силуамской купели», которая по смыслу никак не соотносится с предыдущим текстом (Силуамская купель — один из резервуаров питьевой воды в Иерусалиме. Вода имела целебную силу — с ее помощью Иисус исцелил слепорожденного). Затем вплетен лист по почерку, содержанию и чернилам совершенно отличный от предыдущего текста. Он содержит «Канон на исход души». Следующий лист — миниатюра, изображающая сюжет «Распятие Господа нашего Иисуса Христа», на обороте наклеена миниатюра с изображением первого Вселенского Никейского Собора, а далее дано краткое описание Собора. Первый Вселенский Никейский Собор проходил в 325 г. Основной вопрос, рассматривавшийся на Соборе, — ересь Ария, александрийского пресвитера, о неравенстве Бога Отца и Бога Сына. Акт этого Собора не сохранился, все описания были составлены позднее на основе легенд и преданий. До нас дошли 20 Правил и Символ Веры, утвержденные на Соборе. Одно из Правил касалось времени празднования Святой Пасхи. На каждый год были сделаны соответствующие вычисления, чтобы Пасха христианская не совпадала с иудейской. Автор протографа, переписанного в нашем сборнике, главным событием Никейского Собора считает установление о праздновании дня Святой Пасхи. Очень любопытно в этой части развернутое на четырех листах поэтическое сравнение, в котором год называется «великим царем», подчиняются ему четыре правителя — времена года и 12 «великих князей» — месяцы, которым в свою очередь служат юноши — дни месяца и 52 «епарха» — недели. Юношам дают из царской ризницы «златицы» и «медницы» — часы дневные и ночные. Данный текст и композиционно, и по использованию выразительных языковых средств очень близок к устному народному творчеству.

К сожалению, 17-й лист в сборнике вырван, а именно здесь находилось название следующей главы на 38 листах, где непосредственно излагаются особенности расчета Пасхалии с применением руки, или, как называли это в древности, Вруцелето. Многие исследователи считают, что умение рассчитывать по руке лунный и солнечный круг, время постов, церковные праздники пришло к нам из домонгольской Руси. В славянском мире для этих целей издревле существовал трехтабличный комплекс. В его оформлении в виде ладоней рук с надписями можно увидеть сакрализацию этого процесса, его своеобразное освящение. Сакральное восприятие рук известно до сих пор: лечение «наложением рук», «воздевание рук» для привлечения внимания окружающих, линии руки в хиромантии рассматриваются как предначертания судьбы. Поэтому табличные данные, записанные на ладонях рук, могли восприниматься в качестве информации, имеющей священное значение. И, конечно, самым главным было умение верно рассчитать христианской Пасхи по руке. Ведь день Пасхи был центральным пунктом государственного и церковного календаря. Незнание правильной даты Пасхи в текущем году ставило духовную жизнь христианского государства на грань катастрофы. Долгое время считалось, что функционирование церковного календаря на Руси обеспечивалось привозными Пасхалиями, что ставило молодое государство в зависимость от Византии и стран Западной Европы. Новые данные и их анализ свидетельствуют о существовании на Руси оригинальной расчетной пасхалистики.

Заключительная часть сборника на 62 листах содержит Месяцеслов, причем переписаны выборочно Памяти различных святых с нарушением календарного следования. Это является доказательством вывода О.Н. Фокиной, что ключевой фигурой при составлении подобных сборников

«является читатель-составитель-редактор и, следовательно, отчасти соавтор и создатель каждого сборника». В этой части рукописи рядом расположены «память святого и славного великомученика Димитрия» — покровителя всех славян (26 октября — день его памяти — был большим праздником на Руси) и история Сусанны, взятая из библейской книги пророка Даниила, вообще считавшаяся неканонической. Рядом с житием Стефана Нового, преподобномученика, и неизвестное в религиозной литературе «Слово о Мусхе десятильнике како сотвори милость со убогою женою и не прикоснуся ей». Далее следует слово святого Евагрия об умилении души.

Принцип отбора статей позволяет сделать вывод о том, что составителю сборника ближе религиозные этические нормы, приближенные к частной жизни обычного человека. Происходит, по выражению М.Н. Сперанского, своеобразный процесс «обмирщения». О.Н. Фокина уточняет это понятие: «...только в данном случае речь идет о разнообразных формах восприятия религиозно-философских проблем обычным, «мирским» читателем. Авторы компиляции, переписывая слова и поучения, как правило, о насущных моментах обывательской жизни, не стремятся к дидактике как таковой, часто их нельзя заподозрить в начетничестве, но они не чужды морализаторства, часто выступают, таким образом, в роли и проповедника, и прихожанина».

Присутствуют в сборнике своеобразные краткие энциклопедические «мелкие выписки»: «Како разумеются в Кресте Господни три древа», «О сошествии огня на Гроб Господень в Иерусалиме», «О Сионской горе», «Память великого труса (землетрясения)».

Сборники данного типа, относившиеся к «душеполезному чтению», достаточно поздно привлекли внимание ученых и коллекционеров — только в первой половине XIX века. Характеризуя научную деятельность известного знатока и собирателя древнерусской книжности Н.С. Тихонравова, А.Н. Пыпин отмечает, что в этот период «...по отчетам Публичной библиотеки в Петербурге можно видеть, что число приобретаемых старых рукописей сильно уменьшилось, взамен появляются рукописи позднейшие, и, между прочим, именно та полународная письменность, на которую обратили внимание с конца сороковых годов. Но в то время исследование еще мало касалось этой заброшенной литературы, разве только в случайных напоминаниях каталогов, и немудрено, что в поисках за ней часто случались любопытные находки, а иногда и открытия».

Наш сборник, предположительно, был составлен для личных нужд и имел хождение в городской образованной среде. История его появления в фондах библиотеки подтверждает нашу гипотезу. На обороте верхней крышки переплета приклеен лист бумаги с надписью: «Книга, пожертвованная г. Лопатиной в биб-ку в 1898 году. Пасхалия — рукопись на славянском языке с приложением раскрашенных рисунков архангелов. Время написания неизвестно». Запись, по-видимому, сделана на основании отчета Николаевской публичной библиотеки Приамурского Отдела ИРГО за 1898 год. Как указано в отчете, госпожа Лопатина подарила библиотеке еще две книги: рукопись Брюсова календаря и Исторический географический атлас (Антверпен, 1603). К сожалению, эти книги в фонде не сохранились. Установить личность дарительницы также не представляется возможным, так как не указаны даже ее инициалы.

Таким образом, уникальный рукописный религиозно-дидактический сборник XVIII века, хранящийся в фондах ДВГНБ, представляет классический пример народной книжности того времени.

«Троица».
Яичная темпера, лак,
живопись. 2002

Рама (резьба по дереву) –
автор А. Фабер

СОТВОРЕНИЕ

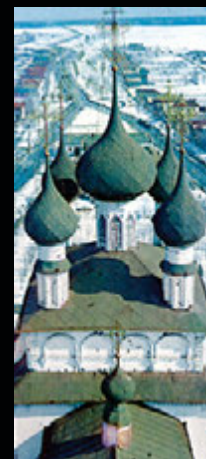

Фото А. Баталова

Елена ГЛЕБОВА
Фото Виктора КОРКИНА и Галины ПЕРШИНОЙ

У мастеров старинного палехского искусства есть особый термин – творить. Сначала художник творит краски и золото (причем даже в наши дни этот трудоемкий процесс от начала и до конца основан на древней технологии), потом творит само произведение. Рождаются славянские образы, оживают забытые, а порой и вовсе утраченные картины нашей истории, культуры, и возникает ощущение сказки. Она рассказана негромко, но так, что остается в памяти навсегда. Это – сотворение.

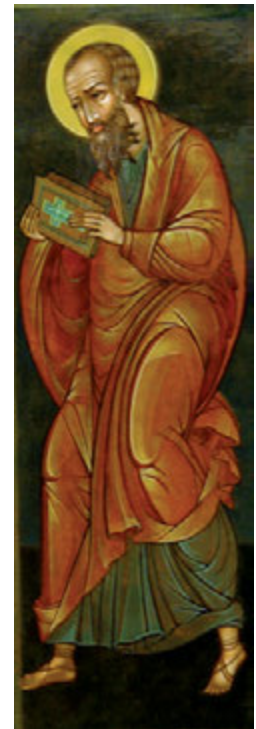

«Ангел в белом». Эскиз фрески.
Яичная темпера. 2004. Частная коллекция

«Апостол Петр».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Апостол Павел».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

К философии Палеха, одного из крупнейших и известных центров русской культуры, сегодня мы имеем возможность прикоснуться в работах художницы Натальи Михеевой, выпускницы Палехского государственного художественного училища им. М. Горького, которая уже почти тридцать лет творит здесь, на Дальнем Востоке.

На выставках ее работы, колоритные, напитанные кропотливым трудом художника, для многих становятся мостиком, который возвращает к истокам. Картины русского быта, старинные праздники, дальневосточные штрихи к славянской линии жизни далекого региона, сотканые из судеб переселенцев разных эпох. А в 2004 году Наталья Михеева открыла для дальневосточного зрителя абсолютно не известный пласт палехского искусства — иконописный. Цикл духовных работ, объединенный в экспозицию «Тайны ремесла», воплотил образы святых Деисусного чина. Сегодня они находятся в коллекции Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры.

Палех иконописный

Пожалуй, до этой выставки в Арт-подвальчике информация о том, что Палех — одна из жемчужин иконописного искусства на Руси, для многих была закрытой. Впрочем, это неудивительно. Здесь, на Дальнем Востоке, мы вообще мало знакомы с центрами русских ремесел, и познания эти часто ограничиваются дымковской игрушкой, хохломой, гжелью да палехскими лаковыми шкатулками. Но приходит время, и потайная дверь открывается.

Основателем княжеского рода Палецких был младший сын Андрея Федоровича Стародубского — Давид, живший в первой половине XIV века. Правда, к середине XVI века род князей Палецких, давших имя селу, прекратился. В разные времена Палех являлся поместьем владения сына Ивана Грозного — Иоанна (1572), Василия Ивановича Острожубова (1616), Ивана Бутурлина и его детей (1628—1630). С Палехом так или иначе связано немало знаковых имен русской культуры. Например, соседнее село Матушкино (или Воздвижение) в XVII столетии принадлежало роду Пушкиных, а в 30-х годах XIX века им владел младший брат А.С. Пушкина — Лев Сергеевич. Деревня Сергеево близ Палеха — родина матери А.П. Чехова. Но главное здесь — в этом русском селе зародилось и прошло сквозь времена самобытное направление национальной культуры.

По поводу иконописного палехского искусства искусствоведы говорят о том, что ему приблизительно три столетия, хотя каких-либо письменных источников, фиксирующих время возникновения здесь иконописания, нет. Во всяком случае, пока они не обнаружены. С Палехом связан старинный иконописный род Кориных: о нем упоминается в документах XVII века. К этому роду принадлежал известный художник-передвижник Алексей Михайлович Корин, а также Павел Дмитриевич Корин — собиратель русских древностей.

Исследователи доказали, что палехская иконопись ориентировалась на высокие образцы древнерусской живописи, а формирование стилистики палехских икон происходило не без влияния Ярославля, Костромы, Великого Устюга. Постепенно складывался собственный стиль палехских иконописцев — палешан, чьи работы, согласно историческим документам, пользовались большим спросом. Искусствовед

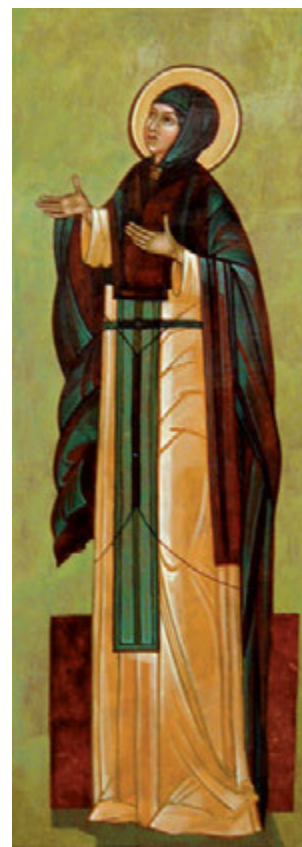
«Архангел Михаил».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Архангел Гавриил».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Петр и Февронья Муромские».
Яичная темпера, лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

Людмила Князева, анализируя коллекцию Государственного музея палехского искусства, отмечает, что палешане творили необычные и удивительные по колориту произведения. Они использовали холодное сочетание бирюзы, лазури, изумрудной зелени с лиловым, пурпурным, карминно-красным и прозрачными коричневыми цветами. В Палехе творились иконы самые разные, а некоторые из них, прославившись чудесами, почитались как чудотворные.

Палех был поистине иконописным. Этот главный промысел кормил не одно поколение художников, причем разрастались целые семьи иконописцев, передавая тайны ремесла из поколения в поколение: Сафоновы, Корины, Каурцевы, Парилковы, Балякины, Малаховы, Белоусовы, Хохловы, Зубковы и др. Небольшой исторический штрих. В начале XIX века в Палехе и прилегающих к нему деревнях иконописанием занимались 600 душ. Однако в начале века двадцатого, а точнее, в 1918 году, иконописные мастерские Палеха были закрыты. Но время все равно пощадило это уникальное место в России. Несмотря на разрушительные времена храмы Палеха уцелели. Говорят, что святыни спасла творческая благодать мастеров-иконописцев.

Палех Натальи Михеевой

Старинное село Палех, с его привольными русскими пейзажами для Натальи Михеевой стало и случаем, и судьбой. Скорее даже судьбой, потому что случайностей

— нет. На речушке Донховке в городе Конаково, что в Тверской области, она познакомилась с девочкой Юлей. Та приезжала на лето к бабушке, которая, как выяснилось, была внучкой одного из основателей палехского искусства — Николая Михайловича Зиновьева. Впрочем, тогда Наталья мало что знала о Палехе и его мастерах. Она все время рисовала, но не просто сюжеты или образы. Рука выводила замысловатые орнаменты из цветов, травинки, листиков. Этими «художествами» постоянно разрисовывались обложки Наташиных учебников (прежде было принято оборачивать книги тонкой бумагой), и каждые три-четыре дня книжную «одежку» приходилось менять. А вдохновение, вот оно, на живописном берегу милой Донховки с мелким разнотравьем и медвяными ароматами. Так вот, родственница знаменитого палешанина, увидев узорчатые обложки Наташи, сказала, что той нужно обязательно учиться художественному ремеслу, и непременно в Палехе.

С этого началась палехская ниточка судьбы. Наталья Михеева окончила десятилетку и, захватив с собой цветные карандаши да все те же изрисованные обложки, поехала поступать в Палехское художественное училище. Там, на экзаменах, ей впервые ... пришлось рисовать красками, ведь прежде для орнаментальных композиций требовались карандаши, ручка, тушь. Поступление в училище оказалось делом совсем не простым. Из 120 претендентов было отобрано только 16. Наташа испытание выдержала.

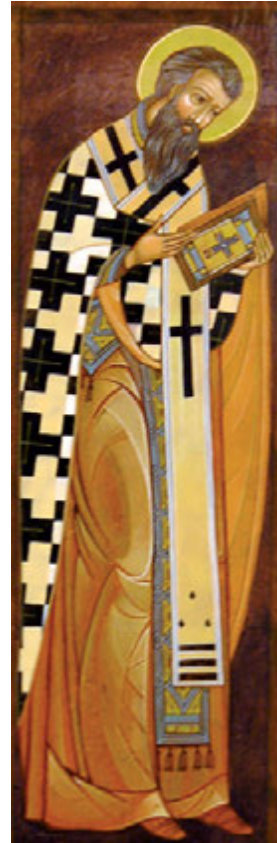
Она вспоминает годы в Палехе как одни из самых луч-

«Богоматерь».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2003.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Иоанн Предтеча».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Св. Василий».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

«Св. Николай».
Яичная темпера,
лаковая живопись. 2004.
Хабаровский краевой
благотворительный
общественный фонд культуры

ших своей жизни. Пять лет, наполненных общением с уникальными мастерами, прикосновением к накопленному вековому опыту палешан, в том числе и иконописному. Наташе приходилось не раз делать студенческие работы, копируя старинные иконы в Крестовоздвиженском храме Палеха, где сохранились творения великоустюжских иконописцев XVI века, письма палехских мастеров. И хотя потом почти на два десятка лет это направление в творчестве художницы приостановилось, оно всегда было с ней и в итоге воплотилось в цикл работ, посвященных русским святым.

А дальше в палехской истории Натальи Михеевой начинается Дальний Восток, куда она приехала в 1976 году сразу после училища. Далекий край был связан с молодостью отца, служившего здесь на флоте и считавшего его одним из красивейших мест на земле. Через всю Россию поезд мчал ее в пункт назначения — в город Советская Гавань. Здесь, на Северном судоремонтном заводе, Наталья Михеева работала художником-оформителем и осваивала дальневосточное пространство. Оно было действительно особенным с его необычными формами и красками. Лабиринты папоротников, огненные всплески саранок, изломанные морскими ветрами кроны деревьев, экзотические обитатели тайги — все это в процессе сотворения легло в основу дальневосточных палехских сюжетов художницы.

Сегодня Наталья Михеева живет недалеко от Хабаровска, в селе Бычиха — живописном и достаточно тихом. Наташа говорит, что не смогла бы жить в городской суете.

Впрочем, такой художник, как она, словно в чистом воздухе нуждается в уединении и прямом диалоге с природой. Наталья преподает в эколого-эстетическом центре «Хецирские узоры» и занимается творчеством. Последние несколько лет — иконописным, что требует немало душевных сил. А иначе не будут светиться лики, и краски померкнут на святых образах. Но это путь художника, осознанный и целенаправленный. С соблюдением всех тонкостей древней технологии палехских иконописцев, когда темперные краски творятся на яичной эмульсии, Натальей Михеевой созданы творческая копия иконы «Георгий Победоносец» и сложнейшая работа «Святая Троица», которые сегодня находятся в частных коллекциях.

В духовный цикл работ из Деисусного чина вошли образы Богоматери, Иоанна Предтечи, святых Василия и Николая, архангелов Михаила и Гавриила, святых Петра и Февроньи Муромских. Как уже упоминалось, эти работы находятся в собрании Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, а в будущем, и Наталья об этом мечтает, они, возможно, займут место в небольшой часовне или церквушке. Во всяком случае, фонд культуры в рамках своего проекта «Русская деревня» рассматривает вопрос воздвижения часовни.

И еще Наталья Михеева думает о создании в «Русской деревне» иконописной мастерской. Художница готова делиться своими знаниями с молодыми талантливыми людьми, чтобы иконописное искусство Палеха развивалось уже здесь, на Дальнем Востоке.

Сергей ПЛОТНИКОВ, фотограф.

Долгое время жил на Севере, работал на нефтеперерабатывающем заводе, был внештатным корреспондентом газеты «Северная зоря» (Республика Саха (Якутия)). В 2000 году в Доме творческой интеллигенции (Хабаровск) состоялась совместная выставка работ Сергея Плотникова и Константина Антипова, а в 2005 году — персональная выставка «Взгляд».

В аннотации к этой экспозиции Сергей Плотников размышляет: «В учебниках по фотоделу сказано, что фотография — это плоский прямоугольный листок бумаги, на котором изображен выхваченный из ушедшего времени момент. Наверное, поэтому, когда у человека с фотоаппаратом накапливается определенное количество этих самых моментов прошедшего времени, появляется необходимость поделиться прошлым. И взгляд порой может сказать больше слов. Другое дело, смог ли ты поймать этот монолог... Я пытался, а результат на «плоских прямоугольных листках бумаги».

«Фотогалерея» представляет взгляд Сергея Плотникова на Петропавловский женский монастырь, где завершается строительство храма правоверных апостолов Петра и Павла, а также самой обители.

Сестры Петропавловской обители

КАЗАКИ АМУРСКИЕ И УССУРИЙСКИЕ: БЫТ, ПРАЗДНИКИ, ЗАБАВЫ

Галина ЕРМАК

Первые казаки-землепроходцы проникли в Приамурье еще в середине XVII века. Осваивая новые земли, они возводили крепости, остроги: Албазинский (1651), Ачанский (1652), Комарский (1654) и др. В 80-х годах XVII столетия Албазинский уезд уже снабжал хлебом Забайкалье и другие части Восточной Сибири. Закрепление русских в Приамурском крае не устраивало претендовавшее на эти земли правительство Китая. Агрессивная политика и военные действия с китайской стороны привели к тому, что российские подданные были вынуждены оставить этот край. Вновь вопрос о возвращении Приамурья встал в середине XIX века. Над дальневосточными рубежами нависла реальная опасность англо-французской экспансии. Появилась объективная необходимость укрепиться в Приамурье и окончательно присоединить эти земли к Российскому государству. Для решения этой важнейшей задачи была использована традиционная движущая сила российской территориальной колонизации – казачество. На новой границе с Китаем создаются Амурское (1858) и Уссурийское (1889) казачьи войска.

Первоначально на берега Амура и Уссури было организовано переселение казаков из Забайкальского войска и штрафованных нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в европейской части страны. Сначала переселение планировали организовывать на добровольной основе, но так как охотников оказалось мало, к переселению стали назначать. Атмосферу, царившую в забайкальских станицах в тот период, хорошо передают дневниковые записки П.В. Белокопытова: «Народ волнуется. Во всех местах говорят об Амуре. Некоторые довольны назначением... были будто бы веселы и передавали друг другу разные рассказы об Амуре как земном рае. ...Но большая часть унылы и плачут... Нас переселяют невольно в страну, нам совершенно не известную».

Трудно было казакам оставлять нажитое и отправляться в неизвестный край. Современники оставили множество свидетельств о тяготах, выпавших на долю казаков-переселенцев как во время сплавов по Амуре, так и о трудностях водворения на новом месте. Большая часть переселенцев впервые оказалась на воде, многие не умели управлять плотами-паромами. По мнению казаков, нечистая сила устраивала им уловы и омуты, крутила паромы. А знакомые способы защиты от нее оказывались малоэффективными (к примеру, опустить в воду нож). Встреченный переселенцами пароход женщины называли матушкой, походной церковью, «ограждая себя крестом».

Казаки были первыми русскими людьми, с которыми столкнулось коренное население. О встрече с первыми русскими

они вспоминали так: «Нам запах русских казался противной. Глаза большие. Мы, гольды, от встречи с русскими убежали и прятались». Не менее были шокированы встречами с ороченами и сплавлявшиеся по Амуре забайкальцы: «При впадении Аргуни в Амур впервые увидели люди едут на звере, ехали орочене на оленях».

Все решения по устройству жизни на новом месте принимались с согласия казачьей администрации. Казаков селили на пограничной линии станицами и хуторами на расстоянии в среднем 25 – 40 верст одна от другой. Порядок заселения определялся необходимостью охраны новой государственной границы. Мнения казаков никто не спрашивал, права выбора у них не было, военное ведомство регламентировало буквально все: военную службу, хозяйственную деятельность и вообще весь быт. Напри-

ЕРМАК
Галина Геннадьевна,
кандидат исторических
наук, научный сотрудник
Института истории,
археологии и этногра-
фии народов Дальнего
Востока ДВО РАН
(Владивосток), автор
нескольких десятков
статей и монографий.
Область научных инте-
ресов – история и куль-
тура восточнославянс-
кого населения Дальнего
Востока России.

Казачья семья Атлановых.
Приморье. Начало XX в.

Головной убор «орогда»

«Козляк»

«Ергач»

мер, кастрюли проверял верховой, изучая казачий рацион, а женщины-казачки за нарушение распоряжений начальства могли быть наказаны традиционным казачьим способом — ударами плетью.

С 1895 года на далекую окраину начинают переселять казаков из европейской части страны. Цель этих переселений заключалась в обеспечении охраны территории вдоль строившегося полотна железной дороги и в общем увеличении численности казачества Дальнего Востока. Это переселение продолжалось до конца XIX в. и в первые годы XX в. Прибывающие в новый край казаки-донцы, оренбуржцы, кубанцы, уральцы, терцы находились в более выгодных условиях, чем казаки-забайкальцы первого этапа заселения. Многие из них прибывали в край по вызову ходоков, места для жительства выбирали сами, им дозволено было переходить с места на место в случае, если их что-то не удовлетворяло.

Амурские и уссурийские казаки — это своеобразная локальная этнографическая группа восточнославянских народов (русские, украинцы). Основу их самобытной культуры составляют именно славянские традиции, но особенности жизни служилого сословия в суровых условиях приграничья в новом краю, постоянные контакты с представителями разных народов сформировали совершенно новый, неповторимый вариант казачьей культуры Дальнего Востока. Его уникальность проявляется в элементах и материальной, и духовной культуры.

Основой традиционного питания восточнославянских народов являются зерновые продукты. Именно они входили в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд и у наших дальневосточных казаков. Из обжаренной муки на молоке, масле или на воде делались различного рода затирухи. «Баланда» или «баландочка» — суп из заваренной в крутом кипятке муки. «Затуран» — чай, заправленный молоком, сливками и поджаренной мукой. «В байдаре раньше казаки чай затуран варили. Муку в сковороде пережигают, потом в чай кладут, дак он, как суп, получатся». «Без этого напитка амурский казак немислим, он у них имеется всегда в котле наготове; это его любимая пища, а иногда у бедных и единственная». Другое кушанье у казаков из заваренной в кипятке муки называлось «бурдук»: «...муку смочишь и каташь, она крупинкам сделатся — и в кипяток, лучку туды. Он у нас в моде был бурдук, и в голод его варили». Блюда из заварной и пареной муки были калорийные, давали высокую насыщаемость, быстро готовились.

Варили казаки традиционные для славян каши из разных круп, которые выращивали сами и которые традиционно готовились везде в России: пшеничную, гречневую, ячневую. Но тесные бытовые контакты с китайскими соседями дополняли повседневный рацион казачьей семьи

кашами из таких круп, как буда (злаковое растение, вид проса), гаолян (растение, по вкусу напоминавшее гречку) и чумиза, а также рис, который казаки умели варить особым образом и использовали вместо хлеба. Широко были распространены изделия из теста. Например, албазинцы готовили «коршуны» — сладкие лепешки из черемухи. «Коршуны у нас все любили, их из черемухи делали на молоке с сахаром». Любили амурские «гуранки» стряпать «гуранские тарки» — ватрушки с начинкой из сушеных молотых ягод черемухи. К праздникам казачки много пекли, например, «вывертушки» — печенье или хворост («оне закручены всяко, в масле кипят»). К Пасхе готовили обязательно «бабу рогату» — ритуальный кулич. «Она вся в шишках, как самовар».

Особенным напитком для старожильческой группы амурских и уссурийских казаков был гуранский чай или сливан. Готовили его следующим образом: «вскипяченную в чугуне или самоваре воду переливали в байдору, небольшую глиняную посуду, в которую перед этим положили измельченный кирпичный чай. Затем небольшой, преимущественно деревянной поварешкой в течение четверти часа взбалтывали воду, пока она не превращалась в густую темно-коричневую жидкость, добавляя туда соль, заранее сбитое молоко, яйцо и масло, иногда сметану взбивали — и чай готов». Старожилы станции Екатерино-Никольской вспоминали, что пить такой чай с непривычки было невозможно: «Я сваттю сливаном гуранским напоила: она три дня болела». Разливали этот чай по кружкам особым способом через руку, обязательно готовили для смотрин и сватаний.

В одежде казачьего населения наибольший интерес с этнографической точки зрения представляет женский и мужской костюм из меха и кожи животных. Не случайно в коллекцию предметов быта казаков, отправленную в Русский музей императора Александра III, входили козья куртка, моршни, унты, олочи, доха, шапка из лисьих лап и пр.

Обработку кожи и меха животных осуществляли в домашних условиях силами своей семьи. Распространенной среди амурских и уссурийских казаков была «доха» — бытовавшая в среде восточнославянского населения Сибири и Дальнего Востока зимняя одежда. Эта шуба, по свидетельству А.А. Алябьева, была незаменима в пути во время жестоких сибирских морозов с сильным ветром. Амурцы говорили: «...Козляк короткий такой, а дохи длинные, у козляка ворот небольшой, а у дохи целая козлинка (целая шкура) уходила». Интересной бытовой особенностью казаков на Амуре были прозвища, связанные с типом одежды. Ергач — прозвище охотников, которые носили ергачи, шубы из шкур дикой козы или оленя. Козляками называли жителей Приамурья, потомков русских переселенцев из Забайкалья.

Своеобразным локальным этнонимом старожильческой группы казачества стало прозвище «гуран», связанное с ношением меховой охотничьей шапки-орогды. Такую шапку шили из шкуры, снятой целиком с головы дикой косули, или гурана (так называли самца косули). Сохранялись уши животного и прорези на месте глаз. «За че казаков называли гураны? Они ведь орогды носили, гураны-то. Прозвище и сделали «гураны». Аналогичные шапки у детей назывались «орогдашками».

Не менее символичны в этнокультурном плане «олочи», или «олочки». Так называли самодельную обувь двух видов: тапочки из сыромятной кожи, вырезанной по размерам ступни и стянутой шнурком у щиколоток, и обувь с кожаной основой и с голенищами из грубой ткани. Первую носили женщины и девушки, вторую — мужчины. Интересна частушка, зафиксировавшая процесс смены традиционной самодельной сельской обуви на унифицированную городскую: «Пароходских не было, я в олочках бегала. Пароходские пришли, башмачки нам привезли».

Своеобразна праздничная культура амурских и уссурийских казаков. Самым весёлым праздником были зимние святки. Главными эпизодами святочных мероприятий являлись ворожба и маскарады. Девушки обычно гадали, желая узнать о суженом, свадьбе, своей женской доле и т. п. Существовали десятки самых разнообразных способов гаданий. Например, «ходили на ростань, гадали: собака злает или корова змычит — там и жених, в той стороне». Для этой же цели бросали башмак за ворота или длинную кочергу на перекрестке. В какую сторону покажет носок башмака или конец кочерги, в той стороне жених, там и жить. Из Забайкалья переселенцы принесли поверье, что в это время с наступлением темноты по улицам бегают «шаликуны» — озорные духи-проказники, которые любили подшутить над людьми. Молодежь в страшные вечера нередко «маскировалась» под духовшаликунов, а в более поздний период любимым святочным персонажем казаков-албазинцев был медведь.

Любимым развлечением казачьей молодёжи во время святок были «игранчики» — особые игры, танцы, сопровождавшиеся песнями, такими, как «Просо», «В хоро-вод», «Сидит дрема» и др. В амурских станицах, как правило, игранчики устраивались различными категориями молодежи, которая собиралась на них «по своей ромне».

Любили казаки Масленицу. В этот праздник в обычае было навещать родственников, соседей, готовить праздничные блюда, кататься на санях с горок. Особенно распространённым у казаков было катание на тройках, а молодёжь (зачастую и девушки) предпочитала развезжать верхом. Популярна была среди старожил-амурцев масленичная игра «взятие снежного городка». Обязательно устраивались призовые бега (скачки).

Казачья свадьба в пос. Духовском Уссурийского казачьего войска в начале XX в. Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева

Весной с приходом Пасхи за околицей сооружали качели, там же устраивались игры «в разлуку», «в воротца», «в верёвочку» и т.п., пели песни. Обязательно в станицах устраивались скачки и джигитовка для казаков: юноша (казак-малолеток) имел возможность продемонстрировать свою ловкость, силу, умение обращаться с оружием. Казаки стремились просватать невесту до выхода на службу, но девушки предпочитали женихов, отслуживших первую очередь.

В Семик (в седьмой четверг после Пасхи) девушки завивали венки. В Троицу (пятидесятый день после Пасхи) срубали берёзку, одевали её в девичье платье, украшали лентами. На следующий день (Духов день) берёзку раздевали и «купали» или «топили» в реке. Девушки бросали в воду венки или отломленные от берёзки ветки, загадывая своё будущее. С октября, после завершения полевых работ, в длинные осенние вечера девушки и парни устраивали посиделки-вечерки. Обычно собирались у какой-либо вдовы, снимали помещение за небольшую плату или помогали ей по хозяйству. На вечерках пели, танцевали, играли в игры. Статус девушки можно было определить по колечку. Если у девушки на левой руке на безымянном пальце — серебряное колечко, значит, девушка на выданье, если колечко на безымянном пальце правой руки, то она просватана, а если на колечке — бирюзовый камень, то ее парень на службе.

Заселяя приграничные земли Приморья и Приамурья, казаки из разных губерний огромной России принесли на Дальний Восток свои обычаи и обряды. Традиции их неповторимой культуры сохраняют для нас архивные собрания, музейные коллекции, печатные издания. Возможно, у читателей этих страниц возникнет желание обратиться к этим источникам и продолжить знакомство не только с казачьим наследием, но и с другими образцами богатейшей народной славянской культуры.

Литература:

1. Алябьев А.А. Далекая Россия: Уссурийский край. СПб., 1872.
2. Дорохина А.Н. Албазинская станица (к 350-летию русского Албазина. Факты, события, воспоминания). Благовещенск, 2000.
3. Из истории колонизации Приамурья (Дневник П.В. Белокопытова) // Сиб. архив. 1913. № 2.
4. Карпов А.Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками // Известия отделения языка и словесности Императорской АН. СПб., 1909.
5. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII-XIX вв. М., 1985.
6. Логинский К.Д. О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. СПб. 1902.
7. Максимов С.В. На Востоке: Поездка на Амур 1860 — 1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1871.
8. Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
главный хранитель Государственного
музея Дальнего Востока
им. Н.И. Гродекова
Фото Александра ХРАМЦОВА

НАРОД, ИСЧЕЗНУВШИЙ ИЗ ПЕРЕПИСЕЙ

В 1900 году, после завершения русско-китайского конфликта, в казачьих станицах Кумарского округа Амурской области появилась трофейная маньчжурская лошадь. В хуторе Сухотинском ее называли манегрской, считая, что эта лошадка попала к китайцам от манегров в качестве ясака. Она была светлого, иногда белого цвета, ростом 1 аршин 10–12 вершков, с седистой спиной. Лошадь считалась незаменимой под вьюком весом до 9 пудов по трудным дорогам. Под седло ее ставили с полутора лет.

Лошадь амурских казаков — это, конечно, интересно, но кто такие манегры и кто слышал о них сегодня?

В 1960–1970-е годы старожилы некоторых среднеамурских славянских сел еще помнили манегров. Так, в селе Кольцово Шиманского района Амурской области говорили: «Манегры были, так оне редко сюда ходили, в степях жили». В селе Ушаково того же района вспоминали: «Манегры жили в степи, в юртах, как жили наши нанайцы». В селе Касаткино Архаринского района Амурской области исследователи записали: «Давно манегры здесь бывали, манеграми назывались, кочевали оне, охотничали, рыбачили».

Первое известие об этнической группе амурских эвенков манагир-манегир-манягир относится к 1647 году, когда промышленник Григорий Вишовцев рассказал о своей встрече с тремя тунгусами «манагири» на реке Тунгире (приток Олёкмы). В середине XVII века манегры кочевали еще на оленях. В те времена местами их постоянных кочевий были территории Верхнего Приамурья. После Нерчинского договора 1689 года они отошли от России и оказались вне сферы российского влияния. Манегры стали маньчжурскими подданными.

Айгунский договор (май 1859г.) вернул России территорию по левому берегу Амура от реки Аргунь до устья Амура, при этом китайское государство переселило большинство манегров в Северную Маньчжурию. К 1859 году их численность в Амурской области сократилась с 2,1 до 1,3 тыс. человек. Они жили в бассейнах рек Буреи, Селемджи, Зеи.

По своей материальной и духовной культуре манегры значительно отличались от собс-

твенно эвенков. Они соединили в себе наряду с восточно-эвенкийскими традициями нанайские, маньчжурские, даурские. Язык манегров относится к тунгусским.

В XIX веке манегры были таежными охотниками, кочевавшими по тайге на лошадях. Славяне-переселенцы принимали манегров за некую таежную охотничью конницу. В летние месяцы они выходили к устью Зеи, в низовья Буреи, на Амур, где занимались добычей кеты и калуги при помощи остроги. Однако впрок рыбу не заготавливали. При кочевом образе жизни вяленая рыба являлась обузой. Едва ударяли первые морозы, манегры откочевывали к северу и югу от Амура. В течение всего календарного года они добывали для пропитания семьи кабаргу, изюбря, лося, косулю, диких северных оленей, а в зимние месяцы промышляли пушной охотой. Пушнину (прежде всего шкурки соболей) продавали китайским и якутским купцам, с середины XIX века — и русским торговым людям. В охотничьей деятельности манегров активное участие принимали и женщины.

По данным первой всероссийской переписи 1897 года, в Амурской области проживало 160 манегров: 75 мужчин и 85 женщин, представителей этого народа, а в 1923 году — всего 110. Во время переписи 1926 года они были признаны малочисленной этнической общностью, являющейся частью более крупного этноса, а именно эвенков, и больше отдельной строчкой в переписных документах нашей страны не учитывались.

В 2003 году я спросила у китайского этнографа из Харбина о судьбе манегров в Китае. Его реакция меня удивила. «А кто это?» — заинтересовался он. Позднее выяснилось, что и в Китае манегры не получили самостоятельной прописки. Они включены в состав китайских эвенков — ороченов, как их здесь называ-

Кисет «каптурга» («капторга»).
Манегры.
1-я четверть XX в.
ГМДВ
им. Н.И. Гродекова

ют, наряду с солонями, тунгусами и якутами.

В 1927 году в фонды Государственного музея Дальнего Востока имени Н.И. Гродекова поступила небольшая коллекция предметов, собранных у манегра К.Я. Бабеева в стойбище Орловка на реке Малмыж — правом притоке Селемджи в Амурской области. Судя по всему, коллекцию собрали представители Комитета содействия народностям северных окраин (Хабаровск). За семь предметов было заплачено 7 рублей.

Манегры, как и все эвенки, пользовались в основном берестяной утварью. Именно она и преобладает в нашей небольшой коллекции: из семи ее предметов пять — предметы быта из бересты, в том числе мулунки (мулинки) — берестяной туюс с деревянной ручкой, употребляемый для переноски воды, две ачан (ачан) — берестяные плоские тарелки разного размера, употребляемые при еде, кунгэ (кунге) — берестяной туюс с крышкой, употребляется для ношения ягод.

В основе шитых сосудов чаще всего был прямоугольник невыделанной бересты, сложенный коробом и скрепленный на местах сгибов черемуховым корнем или ивовыми прутьями. Укладка бересты и последующая раскройка достигла своего совершенства в изготовлении битка для ягод — гуявун (бук. «прибор для резкого удара»; от гуя — «резко ударять», «бодать»), в которую ягоды падали от удара.

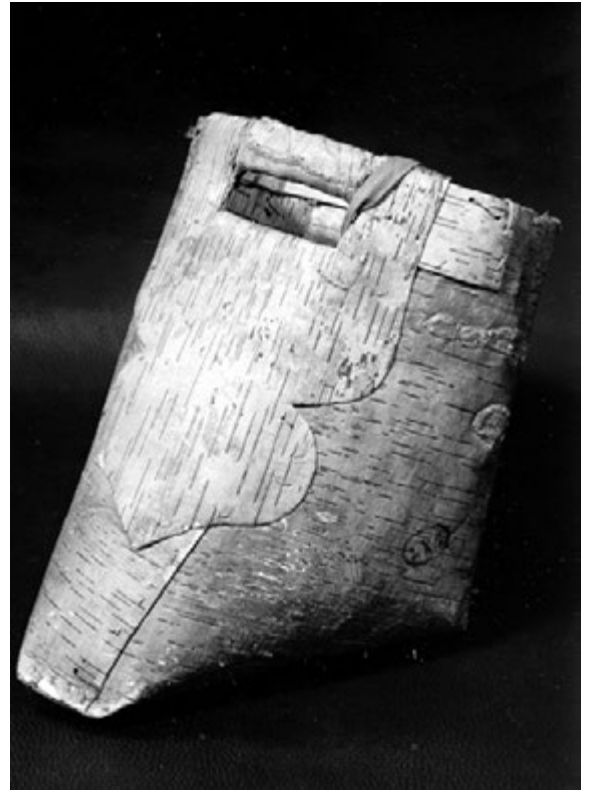
Именно такой манегрский гуявун поступил в фонды нашего музея в 1927 году. Его форму описать довольно сложно. Он имеет овальное горло, трапециевидное дно, заложенное под острым углом к поверхности земли. Край борта изнутри укреплен узкой деревянной полосой. Ручка образована прямоугольным горизонтальным отверстием ниже крепежной полосы на высокой стороне борта, обмотана куском светлой хлопчатобумажной ткани. Борт битка вокруг отверстия украшен берестяной фигурной накладкой. В музей гуявун поступил наполненный мелкими мягкими стружками.

Не менее интересным является и другой предмет нашей маленькой манегрской коллекции — кисет каптурга (капторга). Манегры курили листовой табак, причем курили все, независимо от пола и возраста. Табак проникал к древнему тунгусоязычному населению через монголов и тюрков. Термин «курить» (дамгаты), буквально обозначающий «есть табак», свидетельствует о том, что вначале табак был жевательным. Листья табака держали в специальных кисетах, подвешиваемых к поясу. Вот такой кисет, очень красивой фигурной формы, и хранится в фондах музея. Он шит из ровдуги, изнутри обшит хлопчатобумажной тканью. Поверхность кисета вышита черными, красными, голубыми, розовыми, бледно-зелеными спиралями, геометрически-

ми и растительными фигурами. Края кисета обработаны вышивкой и плетением. В нижней части кисет украшен четырьмя подвесками из белого бисера, голубых и черных бусин, а еще монет Российской империи: одна достоинством в полкопейки 1898 года выпуска, другая — 2 копейки 1900 года выпуска, третья — 2 копейки 1904 года выпуска.

Став конными охотниками, манегры перенесли на коня и ряд оленеводческих навыков. Долгое время у них продолжали бытовать оленные подруги, седло и вьючные сумки. Об этом свидетельствует и маленькая манегрская коллекция Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. В ее составе «мангер (мэнгер) — сума из оленьей кожи с пришитой с верхнего края полосой из коровьей кожи». Она имеет совершенно традиционную форму мягкой эвенкийской вьючной сумки.

Если вернуться к манегрским лошадям, то это были невысокие толстоногие монгольские лошади с густой гривой, а зимой еще и обраставшие густой шерстью. Манегры подрезали своим лошадям ноздри в верхней части, считая, что при быстром аллюре во время преследования раненого зверя конь с поротыми ноздрями может вбирать в легкие больше воздуха, глубже и свободнее дышать. Безусловно, дальневосточные казаки и крестьяне оценили именно неприхотливость манегрской лошади. Манегры не строили для лошадей конюшен и стойл, не заготавливали для них корм на зиму. Манегрские лошади были на полном самообеспечении: они «щипали» сухую траву, которой при малоснежных амурских зимах в тайге достаточно, грызли ветки древесной поросли, кору деревьев и прочее. Самостоятельность в добывании фуража в обстановке, где может грозить внезапное нападение хищника, приучила манегрского коня быть осторожным, зорким, наблюдательным и смекалистым. Кроме обостренного зрения, слуха, хорошей ориентации на местности у него было чрезвычайно развито обоняние — он разбирался в разнообразных таежных запахах, чуял зверя на дальнем расстоянии.

Биток «гуявун» для сбора ягод. Манегры. 1-я четверть XX в. ГМДВ им. Н.И. Гродекова

Литература:

1. Булатова Н.Я. Манегры: История и язык // Культура народов Сибири. Материалы Третьих Сибирских чтений. — СПб., 1997.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX вв.). — Л., 1969.
3. Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества (2-я половина XIX — начало XX вв.). — Благовещенск, 2002.
4. Народы России. Энциклопедия. — М., 1994.
5. Решетов А.М. Расселение и классификация тунгусо-маньчжурских народов (состояние и проблемы изучения) // Культура народов Сибири. Материалы Третьих Сибирских чтений. — СПб., 1997.
6. Словарь русских говоров Приамурья. — М., 1983. — С. 151.
7. <http://peoples.paideia.ru/archives/2004/03/000152.html>. Автор материала Н. Калинин.

ЗЕМЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Николай РУБАН

РУБАН Николай Иванович, кандидат исторических наук, директор Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, президент Ассоциации музеев Дальнего Востока, член президиума Союза музеев России, доцент кафедры политической истории Хабаровского государственного педагогического университета. Организатор и активный участник региональных научно-практических конференций «Гродековские чтения». Сфера научных интересов – музеология, история развития музейного дела на Дальнем Востоке России в советский и постсоветский периоды. Автор более 40 научных статей и монографий по проблемам музейного дела на Дальнем Востоке. Главный редактор периодически издаваемых сборников «Записки Гродековского музея». Заслуженный работник культуры РФ.

Сложно, напряженно и порой драматично шло русское заселение и освоение огромного Приамурского края. Уходя от многовековой зависимости, от ограниченности пахотных земель, пытаясь осуществить вековую мечту – «вольный человек на вольной земле», – сюда устремлялись наиболее трудоустойчивые, выносливые крестьянские семьи. Особенно благоприятным для этих целей стало освоение Южно-Уссурийского округа, начавшееся еще в 60-е годы XIX столетия. Именно здесь было много удачных для земледелия незатопляемых наводненными степными пространствами в Приханкайской долине, у рек Уссури и Суйфун.

Особенно активно это переселение стало осуществляться с принятием царским правительством рекомендации генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина организовать перевоз русских крестьян морем за «казенный счет». Начиная с 1883 года через Одесский порт в Южно-Уссурийский край направляются первые партии новоселов. Преимущество отдавалось жителям губерний Левобережной Украины, которые особенно страдали от малоземелья и перенаселенности (Полтавская, Черниговская и Харьковская губернии).

Политика царского правительства была направлена на решение двух государственных проблем: укрепление дальневосточных границ империи и обеспечение помещичьих хозяйств земледельческих районов европейской части России дешевой рабочей силой. Только экономически устойчивые середняцкие хозяйства могли получить разрешение на переселение в Сибирь и на Дальний Восток, при этом каждая семья должна была привезти с собой не менее 600 рублей и обзавестись на новом месте всем необходимым.

Внуки и правнуки
Степана Корнеевича
Ровенко. 1947

Несмотря на это переселенческие семьи имели от царского правительства и целый ряд существенных льгот. Так, переселяющиеся освобождались от отбывания рекрутской повинности в течение 10 наборов, от уплаты подушной подати. Казенные земельные участки переселенцам в Амурской и Приморской областях отводились во временное владение или в полную собственность площадью до 100 десятин на каждое семейство. На всех других местностях отведенные участки предоставлялись в пользование на 20 лет бесплатно без права продажи и отчуждения. Крестьяне освобождались от недоимок, и на новом месте им предоставлялась свобода от «государственных сборов». Переселенцам выдавались ссуды на покупку скота, сельскохозяйственных орудий и т.д., до 60 рублей на каждую семью, а кроме этого — по 60 фунтов муки и по 10 фунтов крупы в месяц в течение полутора лет на каждого переселенца.

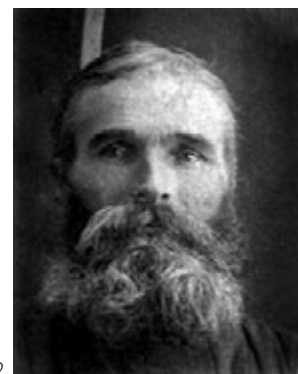
Левобережная Украина была сравнительно близка к южным портам, а отсутствие здесь развитой промышленности не позволяло обезземеленному крестьянству найти сколько-нибудь надежный источник существования.

Многочисленная семья Моисея Федоровича Рубана из Черниговской губернии весной 1884 года отправилась через Одесский порт по Суэцкому каналу в неведомый Южно-Уссурийский край. На пароходе возникшего тогда Доброфлота очень быстро по тем временам, всего за 40–45 суток, семьи-переселенцы добирались до порта Владивосток и далее к Никольск-Уссурийску, обосновавшись окончательно на добротных и плодородных землях в селах Михайловка и Дубки.

Дружное переселенческое семейство состояло из нескольких семей братьев Моисея. Помогая друг другу, братья достаточно быстро смогли создать на новых землях собственные хозяйства. Семья Моисея Рубана переселялась с детьми. Старший из них Степан к началу 1900 года обзавелся уже собственной семьей и у него появились дети: Михаил, Татьяна, Иван (отец автора этой статьи), Дмитрий, Иосиф (погиб в годы Великой Отечественной войны) и Филипп.

Постепенно крепло и росло хозяйство, основанное ими в селе Михайловка. Сельскохозяйственный рынок в городе Никольск-Уссурийске помогал Степану Моисеевичу реализовывать высокие урожаи и излишки собственной продукции. Семья полностью обеспечивала себя, при этом имела тяговых лошадей и скакунов, стадо коров, овец, пчел, свиней и др.

Всецой семьей, а также с использованием наемного труда Рубаны выращивали

1. Степан Моисеевич Рубан. 1937

2. Степан Корнеевич Ровенко. 1940-е

3. Семья Ивана Рубана. 1937

3

1

1. На переднем плане Ирина Степановна Рубан (Ровенко). 1953

2. Мавра Карповна Ровенко (жена Степана Корнеевича) с дочерью Ириной и внуком Николаем. Ворошилов-Уссурийский. 1953

пшеницу, овес, гречиху, просо, лен, имели достаточные для семьи и продажи огорода с овощами, ткали одежду, постельные принадлежности, изготавливали молочные продукты, льняное, просяное масло и др.

Время шло, подросли дети Степана, обзавелись собственными семьями, и каждый из них получал от главы семейства земельный участок. Опять все вместе дружно строили дома, передавали скотину... Так и развивались бывшие переселенческие, ставшие теперь достаточно обеспеченными, трудолюбивые крестьянские семьи. Но лишь до той поры, пока не пришла на Дальний Восток коллективизация...

В 1930-х годах многие семьи детей Федора были «раскулачены», отправлены в Сибирь, в Барнаул. Пришлось оставить все нажитое либо продать за бесценок. И сегодня, теперь, к сожалению, уже не знакомые родственники живут в этом городе и отчаянно ищут свои родные корни.

2

В 1930-е годы средний сын Степана — Иван, отслужив в Красной армии (в поселке Де-Кастри), вернулся в осиротевшее село и вместе со своей невестой Ириной Ровенко отправился в город, пополнив ряды пролетариев на Ворошилов-Уссурийском паровозоремонтном заводе. Здесь и проработал около 40 лет в котельно-ремонтном цехе.

Очень схожа судьба другого переселенца из Херсонской губернии, отца Ирины — Ровенко Степана Корнеевича (1872 г.р.). Путь его на Дальний Восток был гораздо сложнее и драматичнее — сухопутный. Трое братьев добирались до «вольных земель» на подводах в течение почти трех лет с обязательными в таком путешествии зимовками.

Перенеся суровые лишения, включая смерть близких, преодолев огромные расстояния, они все-таки достигли своей цели. Один из них обосновался в Сибири, двое братьев — Капитон и Степан — добрались до заветных мест Южно-Уссурийского края и обосновались в селах Воздвиженка и Михайловка.

У младшего, Степана, в начале XX века крепла и развивалась собственная семья, в ней родились Федор, Михаил, Максим (погиб в годы Великой Отечественной войны), Ирина (мать автора этой статьи), Сергей, Евдокия, Мария и Петр.

Судьба свела две переселенческие семьи в Михайловке, где обвенчались и зарегистрировали свой брак в 1933 году мои родители — Рубан Иван Степанович (1909 г.р.) и Ровенко Ирина Степановна (1913 г.р.). В их семье родилось четыре сына: Виктор, Леонид, Иван и Николай.

Разнообразные льготы и поиски путей заселения столь богатого и стратегически важного региона страны еще тогда, в XIX веке, давали ощутимые результаты. Увеличилась численность русского, украинского, белорусского населения. В 1884 году в Приамурье (тогда территория Амурской и Приморской областей) проживало около 85,5 тысячи славянского населения, к концу 1896 года это число превысило 200 тысяч человек, то есть за 12 лет оно возросло в 2,5 раза.

Только морем в Южно-Уссурийский край было перевезено 55,2 тысячи человек. Всего же со времени присоединения Приамурского края к России (с 1858 по 1902 гг.), то есть за 45 лет, сюда переселилось около 126 тысяч крестьян, а 26 тысяч казаков дополнили ряды Амурского и Уссурийского казачьих войск.

Внук, Дмитрий Рубан, сын Алексея Николаевича, в пятом поколении рожден на земле дальневосточной. Он не хочет отсюда уезжать...

1

2

Далекie события детства в последние годы приходили к бабушке в снах и, наверное, уже казались чем-то нереальным. Слишком много лет прошло с тех пор, как судьба ее семьи резким движением маятника качнулась в сторону далекого и, как думали многие, Богом забытого края.

Моя прабабушка Федорищева Евдокия Петровна, в девичестве Григурок, родилась в 1888 году в селе Борки Винницкой области. Здесь же проживала ее большая семья: родители, братья, сестры. Откуда родом мой прадед Федорищев Василий Васильевич — не знаю. Как и то, где они познакомились, когда поженились. Жили здесь же, в Борках, и, судя по всему, неплохо. Четверо детей, крепкий каменный дом, хозяйство.

Грушевый дождь из забытого сна

Посвящение моей семье

Елена ГЛЕБОВА

Бабушка Анна, мать моей мамы, рожденная на Украине и лет семи-восьми приехавшая на Дальний Восток с родителями, никогда особо не рассказывала о своей родине. Хотя, возможно, и мы особо не спрашивали. Но в последние годы, а прожила она почти 76 лет, бабушка вспоминала их покинутый сад. Когда приходило время и ветки едва выдерживали тяжесть плодов, в родном селе Борки по ночам шли грушевые и яблоневые дожди. Наступало утро, туман, роняя душистые капли росы, опускался на землю, и маленькая девочка Аня брала корзину и отправлялась в сад.

3

1. Евдокия Федорищева с дочерью Анной. 1938

2. Василий Федорищев. 1930-е

4. Евдокия Федорищева с внучкой Светланой, матерью автора статьи. 1951

1

2

3

1. Евдокия Федорищева с дочерьми Ольгой, Анной, зятем Михаилом Семендяевым и внуками Галиной и Светланой. 1950
2. Анна, Ольга и Кирилл Федорищевы. 1946
3. Леонид Федорищев. 1940-е
4. Дети Анны Федорищевой (Семендяевой) и Михаила Семендяева – Светлана и Михаил в 1954 и 1969 гг.

4

5

Но это благополучие держалось на постоянном труде (рабочую силу со стороны они не брали) и бережном отношении к каждой копейке. Бабушка Анна, младшая дочь Василия и Евдокии, вспоминала, что если матери хотелось купить что-то для себя, скажем, ленты или нитки, она нанималась к известному в тех краях сахарозаводчику на прополку свеклы на его необъятные поля.

Когда подрос старший сын Леонид (в семье его называли Левонь), построили ему отдельный дом — добротный, на долгую и счастливую жизнь. Но у нее, у жизни, свои планы. Она не согласовывает их с людьми. Октябрьская революция 1917 года поначалу не особо затронула мою семью. Евдокия и Василь все так же вставали до зари, трудились на земле, слушали грушевые дожди и пшеничные ветра. И молились Богу у семейных икон-реликвий в красивых окладах. Позднее бабушка Евдокия рассказывала о них моей маме: «Гарные иконы были, все цветами выложенные». Забегая вперед, скажу, что на Дальний Восток мои предки ехали с мешком сухарей (путь был далекий, голодный) и с уцелевшими после разграбления иконами (самые дорогие, конечно же, забрали) и церковными книгами. Моя мама Светлана до сих пор хранит «Спаса в силах» и небольшой чеканный образок Божией Матери «В скорбех и печалех утешение».

К концу 1920-х новая власть докатилась и до тихого села Борки. Ненасытная, безжалостная, она грубо вломилась в дом, сломав прикладами двери. Большевики хозяйничали на глазах перепуганной Евдокии и трех ее ребятишек. Она рассказывала, с какой жадностью хватали чужое добро «представители народа». Кто-то, открыв сундук, разом надевал на себя по несколько рубашек...

Понятно, что каменный дом Василя и Евдокии и еще совсем новенький дом Левоня вскоре забрали со всем нажитым. Не стало коней и коров, не стало сада. Взамен, «справедливым» решением власти, им предоставили грязную землянку.

Про Дальний Восток они уже думали. Друг деда, зажиточный крестьянин Онищенко (или Оприщенко?) уехал туда первым. Он говорил, что как только устроится на новом месте, сразу даст знать. И лишь пришла весточка, Василь Федорищев уехал. Можно даже сказать, бежал. За ним уже не раз приходили вооруженные люди. Хоронясь от них, он целыми днями прятался в скирдах сена и лишь ночью приходил домой поесть. Дальний Восток стал для него спасением, но заплатить за него пришлось очень страшной ценой.

Если взрослое дерево грубо вырвать с корнем и перенести на другую почву, оно вряд ли приживется по-настоящему. Василию Васильевичу Федорищеву было уже к пятидесяти, когда ему пришлось прорас-

тать в дальневосточную землю. Здесь он прожил немного — 16 лет. Работал, работал, работал... Бабушка Аня рассказывала, что иногда отец, возвращаясь вечером домой, садился, устало ронял руки и беззвучно плакал. Да, мой прадед избежал смерти, но я совсем не уверена, что он был счастлив на чужбине. Его жизнь оборвал несчастный случай в 1946-м: отправился на покос, хотел перейти вброд разлившуюся реку, и его затянуло в воронку. Тело нашли быстро, похоронили. Упокоилась душа раба Божьего Василия...

Но это я опять забежала вперед. А тогда, в начале тридцатых, какими путями — неведомо, добрался Василий Васильевич сначала до села Овсянка, что в Амурской области. Но ему почему-то там не понравилось, и он перебрался в деревню с несколькими странным названием — Тыгда. И снова полетела весточка на Украину, на этот раз — Евдокии.

«Куда ты едешь, Петровна?! — голосили за моей прабабушкой сестры. — Там край земли! Там солнца всходит, чи не всходит?» Но она поехала за мужем с мешком сухарей и тремя младшими детьми — Ольгой, Кириллом и Анной. Левонь, по-видимому, в эти же годы уехал с женой Пашей в Читу.

Как выяснилось, солнце в том краю вставало так же исправно, только вот климат был суровым да земля не столь щедрой. О грушевых и яблоневых дождях пришлось забыть. Федорищевы, перемучившись в какой-то времянке, выкорчевали пни на окраине Тыгды, разработали землю под огород, построили домик, обзавелись скотиной. Жизнь пошла своим чередом, но во всем чувствовался надлом. Евдокия никогда больше не носила вышитых украинских рубашек, ее постоянным нарядом стала скромная кофточка, юбка в мелкий горошек, темный платок. И никаких типичных украинских изысков в интерьере дома — подушечек, тканых дорожек, ярких ковриков. Думаю, она сознательно не создавала маленькую модель Украины на Дальнем Востоке. Слишком больно.

Эта боль не проходила никогда, и стоило зазвучать украинской песне, скажем, «Ревет и стонет Днепр широкий», прорывалась слезами моей прабабушки, которую теперь в семье называли просто баба Дуся. В 50-х годах она несколько раз бывала на «ридной Украине», брала с собой мою маму. Как-то подвела ее к каменному дому, где располагалась сельская школа, и сказала: «Вот здесь мы раньше жили...»

От прежней жизни Евдокия сберегла две вещи — веру и язык. Она всегда говорила по-украински, и даже после ее ухода в семье долго сохранялись, как мы говорили, «бабины слова». Будучи человеком глубоко верующим, православным, Евдокия лишилась Церкви. На Украине много свя-

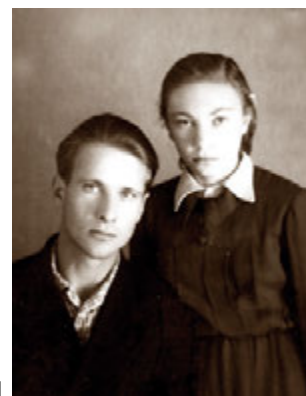
тынь. Она рассказывала, как по молодости вместе с другими женщинами из Борков ходила пешком в Киево-Печерскую Лавру, и шестилетний Левонь всю дорогу сидел у нее на руках. Здесь, на чужбине, ближайший храм находился в Шимановске, а это достаточно далеко. Да и времена были еще те... Поэтому по большим праздникам, таким, как Пасха, собирались потихоньку тыгдинские старушки то в нашем доме, то в избушке у бабушки Черемнышки, которая жила одна возле речки, и молились. Иногда моей прабабушке приходилось проводить обряд отпевания — люди просили.

Моя мама помнит бабушку Евдокию только в труде и в молитве. А когда выдавались свободные минуты, она растапливала воск и делала свечи. Мы храним несколько таких свечек вместе с чеканным образком и Псалтырем на старославянском.

Семья Федорищевых так и осталась на Дальнем Востоке. Уехало только несколько человек. Например, средний сын Кирилл со своей женой Надюшей и тремя сыновьями. Дело в том, что Надежда попала в Амурскую область при совсем уж суровых обстоятельствах: из Белоруссии пришел товарный поезд с семьями раскулаченных и выгрузил их прямо посреди тайги. Они жили и работали на лесоповале, не имея никаких документов. Там Кирилл и увидел свою красавицу, влюбился без памяти и, решив каким-то особым образом «паспортный вопрос», перебрался с семьей в Алма-Ату.

Когда подросла Галя, внучка Евдокии и дочь Ольги, она тоже уехала в далекие края — в Узбекистан, где и живет по сей день.

Такова история моей семьи по материнской линии. Судьбы-песчинки, затерявшиеся среди миллионов таких же. У Василия, Евдокии, их детей, от которых пошла уже наша дальневосточная веточка, не было заслуг перед страной, они не достигли вершин славы и богатства, но сохранили самое главное — душу и веру. В память о них я написала эти строки.

1

2

1. Вячеслав Константинов, сын Ольги Федорищевой (Константиновой) и Светлана Семендяева. 1961

2. Галина Константинова, дочь Ольги Федорищевой (Константиновой). 1959

3. Кирилл и Надежда Федорищевы с сыном Александром. Алма-Ата. 1966

3

Узоры женской рубахи – предвестники счастья

Валентина РЕДЧУН

В Государственном музее Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова хранится интересная коллекция традиционной вышивки восточных славян-переселенцев, составляющая гордость музейного собрания и отражающая традиционную культуру восточных славян конца XIX – начала XX вв.

Культурно-историческая ценность коллекции в том, что она включает в себя образцы традиционной вышивки русских, украинцев и белорусов – ценнейшие памятники народного искусства, сохранившие древние мотивы орнамента восточных славян.

Ее наиболее интересную часть составляют вышитые женские рубахи конца XIX – начала XX вв., в которых выражена основная особенность декоративного народного искусства: умение народных мастеров с помощью простых приемов органично объединить утилитарность и красоту.

Вплоть до начала XX столетия основной частью женского народного костюма восточнославянских переселенцев Приамурья оставалась рубаха из домотканого холста – льняного или конопляного. В ней сохранялись старинные традиции как в покрое, так и в орнаментации и материале.

Длина рубах обычно приходилась ниже колен. По издавна заведенному обычаю, восточнославянские девушки до пятнадцатилетнего возраста, и «даже до самой свадьбы», носили только подпоясанную рубаху. Надевание поясной одежды (понева – рус., плахта – укр., юбки – белор.) связывалось с замужеством и переходом в разряд женщин.

Прядением и ткачеством полотна занимались женщины. Верили, что только добрым женским рукам, не державшим оружия, можно доверять изготовление одежды. Обрабатывать сырье и прядь нить умели практически все сельские женщины. Уже с раннего возраста девочка приучалась прядь, а затем и ткать. Ткань, изготовленная на домашнем стане, имела ширину 37–39 см, которая была удобна для кроя одежды. Скроенная из прямоугольных кусков ткани традиционная восточнославянская крестьянская рубаха отличается простотой и удобством конструк-

Традиционный женский русский костюм.
Начало XX в.

ции. Покрой старинных рубах рационален. Свободная, в меру широкая, сшитая из прочной ткани восточнославянская рубаха была хорошо приспособлена к выполнению в ней полевых работ и домашних дел. Надевалась она прямо на тело и свободно ниспадала с плеч. В летнее время женская рубаха могла служить одновременно верхней и нижней одеждой.

Каждая женщина в своем сундуке имела целый набор рубах на любой случай

жизни: будничные, воскресные, праздничные, для свадьбы (подвенечные), «при горе» — траурные.

За малым исключением, все праздничные рубахи по покрою были такими же, как и обыденные, и отличались только обилием украшений в виде вышитых и вытканых узоров.

Восточнославянская рубаха характеризуется наличием длинных рукавов, до кисти. Низ рукавов рубах оформлялся

РЕДЧУН Валентина Мироновна, старший научный сотрудник отдела истории ГМДВ им. Гродекова. Тема исследования – материальная культура славян-переселенцев Приамурья XIX – нач. XX вв., в частности, традиционный костюм и орнамент. Именно традиционный орнамент можно рассматривать не только как часть материальной культуры, но и как явление, тесно связанное с духовной жизнью славян-переселенцев Приамурья, их обычаями, мировоззрением, национальным самосознанием. Знакомство с ситуациями, в которых использовался тот или иной орнаментированный предмет костюма, позволяет открывать все разнообразие картин крестьянского быта и художественно-эстетические взгляды переселенцев Приамурья. Кроме того, это красивые вещи, наполненные дыханием времени, возможность создания которых кажется настоящим мастерством.

Традиционный женский украинский костюм. Конец XIX в.

Рубаха.
Начало XX в.
Украина

по-разному. Рукава без манжет, сужались к кисти или присборивались к небольшой обшивке. В нарядных праздничных рубахах рукава широкие, на манжете.

Назначение обшивок в одежде связано с обычаем повязывания кистей рук шерстяными нитками во время выполнения тяжелых работ — «чтобы не заболели руки». Полоски ткани или плетеная тесьма, как и вышивка, по державшимся долгое время поверьям могли служить и оберегом от различных злых сил и располагались там, где открывался доступ к телу.

Рубахи шились с воротниками и без них. Последний тип рубахи — наиболее древний. Ворот такой рубахи обычно собирался в мелкие сборки и иногда обшивался

сверху. Украшение около выреза горловины составляет обычно узкую гладкую или узорную полоску. Рубахи обычно имеют разрез на груди посредине с застежкой у ворота на одну пуговицу или нитяную петлю. Нередко на грудной разрез-пазуху вместо узкой обшивки нашивалась различной ширины планочка-манишка, которая закрывала разрез и украшалась вышивкой. Воротники рубах были двух типов: отложные и стоячие. В рубахах музейной коллекции преобладает воротник одного типа — стоячий неширокий — 2–3 см. Иногда эти воротники настолько узкие, что мало отличаются от простой обшивки.

Размещение узора подчинено определенной композиции. Например, если в рубахе в наибольшей степени вышивкой нагружен плечевой пояс, то количество вышивки, как правило, убывает на рукавах и внизу. Иногда наибольшую узорную нагрузку несет подол рубах. Рубахи с вышитыми подолами надевали на покос, который считался праздником.

Вышивка выполняла первоначально не только эстетическую, но и магическую роль (оберег от злых духов, болезней и т. д.), что продолжительное время отражалось и в народных поверьях. Существует предположение, что вышивкой украшались те части костюма, через которые, по представлениям наших предков, злые силы могли проникнуть к телу человека. Поэтому основное назначение вышивки в древности — охранительное.

Вышитые рубахи были предметом, используемым в магических обрядах и ритуалах от рождения человека до его смерти.

В рубахах «охранительным» узором покрывались ворот, рукава (особенно запястья), подол, разрезы на рубахе. Такая своеобразная система охранительных рубежей по древним поверьям оберегала жизненно важные части тела человека. Рубашка непосредственно соприкасалась с телом человека, поэтому ей приписывалось обладание магическими силами.

Считалось, что достаточно было заполучить рубашку врага, чтобы напустить на него «порчу», произведя с ней колдовские действия. Уберечь же свою рубашку и себя вместе с ней от «сглаза» необходимо было более надежно.

В древнеславянской одежде особое значение придавалось оформлению горловины и плечевой части (оплечье). Оплечье могло надеваться отдельно или пришиваться к одежде. Возможно, именно старинные шейные (съёмные) украшения частично перешли со временем в вышивку на горловине, воротнике и в нагрудную вышивку сорочки, украшения запястьев — на вышивку низа рукавов, а со временем и манжеты. Так появляются символы, формулы добра на вороте, защищающем шею, подоле, касающемся ног, и самое главное — на рукавах, закрывающих женские руки, которые сеяли и жали, готовили пищу и ухаживали за детьми.

Возможно, что такое подчеркнутое внимание к украшению руки явилось далеким отзвуком существовавшего в древности почитания этого своеобразного орудия труда. Окружая руку символами, человек хотел увеличить ее силу и ловкость, обеспечить успех в различных действиях.

Порядок украшения рубахи, сложившийся в языческие времена, соблюдался переселенцами Приамурья и в XIX — XX вв. Смысловое же значение первичной семантики орнамента славянам-переселенцам Приамурья XIX века было вряд ли известно. Только длительное хранение ритуальных вышивок в семейных сундуках, сила традиции и красочная декоративность старинных композиций позволили сохраниться древним сюжетам настолько, что они могут все же служить источником пополнения сведений о язычестве. В XIX — начале XX вв. мастерицы-вышивальщицы не всегда уже могли точно объяснить сохраняемые ими орнаментальные композиции, сознавая лишь благожелательность древних узоров.

Вышивку рубах XIX — начала XX вв. ни в коем случае нельзя приравнивать к археологическому материалу, пролежавшему в земле непотревоженным несколько веков. Отдельные символы, зародившись в древности, в дальнейшем переосмысливались и получали другую идеограмму. Вышивальщицы рубах музейной коллекции или их предшественницы, у которых они учились, свое видение мира укладывали в не очень жесткие, но все-таки имеющие границы этнические рамки, отличающие славянскую систему мировоззрения от системы мировоззрения соседних этносов.

Несмотря на то что орнаментальные формы дошли до нас трансформированными, может быть, более абстрактными, символика их сохранилась благодаря традиции. Крестьянка-переселенка, жизнь которой была ограничена семейно-хозяйственными интересами, была хранительницей древних представлений и образов, отражавшихся в области женского искусства — вышивке. В конце XIX — начале XX вв. вышивка рубах, сохранив давние принципы размещения, стала выполнять в основном декоративную функцию.

Характерна орнаментация рубах по горизонталям и вертикалям, сосредоточение ее на определенных местах. Вышивка, расположенная вертикально на внешней половине рукава, чередуется с горизонтальными полосами, подчеркивающими края подола, рукавов, воротников. Узор в рубахах выполняется не только в виде полос. Часто он бывает вписан в отдельные геометрические фигуры — прямоугольники, ромбы. Например, вышивка на плечевой части рукавов большинства русских и украинских рубах часто представляет собой узорный прямоугольник. Композиция и распределение узоров на рубахах имеет свои особенности. Приемы построения узоров основаны как на зеркальной симметрии, так и на чередовании рядов. В

Воротник рубахи (спинка).
Конец XIX в. Украина

большинстве рубах мелкие узоры с геометрическими формами растительных мотивов, дробный мелкий орнамент из отдельных полосок, а также из частей геометрических фигур — их половинок, четвертей, углов и т. п., организованных в узкие бордюры, украшают ворот, воротник, нагрудный разрез, плечья, запястья и манжеты. По композиции эти узоры напоминают миниатюрную цветную мозаику.

Украшались вышивкой только видимые поверхности: рукава, ворот, подол. Части рубах, не видные из-под поневы, передника или сарафана, обычно не украшались. Особое внимание уделялось украшению рукава.

Вышитая рубаха как элемент традиционного костюма в определенные периоды времени могла становиться знаком, т. е. утрачивать свои бытовые функции, а иногда и создавалась рубаха исключительно для обряда. Уже в процессе изготовления закладывалась информация, которая кодировалась через цвет, орнамент, размер.

Вышитые рубахи, при всех общих чертах, имеют характерные различия. Не только целые этносы, но и отдельные губернии каждого этноса и даже каждое село нередко имеют специфические черты в цвете и орнаменте вышивки рубах. Десятки женщин одного села были одеты в вышитую рубаху одного типа (кроя), украшенную однотипным орнаментом.

Рубаха с декоративной планкой (верхняя часть).
Начало XX в. Украина

1

2

1. Фрагмент вышивки рукава рубахи (гребенчатые ромбы).
Конец XIX в. Украина

2. Фрагмент вышивки рукава рубахи.
Конец XIX в.
Белоруссия

3. Фрагмент вышивки рукава рубахи (мотив «розетки»)
Конец XIX в. Украина

Однако ни одна рубаха музейной коллекции не повторяет абсолютно и буквально другую; они соотносятся не как копии, а как варианты. Местное же художественное своеобразие проявляется не только в рисунке и расположении узоров, но также в их масштабах, соотношении с плоскостью, в фактуре, технике шитья, излюбленной цветовой гамме.

Выполняя декоративное значение, вышивка несет информацию о назначении рубахи, степени достатка крестьянки-переселенки, возрасте, этнической принадлежности.

3

Так, возрастная принадлежность рубахи определялась количеством вышивки. Например, детская одежда, вплоть до XIX века представлявшая собой одну рубаху, делалась из более грубых тканей, чем девичья, и украшена была очень мало. Рубахи девушек орнаментировались большим количеством вышивки со сложным узором. Наиболее украшались рубахи молодых замужних женщин; с возрастом количество украшений уменьшалось.

Вышитые рубахи были неременной частью приданого каждой женщины. В сундуке для приданого невеста хранила 5–6, а богатая и дюжину рубашек. К праздничным рубахам, украшенным вышивкой, существовало особое отношение. С особой тщательностью украшались вышивкой свадебные рубахи. По ним давали оценку невесте как мастерице. Самую красивую, хорошо отбеленную, особо удавшуюся, ярко украшенную, надевала невеста в день свадьбы. Затем носила ее по большим праздникам очень долго, часто в течение всей жизни, могла передать эту рубаху дочери. Свадебные рубахи расшивали узорами, где главное место занимал красный цвет.

Восточные славяне связывали с рубахой немало разных поверий. Считалось, например, что продавать ее никак нельзя — потеряешь счастье. «Продать ее — значит продать свое счастье». При помощи колдовства над рубахой, как считали, можно испортить ее владелицу. Свадебная рубаха к тому же, верили, обладает целебной силой.

Нарядно украшались рубахи (особенно по подолу), предназначенные для полевых работ. В узорах этих рубах — символы плодородия: взявшие силу ростки, деревья, ромбы, свастические элементы.

Корни орнамента вышивки восточных славян уходят в глубокую древность. В нем следы того времени, когда люди одухотворяли окружающую природу и, помещая на рубахах изображения солнца, древа жизни, птиц и женской фигуры как символов жизненной силы, счастья, плодородия, верили, что они принесут в дом благополучие. Первоначальная семантика древних мотивов в XIX веке уже была забыта переселенцами Приамурья. Но при этом целый архаический пласт в вышивке восточных славян XIX — начала XX вв. дошел до нас во множестве вариантов.

Таковыми устойчивыми архаичными элементами в орнаментике женских рубах XIX — начала XX вв. являются мотивы, уходящие своими корнями в далекие языческие времена — круги, ромбы, кресты, изображения древа жизни в окружении птиц и женской фигуры, олицетворявшей богиню земли-матери. Это традиционные символические образы восточных славян. Они связаны с языческими представлениями славян об окружающем мире, природе, вселенной, добре и зле.

К архаичной славянской вышивке можно отнести геометрические узоры многих рубах музейной коллекции, отражающие идею пло-

дородия. В них дан образ мира, близкий именно земледельцу. Это ромбы, квадраты, перекрестья, розетки, полосы, крюковые мотивы. Розетки обычно крестообразные, составленные из нескольких лопастей и напоминающие распластанный цветок.

В славянской мифологии Солнце издавна почиталось как источник жизни, света и тепла. В вышивке графическим символом Солнца была розетка (часто крестообразная), круг с крестом. По условиям техники вышивки круг превращался в многогранник, ромб и даже квадрат.

На вышитых рукавах свадебных женских рубах встречается один и тот же характерный узор: ромб или косо поставленный квадрат, разделенный крест-накрест на четыре маленьких квадрата или ромба. В центре каждого из четырех маленьких квадратов обязательно изображается небольшая точка. Поставленные на угол ромбы или единичны, или идут полосой в один ряд, соприкасаясь лишь углами. Такую композицию Б. А. Рыбаков назвал ромбо-точечной. Этот узор связан со свадебной обрядностью и с бытом молодой замужней женщины, так как весь свадебный ритуал пронизан магическим содержанием, и в первую очередь магией плодородия. Ромбо-точечная композиция в вышивке рубах имела возрастное ограничение: ромбо-точечные узоры украшали предплечья только на рубахах молодых женщин и не встречались ни на детских, ни на рубахах пожилых женщин.

Идея плодородия в свадебной обрядности выступает в двух формах: во-первых, как будущая плодовитость девушки-невесты, а во-вторых, как плодовитость вспаханной и засеянной земли. Женщина уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса. Такое слияние аграрного и женственного начала выражалось в Древней Руси понятием «рожаницы» — покровительницы как рождаемости, так и урожайности, как плодовитость. Утратив магическую роль, эти геометрические фигуры долгое время сохраняли определенное место на рубахах, являясь просто украшением.

Кроме собственно геометрических мотивов в вышивке рубах встречается тип геометризованных изображений женской фигуры, олицетворявшей богиню земли-матери. Обычно эти миниатюрные, сильно схематизированные женские фигуры изображены целыми строчками в виде орнаментальной полосы. Иконография достаточно архаична: головы изображены в виде ромба, юбки в виде треугольника, на юбках в центре помещен маленький треугольник, фигуры фронтальны и очень условны. Голова-ромб является одновременно торсом маленькой антропоморфной фигурки, как бы вырастающей из нижней.

Представлен в вышивке рубах и образ мирового дерева в окружении птиц. На рукавах украинской рубахи XIX века изображен сюжетный орнамент с мотивом птиц (парные

Фрагмент вышивки воротника свадебной рубахи с антропоморфным изображением.
Конец XIX в. Украина

лебеди), расположенных в зеркальной симметрии (справа и слева от центральной фигуры — стилизованного дерева). Роль изображений водоплавающих птиц в орнаменте рубах определялась теми представлениями о них в древности, пережитки которых еще сохранились в конце XIX — начале XX вв. В архаичных вышивках восточных славян лебедь обычно был связан с центральной частью композиции — антропоморфной, по-видимому, женской фигурой. Примечательно, что в орнаменте украинской рубахи заменена женская фигура образом Древа жизни — символом жизни. Такая трансформация среднего элемента орнамента или почти полное его исчезновение свидетельствует о более ранней утере его смыслового значения, чем боковых элементов: образ парных лебедей очень устойчив. Представление о счастливом браке, связанное с ними, сохранялось еще в начале XX века.

В начале XX века строгие геометрические вышивки часто заменяются красочным растительным орнаментом с натуралистическими мотивами. Образцами служили печатные узоры в приложениях к журналам («Нива» и

Фрагмент вышивки рукава свадебной рубахи с антропоморфным изображением.
Конец XIX в. Россия.
Воронежская губерния

Фрагмент вышивки рукава рубахи с орнитоморфной символикой.

Конец XIX в. Украина

пр.), узоры с оберток недорогого мыла фабрик Брокер. Мотивы геометризованных растений: цветы, цветки-розетки и кусты-деревья с их отдельными элементами — ветками, листьями. Узоры в виде изогнутой ветки со стилизованными цветочными мотивами и листьями характерны для вышивок по подолу и манжетам. В растительном орнаменте почти отсутствуют зеленые тона, казалось бы, вполне естественные для изображения природы.

Богатство орнамента вышивки рубах достигается цветом, определенной закономерностью сочетаний трех тонов — белого, красного и черного.

Белый цвет сорочки — общеславянская традиция, восходящая к глубокой древности. Цвет тщательно отбеленного тонкого льняного полотна является своеобразным эстетическим эталоном восточнославянских рубах XIX — начала XX вв. Белый цвет ткани создает впечатление изящест-

Верхняя часть рукава рубахи.

Конец XIX в. Россия.
Воронежская губерния

ва, ажурности, некоторой приглушенности красного тона. Ведущим цветовым тоном в вышивке рубах является красный в различных тональностях. Вероятно, когда-то он имел символический смысл, и первоначально роль его в древних мотивах вряд ли была только декоративной. Его часто использовали в магических обрядах, связанных с предохранительной магией, оберегом, очищением, лечением и т. д. Вышивка старейших рубах музейной коллекции выполнена красными нитками. Они привлекают, прежде всего, декоративностью общего решения, построенного на искуснейшем сочетании двух цветов: белого (неокрашенный холст) и красного (вышивка).

Бытовал у восточных славян и двухцветный — красно-черный орнамент, в котором оба цвета находились в относительном равновесии.

Черный цвет, как правило, применяется для обогащения и усиления декоративного звучания основного — красного — цвета, однако в ряде случаев он является ведущим. Такое исключение составляют вышивки воронежских рубах, исполненных нитями черного цвета. Вышивку этих рубах отличает графическая филигранная вязь черного узора на белом полотне рубахи. Черный цвет — излюбленный в Воронежском крае. Он символизировал землю и вечный покой и был особенно почитаем русскими людьми, живущими в Центральной полосе, так как помимо всей земли для них черный цвет символизировал чернозем.

Используется в вышивке рубах конца XIX века и другой монохромный цвет — белый. Белые вышивки («белым по белому») характерны для наиболее древних традиций славянской вышивки.

У каждой опытной мастерицы были свои большие и маленькие секреты, с помощью которых она добивалась особой сочности красок, затейливости узоров. Они выбирали материал и шов вышивки, осуществляли цветовое решение вещи в целом. В работах вышивальщиц конца XIX века воплотились лучшие вековые традиции искусства вышивки восточных славян.

Даже то небольшое количество уцелевших памятников традиционной вышивки славян-переселенцев Приамурья конца XIX — начала XX вв., вошедших в собрание Государственного музея Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, позволяют выявить их высокую художественную ценность.

Все сказанное выше может быть заключено словами известного художественного критика В. В. Стасова о народной вышивке: «...каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнамента — это связанная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также для ума и чувств».

СЛАВЯНСКИЙ ПОЯС: от утилитарности до оберега и магии

В быту и обрядах восточных славян поясу издревле придавалось большое значение. Подпоясывание нательной, домашней, а большей частью и верхней одежды было обязательным у всех восточнославянских народов. Крестьянская одежда не имела карманов. Пояс позволял прятать какие-либо мелкие предметы за пазухой. Носили на нем и необходимые предметы обихода: денежные сумочки, кисеты, гробни, ключи.

В собрании Государственного музея Дальнего Востока им. Гродекова хранится небольшая коллекция узорных поясов славян-переселенцев Приамурья конца XIX — начала XX вв. разнообразной техники изготовления: тканые, плетеные, вязаные крючком и спицами. Изготовлены пояса, главным образом, из шерстяной многоцветной пряжи, льна, конопли. Использовались как пояса и различные плетеные шнуры из разноцветных ниток в виде шнура с кистями на концах. Бытовали у восточных славян также витые из двух-трех прядей однотонных ниток узкие пояса. Беднейшая часть населения употребляла часто в качестве пояса лыко или веревочку.

Праздничные пояса отличаются от будничных яркостью расцветки и украшениями.

1. Традиционный женский костюм с тканым поясом.
Конец XIX в. Россия. Воронежская губерния

2. Мужская рубашка с плетеным поясом.
Начало XX в. Украина

2

1. Тканый шерстяной пояс с мотивом «ромбы». Конец XIX в. Украина

2. Пояс с вытканными словами молитвы. Конец XIX в. Россия

Пояса для молодых женщин и девушек делали более нарядными, на концах украшая кистями. Они были длиной до 3 – 5 метров, ими обматывали талию в несколько раз, а концы, завершившиеся кистями, свешивались до колен или ниже. За свою жизнь женщина должна была сделать несколько десятков поясов, поэтому неудивительно то разнообразие техник, узоров и способов декорирования, которое применялось для их изготовления.

Орнамент большинства поясов базировался на различных узорах из диагоналей, сочленений ромбов, квадратов и треугольников, пересечений, диагональных полос,

1

зубчатых линий, S-образных мотивов и вариантов стилизованного растительного орнамента. Принцип построения узоров – рапортный. По всей длине пояса повторяются один или два мотива.

Доминирующим мотивом орнаментированных поясов является ромб, который, как и квадрат, в народе зовут кругом. Значение простого ромба хорошо известно: это символ женского начала в природе. Однако в чистом виде в орнаменте поясов ромб встречается редко. Он мог быть заполнен маленькими ромбиками или усложнен гребенчатым орнаментом – крючками (известным под названием «лягушка»). Судя по его месту в различных композициях, он мог означать землю, растение и женщину одновременно. Центр ромбической фигуры часто отмечался маленьким квадратиком или крестиком. Древние славяне считали: «ромб-круг – это и горизонт, линия, где сходились небо и земля. Он замкнут, окружает внутреннее пространство. Таким образом, мир ограничен и, следовательно, защищен от разрушения».

Повторение мотива круга на поясе-круге, который носил человек, усиливало защитную функцию пояса, вселяло в человека уверенность, что он находится в безопасности от воздействия внешних сил.

Надо отметить, что в конце XIX – начале XX вв. мастерицы уже утратили доскональные знания о значении магических узоров, но сохранившееся понятие о магической значимос-

ти и оберегающей силе заставляло повторять их вновь и вновь.

Для восточнославянских поясов также характерна полоса центрального сплошного узора, который сверху и снизу окаймлен бордюрами из простых геометрических мотивов; часто орнаментальные мотивы, выполненные в разных цветах, как бы вкладываются один в другой. Часто встречаются узоры из продольных полос. Пояса, как правило, двусторонние, на обратной стороне нитки поля и узора, соответственно, менялись.

Оберегающая сила пояса подкреплялась не только узорами, но и искусно вытканными надписями, которыми дополняли мастера свои пояса. Некоторые из них близки к фольклору, в них заключена подчас народная мудрость. Надписи в поясах музейной коллекции содержат имя мастерицы либо того, кому пояс предназначался, например: «сеи поеси слеодэть носить настасье григорьевне глгковои какда примудрость божия нэполю какъ». Часть надписей связана с текстами молитвы или добрыми пожеланиями. Считалось, что такой пояс защищает его обладателя от неприятностей. В собрании музея хранится пояс со словами молитвы: «ангель божиі верный теон хранитель Анб у деть тебъ вовсеи жизни

помошникъ и покровитель всегда 1819 год». Вытканый на поясе текст нередко включал и дату изготовления пояса (как и вышеуказанный образец, где, вероятно, мастерица, при указании даты, переставила цифры: следует читать — «1891»). В надписях используется старославянское начертание букв. Не всегда буквы на поясе составляли осмысленные слова и фразы: иногда они являлись механическим копированием образцов отдельных букв неграмотной мастерицей. Многие слова вытканы с ошибками, пропусками букв, перевернутыми либо изображенными в зеркальном отражении буквами.

Пояса имели не только утилитарное назначение в качестве украшения и подвязки, но еще и символическое значение оберега. В мифологическом сознании восточных славян он играл роль оберега, защиты человеческого тела. Они рассматривали его как некий магический объект, способствующий благополучию и удаче того, кто его носит, и верили в могущественную силу пояса. Об этом свидетельствуют рукописные книги народной медицины, где пояс рассматривался как оберег: «А от всех колдунов и от всякой порчи носят на голом теле пояс вязаный. И при этом талисмане не может действовать никакое колдовство».

Украинские
переселенцы

Тканый пояс с архаическим орнаментом.
Конец XIX в.
Белоруссия

Ряд исследователей подчеркивают, что с поясом соединяли и жизнь, и здоровье его обладателя, и его сверхъестественные силы. Все это позволяет заключить, что пояс являлся сакральным предметом. Наиболее архаичной формой пояса-оберега считают нательный пояс, которым опоясывался новорожденный во время крещения и носился под одеждой. Родившийся человек получал талисман, с которым проходила вся его жизнь.

Старообрядцы, более длительно хранящие древние традиции, обычно носить пояс придавали ритуальное значение вплоть до недавнего времени. Пояс, надетый при крещении на голое тело, носился до кончины и даже в бане не снимался «чтобы не предстать беспомощными перед «бесами», так как «... человек беспоясный есть человек доступный темным силам».

Ношение пояса непосредственно на теле является древнейшей формой традиции. Позднее роль оберега стал сохранять и пояс, надеваемый поверх одежды.

Существовало немало верований, связанных с поясами. Пояс в народных верованиях есть символ дороги, пути через мифические и реальные преграды.

С поясом у восточных славян были связаны поверья о том, что он якобы предохранял от «нечистой силы», «порчи» и т. п. Кроме того, пояс рассматривался не только с практической стороны как один из элементов одежды, но и как имеющий самостоятельное значение. Например, нательный пояс, не имеющий практического объяснения. У восточных славян пояс воплощал «суть идеи одетости», по отношению к которой сама одежда имела дополнительный смысл. Пояс расценивался как некая сверходежда, как знак в ряду тех сигналов, которые ориентированы на установление дистанции между человеком и другими существами.

Как и другие элементы традиционного славянского костюма, пояс был не просто деталью одежды, а отражением миропонимания наших предков (частью микрокосмоса). Он являл собой как бы оберегающий круг, в центре которого постоянно находился его обладатель, недоступный для злых духов; поэтому утрата пояса или его приобретение связаны с теми или иными кардинальными изменениями в судьбе человека. Однозначного ответа на вопрос о происхождении круга в качестве оберега нет. Можно лишь предположить, что все проявления круга-оберега как-то связаны с древними пространственными представлениями о мире и Вселенной. Например, известный этнограф Д. К. Зеленин предполагал, что магический круг-оберег развивался из кругового обхода человеком той местности, где человек надумал заночевать, идя поселиться надолго; такой обход был необходим, чтобы убедиться в

отсутствии гнезда хищников, особенно змей, и т. п.

Вера в магическую роль преграды как бы делала человека, носившего пояс, недоступным для недоброжелательных духов. Это объясняет древний обычай носить пояс постоянно, с детства до смерти.

Первый свой пояс новорожденный младенец получал во время крещения, считалось, что он оберегает от бед и дает человеку жизненную силу. Пояс по своему религиозному значению приравнивался к нательному кресту. «Без пояса, как и без креста, нельзя было ходить» — представление, сохранявшееся в крестьянской среде еще до конца XIX — начала XX в. Особенно неприличным считалось «молиться Богу, обедать и спать без него».

Такая категоричность оценок изъятий объясняется отношением к поясу не просто как к детали одежды, а как к оберегу, отражению народной нравственности и принятых в обществе норм поведения. «Распоясать человека означало его обесчестить». В современном русском языке сохранились фразеологизмы, отражающие такие ситуации и имеющие значение отрицательной оценки: распоясаться — «вести себя недостойным образом в данной ситуации».

Отсутствие пояса воспринималось как принадлежность к потустороннему миру, нечистой силе. В восточнославянском фольклоре традиционно «без креста, без пояса» появляются отрицательные герои и персонажи: например, русалка может быть голой или одетой в белую рубашу, но обязательно подчеркивается отсутствие пояса.

Характерно, что при обрядах, связанных якобы с общением с «нечистой силой», снимали одновременно с крестом и пояс. Посвящаемый в колдуны должен был, прежде чем приступить к исполнению обряда, отречься от атрибутов христианства, в том числе снять с себя пояс, осмысляемый как оберег и как знак — символ судьбы. Поэтому пояс снимали при добывании «цветка папоротника» в ночь на Ивана Купалу.

Пояс, отделяющий людей от нелюдей, одновременно служит и границей двух существей в самом человеке: «На семи Бог поставил звездное течение. Все мы по пояс люди (т. е. наполовину), а там — скоты». С этим представлением связана масса поверий о том, как и где надо носить пояс: выше или ниже пупа, по бедрам, высоко под грудью, снимать ли пояс на время молитвы и др. Старообрядцы-раскольники верили, что «креститься поперек пояса грешно» (то есть ниже, через пояс).

К концу XIX — началу XX вв. роль пояса у переселенцев Приамурья не была однозначной. Древнее значение пояса как оберега еще сохранялось, но вместе с тем пояс одновременно употребляли в разнообразных ритуалах

в повседневном быту. Он продолжал играть большую роль в народных гаданиях, обрядах, заговорах. Пояс использовался даже при девичьих гаданиях о суженом: «...растянув пояс во всю длину на земле, девушка трижды кланется ему в землю, приговаривая: «Пояс, ты мой пояс! Покажи ты моего суженого, пояс!» или кладет под подушку вместо гребня пояс, приговаривая: «Суженый-ряженный, умой меня, утри меня, опояшь меня» в надежде увидеть во сне своего будущего жениха.

Широко использовались пояса в свадебных обрядах. Во время свадьбы крестный невесты снимал с себя кушак и повязывал его на плечо. Служили пояса и подарком невесты, которыми она одаривала участников свадьбы. Иногда пояс привязывали на дугу первой лошади свадебной повозки.

Подчеркивает магические свойства пояса, скрепляющего союз молодых, и такой обряд у восточных славян, как связывание жениха и невесты поясом или кушаком. Существовал обычай при выходе из избы свата, идущего сватать невесту, ударять его поясом. Удары пояса сопровождалась пожеланиями удачи со словами: «Не я быю — удача бьет!». У белорусов на свадьбе «поясом обертывали бутылку или бочонок с вином». Считалось, что «красный пояс, подаренный женой мужу, охранял его от лихого ока, наговора и чужих жен.

Наделялся пояс и оздоравливающими свойствами. Так, дарение девственного пояса у славян было связано с обрядом, относившимся к пожеланию детей бездетным женщинам. Цель этого обряда — «расположить молодую к деторождению».

В родильных ритуалах роженица «разувалась, распоясывалась, распускала волосы, снимала кольца и т. д.». Эти символические действия обозначали не ее незащищенность и слабость без оберега, а вступление в контакт с силами природы. Она «размыкала» себя, теперь она не была ограниченной внутри пояса. Кроме того, чтобы «помочь» роженице, «расстилали красный пояс, через который роженица должна была перешагнуть»; «стремились достать пояс священника, которым он опоясывался во время богослужения, им опоясывали роженицу или клали ей на живот».

Пояс применялся в заговорах от многих болезней. Считалось: «Если перевязать осину своим поясом, то на нее перейдут болезни».

Использовался пояс и в обряде входа в новый дом «... хозяин входил первым, а за пояс втягивал в дом всех членов семьи». Подобный обычай присутствовал и в ритуальных действиях с новой коровой, впервые вводимой во двор.

Существовало представление и о том, что пояс служит талисманом, охраняющим от нечистой силы, особенно от лесных и домашних духов. Так, например: «... если по голому телу подпоясаться поясом — «косичкой» из

собственных волос, то не страшна никакая нечистая сила. Но при плетении необходимо «сделать словами огород» (заговор)». Кроме того, «...считалось, что подпоясанного человека «бес боится», его не тронет ни домовая, ни леший».

Пояс употребляли в обрядах, связанных с первым выгоном скота в поле (расстилали в воротах пояс, чаще красный; его также привязывали к рогам коров, клали пастухам в сумки), что, по представлениям восточных славян, служило защитой против эпидемий и падежа скота.

Использовался пояс и в погребальном обряде с самыми разными целями. Например, как «элемент» смертной одежды. В данном ритуале «крест и пояс на покойнике были строго обязательны». Его одевали на покойного, потому что «без пояса туда не пустят». Иногда дно гроба выстилалось прутьями связанных венчиков, поверх прутьев клали поперек гроба пояс, а затем стлали длинный кусок холста. «Покойник при воскресении должен явиться на суд непременно опоясанным». Нередко, из уважения к покойному, лошадь, отвозящую тело на кладбище, вели не за поводья, а за пояс или полотенце, которые для этого случая привязывались вместо поводьев.

В погребальной обрядности существовали обряды, связанные одновременно с поясом и покойником, совершавшиеся уже не ради умершего, а ради живых. На могилу бросали свой пояс те женщины, у кого не было детей. Молодая женщина в случае смерти мужа не должна была завязывать на покойном «смертный пояс», если она хотела впоследствии выйти замуж. Считалось, если завязавшая «смертный пояс» все же выйдет замуж вторично, то ее семейная жизнь будет несчастливой. При проводах умершего из хаты родственники нередко завязывали поясом ворота, «чтобы больше покойников не было». Кроме того, пояс (кушак), опоясанный поверх одежды участников похоронной процессии, служил знаком скорби.

Пояс образовывал круг на теле человека, с него начиналась жизнь, им и заканчивалась.

С трансформацией элементов традиционного комплекса одежды происходит и трансформация пояса. В частности, эта тенденция прослеживается в том, что пояса, которые носились поверх различной верхней одежды, не воспринимались как ритуальные, хотя внешне они более эффектны — шире, богаче орнаментированы, чем те, что носились поверх рубах и тем более на голом теле, где пояс-оберег мог состоять из трех или одной красной нитки. Постепенно утратилась и вера в магическую силу пояса, из предмета постоянного ношения он превратился в обычный элемент одежды.

Литература:

1. Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крочками») / А. К. Амброз // Совет. археология. — №3 — 1965.
2. Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А. К. Амброз // Совет. археология. — №1 — 1966.
3. Арциховский А. В. История культуры Древней Руси. — М., 1951.
4. Байбурина А. К. Пояс (к семантике вещей) / А. К. Байбурина // Из культурного наследия народов Восточной Европы. — СПб., 1992.
5. Богуславская И. А. Русская народная вышивка. — М., 1972.
6. Восточнославянский этнографический сборник. — М., 1956.
7. Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве: История культуры Древней Руси. — М.-Л., 1951.
8. Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве: История Древней Руси. — Т.2. — М.-Л., 1951.
9. Еремина О. Знак духовной силы / О. Еремина // Нар. творчество. — 2002 — №4.
10. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
11. Зеленин Д. К. Избранные труды: статьи по духовной культуре 1901-1913 гг. /
12. Зеленин Д. К. — М.: Наука, 1994.
13. Кремлева И. А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских. / И. А. Кремлева // Русские: Семейный и общественный быт. — М., 1989.
14. Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начало XX в. — Новосибирск, 1985.
15. Лавонен Н. А. О древних магических оберегах / Н. А. Лавонен // Фольклор и этнография. — Л., 1977.
16. Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. / А. А. Лебедева // Русские: Семейный и общественный быт. — М., 1989.
17. Маслова Р. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах. — М., 1984.
18. Маслова Р. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. — М., 1978.
19. Очерки русской культуры XVII в. — ч. 1. — М., 1979.
20. Пономарев П. Д. Народный костюм Воронежской губернии. — Воронеж, 1994.
21. Русское народное искусство. — Л., 1959.
22. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981.
23. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1987.
24. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995.
25. Стасов В. В. Русский народный орнамент. — Вып. 1. — СПб., 1872.
26. Столяр А. Д. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания. — М., 1972.
27. Традиционная духовная и материальная русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.
28. Этнография восточных славян. — М., 1987.

Городские семьи крестьянского сословия

Мария БУРИЛОВА

Самым массовым в России было крестьянство – основное непривилегированное сословие.

Как податное сословие оно облагалось подушной податью – основным видом прямого налога в России (до 1887-го – в европейской части, до 1899-го – в Сибири). Раскладка подати производилась на все мужское население – от грудных младенцев до нетрудоспособных стариков. Основанием для обложения служили ревизии – переписи населения. Подавляющая часть крестьян, как и прежде, занималась земледелием. Но в результате втягивания крестьянства в рыночные отношения, нарастания экономического неравенства в деревне увеличивалась его подвижность. Кто-то уходил на заработки в города, кто-то занимался торговлей, предпринимательством, брал подряды. Обозначение «крестьянин» во второй половине XIX века приобрело два смысла. Официальное – все те, кто числился в сословии крестьян, записан в него, а также по фактическому состоянию: кто непосредственно занимался сельским хозяйством. Крестьяне-переселенцы и казаки в массе своей не являлись собс-

БУРИЛОВА Мария Федоровна, заведующая историческим отделом Музея истории города Хабаровска, автор экспозиций, исторических очерков по заселению и освоению Амуро-Уссурийского края. На примере Хабаровска, резиденции Приамурского генерал-губернаторства, стремится через судьбы простых людей осветить многомерную историю жизни и деятельности переселенцев в новом районе, которые формировали общность россиян-дальневосточников.

Крестьянин, даже если он решил победельничать, встает с петухами, чтобы начать это дело раньше.

Эдгар ХАУ,
американский писатель
(1853 – 1937)

твенниками земли. Земля считалась государственной и отдавалась им в пользование. Многие постоянно жили в городе (рабочие, торговцы, ремесленники, служащие, учителя), а по паспорту по-прежнему числились крестьянами. Таким образом, крестьянство служило источником для формирования городского населения разнообразной социальной среды.

Городское население на Дальнем Востоке в середине XIX века почти полностью отсутствовало. К концу столетия ситуация изменилась. В период интенсивного развития капитализма городское население Дальнего Востока увеличивалось значительно быстрее, чем сельское, что было вызвано развитием торговли, промышленности, транспорта. Только за трехлетие, с 1897 по 1900 год, население Благовещенска, Владивостока, Хабаровска выросло на 11%, Николаевска-на-Амуре – на 24%, Читы – почти на 37%, Никольск-Уссурийского – на 39%.

В 1917 году городское население Забайкальской области составляло 15,7%, Амурской области – 20,2%, Приморской – 33% от общей численности, и в основном за счет крестьянского сословия.

Многие крестьяне в городе становились ломовыми извозчиками, занимались строительными работами (плотники, кровельщики), устраивались поденщиками на кустарных производствах, грузчиками на складах, поступали в прислугу к «хозяевам» (дворники, няньки, кухарки, прачки) и на общественные работы (сторожа, фонарщики, водовозы, дровосеки, мусорщики, банщики).

В жизни самого города почти не оставалось места для общинных традиций. В коллективное пользование отводились только лесные участки (служили, как правило, местом гуляния горожан) да выгоны, на которых паслись городские коровы. Количество крупного рогатого скота было невелико, и найм пастухов не стал таким значительным событием, как это бывало в селах. Пастухам обычно платили деньгами, но иногда встречался и сельский обычай – кормить по очереди в каждом доме. Сохранялись такие общинные традиции, как помощь в постройке дома, проведение праздников и досуга.

Стоит обратить внимание на группу торгующих крестьян: именно крестьян с предпринимательской жилкой привлекал Приамурский край для переселения.

Городское население в соответствии с «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» 1861 года получило право на ведение торговли на неограниченную сумму, освобождалось от платежей всяких пошлин, государственных повинностей и военного постоя, поставки рекрутов. Это положение о льготах для переселяющихся предпри-

Переселенцы из Полтавской губернии, д. Демьяновка на устье р.Сулы, впадающей в Днепр. Приехали в 1910–1911? Новомодные: Павел Иванович, стоит в национальной рубашке, работал лесником на Хехцирской даче, Мария Пантелеймоновна, его жена, в национальной рубашке, домохозяйка. Дети: Иван Павлович (стоит), Михаил (на лошадке), Виталий на руках у матери (1915 г.р.). Стоит с галстуком Андрей Пантелеймонович Павленко (брат Марии), сапожник, жил в районе 19-й школы. Женщина с медалью (его жена?). Фото 1916 (приблизительно).

Стасько Ефросинья Михайловна с детьми Ларисой, Галиной и Ольгой. 1925

нимателей действовало до 1886 года. Как уже говорилось, большинство амурских и, в частности, хабаровских купцов были выходцами из крестьян. Немало крестьян, торгующих по свидетельствам, закрепившись на хабаровском рынке и расширив поле своих предпринимательских занятий за счет казенных подрядных операций, извозного промысла, почтовой гоньбы, содержания постоянных дворов, оседали в городе, приобретали недвижимость, покупали земельные участки на постройку домов. Это подтверждают архивные документы — прошения от крестьян И. Королева, В.Новосельцева, Ф. Рыженко, И.В.Волкова, от крестьянок Е. Наумовой, А. Виноградовой, Т. Вороновой.

В основном крестьяне выбирали свидетельства низших торговых разрядов (третьего и четвертого), что подтверждают документы Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. Следовательно, основную массу хабаровских торгующих крестьян составляли мелкие торговцы. Причем надо учитывать, что за каждым выбранным торговым свидетельством, как правило, стояло несколько родственников, не только сыновей, что было разрешено законодательством, но и братьев, племянников, которые активно занимались предпринимательством под «прикрытием» официально зарегистрированного свидетельства. Поэтому совокупный коммерческий оборот семьи мог быть значительно больше суммы, указанной в свидетельстве. Торгующие крестьяне основную часть своих коммерческих сделок осуществляли в сель-

ской местности, где контроль за соблюдением торгового законодательства был слабее, чем в городе. Многие крестьяне-предприниматели не стремились к изменению своего сословного статуса, особенно те из них, кто проживал в сельской местности и имел торговые и промышленные заведения. Близость к рынкам сырья и наличие дешевой рабочей силы, хорошее знание психологии людей своей среды позволяли торгующим крестьянам успешно конкурировать с купечеством в торговле сельскохозяйственной продукцией и в организации производств, связанных с их переработкой. К примеру, в 1913 году в Хабаровске при мукомольной мельнице братьев Кабатовых был открыт маслобойный завод, на котором перерабатывались бобы, семя подсолнечное и конопляное.

Официально крестьяне-отходники не были постоянными жителями города. Они часто оставляли за собой земельный надел «на всякий случай». Часто вид на жительство продлевали в течение многих лет. В целом основная масса отходников проживала в городе практически в течение всей своей трудовой жизни, иногда на время привозили из деревни и семью. Та часть крестьян, которые оставались в городе на постоянное жительство, заселяли слободки (Дальне-Хохлацкая, Железнодорожная, Арсенальская).

С.С. Бабиков, активный общественный деятель Хабаровска, сообщал: «Когда перевозка переселенцев стала проводиться на пароходах Добровольного флота, в 1885

Стасько (в девичестве Руденко) Ефросинья Михайловна с мужем Александром. 1921

году, в Хабаровске появились первые украинцы. Первоначально одиночные семьи, потом несколько хозяйств — и образовалась в городе слободка: Хохлацка», а впоследствии Дальняя или Дальне-Хохлацкая. Центром в хозяйстве украинцев стало огородничество, скотоводство и пчеловодство. Кроме рогатого скота и лошадей для извоза они имели породистых свиней. Поставщиками сала на местном рынке были украинцы. Они первыми начали засаживать свои усадебные участки плодовыми деревьями и ягодными кустарниками». Немногим из этих крестьян удавалось выйти в другие сословия (мещане, купцы), однако попытки были, и не безнадёжные: примеров в хабаровском обществе немало.

В государственном архиве (РГИА ДВ) за 1889—1894 годы имеются длинные списки запасных нижних чинов, которые приписывались к обществу крестьян. Согласно правилам о переселении, утвержденным 6 июня 1904 года, запасным нижним чином выдавалось пособие (ст.23 и 27) взамен отправки за казенный счет на родину из сумм военного ведомства. Так, М.Е.Толмачев приписался к обществу крестьян с выдачей пособия (ул. Лисуновская, уч.2, д. Трофименко). Немало хранится прошений крестьян о причислении их в казачье сословие, к Уссурийскому казачьему войску. В 1897 году население Хабаровска составляло 14971 человек, из них крестьян — 5829, 577 — из них проживало временно.

Огородничеством занимались более 57% жителей (подсчет мой): крестьяне, купцы, мещане, казаки и даже некоторые чиновники и священнослужители. Но посте-

пенно огородничество вытеснялось за пределы города вследствие сокращения земельных участков на душу населения. Горожане переключали свои деловые интересы в промышленность, торговлю, сферу услуг. Изменения городской экономики повлекли за собой перемены в характере труда, в образе жизни городского населения. застройка постепенно утрачивала одноэтажность, становилась более плотной и продуманной.

Как горожане (исключая немногочисленное образованное общество), так и крестьяне были носителями единой народной культуры. При этом городские низы сравнительно с деревенским крестьянством были несколько менее традиционными, более грамотными и рациональными, более тесно связанными с рынком и потому больше ценили деньги и собственность, были более восприимчивы к светской культуре. Постоянное проживание крестьян в черте города, а мещан и купцов — в деревне отражало факт принципиального единства культуры и менталитета городских низов и крестьянства. Эта общность может показаться парадоксальной. Городские сословия, сравнительно с крестьянством, находились в привилегированном положении: имели право на частную собственность, были защищены законом, купечество освобождено от круговой ответственности. И несмотря на это обладали общим с крестьянством менталитетом. Причин несколько. Мещане, ремесленники и городские крестьяне не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Малограмотность и бедность служили препятствием для накопления капитала и превращения в предпринимателя. И мировоззренческие представления: подобно крестьянам-земледельцам, целью хозяйства которых было получение только пропитания, а общей жизненной целью — отнюдь не богатство и власть. Крестьяне приходили в город с традиционными моделями поведения и мышления, и формировавшиеся из них новые горожане несли на себе печать традиционного крестьянского сознания. В этом смысле крестьянская миграция тормозила формирование буржуазного менталитета среди широких масс городского населения.

Из истории городских семей крестьянского сословия

Семья Тарабаровых

Фотографию семьи Семена Максимовича Тарабарова (1878—1959) передала в музей внучка — Ольга Васильевна Шинкаренко и рассказала семейную легенду о переселении крестьянской семьи деда из Воронежской губернии.

«Ехали долгим сухопутным путем через Сибирь не одни, а сразу несколько семей. Сначала прибыли в село Камень-Рыболов Приморского края, но потом Семену, заядлому рыболову, понравился Амур. Перебрались в город Хабаровск. С 1905 года Семен Тарабаров работал при городской управе извозчиком, заготавливал на острове сено для лошадей. Также ему удалось получить место фонарщика на участке Амура от станицы Нижне-Спасской до Хабаровска. На острове, в районе покосов, он построил землянку, затем мазанку побольше и, наконец, в 1908 году — большой деревянный дом, в котором и жила семья, в то время состоявшая уже из 13 человек. Младшая дочь Капитолина родилась уже на острове. В Хабаровске Семен Максимович тоже построил просторный дом по улице Поповской (ныне Калинина), подрастали дети».

К семье Тарабаровых на остров подселились еще шесть семей, которых приписали к ближайшей станице Нижне-Спасской. «Здесь хорошо ловилась рыба, да и земля щедрая: выращивали пшеницу, гречиху, просо, овес, картофель, овощи, разводили домашний скот, птицу. Зимой занимались извозом и заготовкой дров для пароходства. Отношения с китайскими соседями были хорошими, они проникали на остров для заготовки дров. Только вот помнят в семье случаи, когда в 1913 году кто-то из китайцев увел пару лошадей Тарабаровых. Семен Максимович обратился с жалобой к старосте ближайшего китайского поселения (ныне г.Фуяюань), и ему лошадей возвратили».

Ольга Васильевна передает и такую семейную легенду: «В марте 1922 года дом деда на острове посетил Василий Константинович Блюхер с бойцами Народно-революционной армии, которых Семен Максимович незаметно проводил к станице Казакевичевой в тыл Хабаровска, а также помог отряду продовольствием и фуражом. И В.К. Блюхер, военный министр Дальневосточной республики в то время, сказал: «Так вот, Семен Максимович, остров вы знаете хорошо. А на границе не должно быть безмянных островов. Назовем его вашим именем — остров Тарабарова». Тут же Блюхер сделал запись на своей карте».

В 1931 году С.М. Тарабаров неожиданно был арестован органами НКВД за неуплату сельхозналога, который был совершенно непосильным для семьи, где только четыре человека работали. Годом раньше, в 1930 году, по этой же причине он был лишен избирательных прав. В обвинительном заключении говорилось, что Тарабаров являлся хозяином острова, якобы приобретенного еще у царского правительства в аренду. Кроме того, его обвиняли в агитации жителей против вступления в колхоз. Он же агитировал за организацию рыболовецкой артели и хотел сам ее возглавить. 10 апреля 1931 года Тарабаров был приговорен к пяти годам пребывания в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) Дальлага ОГПУ. И как заключенный участвовал в строительстве известного в Хабаровске «дома коммуны»; потом его отправили «рыбачить» на Чумку (напротив Хабаровска).

Бабушка бегала к нему на свидание. Досталось и семье. Жену Семена Максимовича, т.е. бабушку, с детьми выслали в поселок Дамбуки Амурской области. Когда Семена Максимовича освободили, он уехал к семье. Работал там на лесоповале. Выселка — так называли спецпоселенцев в поселке. Капитолина Семеновна, младшая дочь, вышла там замуж. Только в 1948 году Тарабаровы вернулись в Хабаровск и поселились на Чумке, где хозяин семьи работал в мастерских Амурского бассейнового управления пути. А тот амурский островок подле Хабаровска, из-за которого наказывала неразумная власть, так и называется остров Тарабарова — историческое и географическое название.

Семья Манюк

Информацию с фотографиями о семье Манюк передала мне Ника Павловна Лукашук, которая очень гордилась своей обычной родословной.

«Наш дед (отец мамы), Семен Николаевич Манюк (1862—1924), проживал в Хабаровске с большой семьей по улице Батарейной, 12 (ныне Гамарника), в доме, который построил сам. Дед по национальности молдаванин, родом из Бессарабской губернии: Сорокинский уезд, Надушитская волость, деревня Николаевка. На Дальний Восток он приехал в конце 80-х годов XIX века совсем молодым. По семейным преданиям, был сюда сослан за

какую-то провинность, совершенную им по отношению к богатым соседям. Он владел плотницким и столярным мастерством, которому выучился от отца. В 30 лет женился на 17-летней Полине Сунцовой. Встретил ее еще девочкой по дороге на Амур, ехали в одном обозе. Она с родителями из Вятской губернии Котинского уезда Сушинской волости из деревни Алтай. В семье рассказывали: Семен перенес на руках девочку Полю через речку, что разлилась на пути переселенцев.

И вот судьба опять свела их, когда Семен Николаевич уже овдовел, а Полина подросла. Жили они сначала в маленьком доме на ул. Корсаковской (ныне Волочаевская), затем построили новый дом, развели сад, держали скотину, лошадей, был свой выезд. Бабушка Полина вспоминала, как летними вечерами дед выходил за ворота и смотрел вдаль, насвистывая молдавские мелодии. Наплывали воспоминания о далекой родине, цветущих садах Молдавии. Дед дружил с Петром Григорьевичем Шурановым, перенимал его садоводческий опыт.

В 1892 году в семье Семена и Аполлинару родилась первая дочь — Анна, в 1894-м — вторая, которую назвали в честь матери Аполлинуарией, в 1895-м — Елизавета, в 1897-м — Софья. В 1899-м на радость Семена Николаевича появился сын Александр, в 1902-м — еще одна дочь, которую тоже нарекли Александрой. Затем в 1904-м — дочь Нина, в 1908-м — второй сын, Николай, в 1910-м — Ольга, в 1913-м — третий сын, Борис. Было еще трое детей, да умерли маленькими, а десятерых Манюки вырастили. Жилось нелегко. Жизнь протекала в трудах и заботах. Помимо дел на усадьбе — огород, сад, уход за домашними животными — надо еще накосить и доставить сено, заготовить и вывезти дрова. Наконец, дед слыл хорошим столяром, его выбирали гласным в городскую думу. Домашняя мебель — дело его золотых рук. Были и заказы, в том числе от городского головы И.И. Еремеева.

Имели два дома, в одном жили сами, другой сдавали на постой военным. Это приносило какой-то достаток. Семья деда отличалась хлебосольством, у них находили уют обездоленные. А по большим церковным праздникам дед с бабушкой отвозили в городскую тюрьму гостинцы — пироги и куличи. Так было заведено. В большой комнате уютного дома на стене висел портрет царя, в углу горела лампадка над большой иконой, перед которой молился наш дед «за здравие Государства Российского», «за царя-батюшку», за «здоровье всех членов семьи». Жили нелегко, но дружно. Старшие дочери — Анна, Полина, Софья — закончили женскую гимназию. Анна работала переводчицей в Хабаровской почтово-телеграфной конторе связи. Там же работал и ее муж Иван Васильевич Синяпкин. Елизавета помогала матери вести домашнее хозяйство, ухаживала за младшими. Софья поступила на службу в Амурскую казенную палату. Александра и Нина тоже учились в гимназии. Александр закончил реальное училище, Николай — школу 2-й ступени и работал преподавателем литературы. Он мечтал поехать в Москву, поступить на литературный факультет, но из-за отсутствия денег мечты его не осуществились. В годы Великой Отечественной войны Николай Семенович погиб.

Дочери выходили замуж, покидали родное гнездо, разъезжались и сыновья. Борис, окончив школу радистов, получил направление в бухту Самарга на побережье Татарского пролива. Затем работал на противоположном конце страны, в Котласе, потом его перевели в Москву. Младшая дочь Ольга после окончания школы в конце

1920-х годов уехала учительствовать на станцию Иман, потом на Хор, преподавала русский язык и литературу, была депутатом районного Совета. Александр связал свою жизнь с железнодорожным транспортом, работал в Облучье, Чите, Хабаровске, заслужил орден Ленина.

Все десять внуков Семена Николаевича и Апполинии Николаевны получили высшее образование. Дочь Анны — Галина Ивановна Синяпкина — после окончания Томского университета стала специалистом по проблемам ядерной физики. Дочь Полины — Людмила Яковлевна Костенко — журналистка, была главным редактором студии детского вещания радиокomiteта в Омске. Дочь Елизаветы — Нелли Александровна Опрятная — стала техником радиовещания в Хабаровске. Дочь Александры — Ника Павловна Лукашук (автор этих воспоминаний) — кандидат сельскохозяйственных наук, бывший доцент кафедры ботаники Хабаровского педагогического университета. Дочь Ольги — Нина Ивановна Панченко — кандидат филологических наук, работает на кафедре гуманитарных дисциплин юридического факультета академии экономики и права. Словом, детей и внуков из семьи Манюк отличает трудолюбие, ответственное отношение к работе, высокий профессионализм. И все эти качества идут от тех истоков, которые берут начало из добрых семейных установок деда и бабушки — Семена Николаевича и Аполлинии Николаевны.

Семья Руденко

Пояснения к семейному фотоальбому давала Галина Александровна Стасько (в девичестве Руденко). Ходоки из Киевской губернии Васильковского уезда выбрали место в 15 километрах от станции Дормидонтовка, заложили несколько домов и назвали село Тарасовка, в честь основного ходока Тараса. Построили мост (пока без перил) через реку Подхоренок, как раз в этом месте река очень быстрая, шумная. Около моста заложили еще пять домов — деревню назвали Пятриковка.

В Тарасовку и перевез дед Михаил Павлович Руденко, один из ходоков, свою семью на государственные средства, «за казенный кошт», как тогда говорили.

По семейным рассказам, семьи крестьян везли по железной дороге эшелонами. Один раз в сутки всех переселенцев кормили горячей пищей. Некоторые участки пути ехали пассажирским поездом. Весь скарб: дети и одежда. У Михаила Павловича семья состояла (кроме самого и жены) из девяти детей (6 братьев и 3 сестрицы). Добирались по Китайско-Восточной железной дороге до Владивостока, а затем по Уссурийской железной дороге в Хабаровск. «Маме, Ефросинье Михайловне, — вспоминала Галина Александровна, — в 1910 году было 12 лет. Когда ехали по КВЖД, она заболела тифом. В Никольск-Уссурийском ее с братом Никифором сняли с поезда и положили в больницу» (см. фото: Фрося коротко острижена, как и брат Никифор.)

В Хабаровском переселенческом управлении выдали пособие на покупку одной лошади, одной коровы и мелкого хозяйства. Место, которое «облюбовали» ходоки, переселенцам понравилось. В окрестностях росло много голубицы, ее с удовольствием собирали.

«Дед был хорошим кузнецом, умело подковывал лошадей. Все мотыги, подковы, лопаты, тазы и ведра для односельчан были делом его рук. Семью прозвали Ковали. За эту работу деда наградили в селе роем пчел, из которого он постепенно развел целую пасеку. От отца своего, оставшегося на Украине, Михаил Павлович унаследовал

выносливость и недолгое здоровье. Когда отец моего деда провожал сына на Амур, то ему было уже 105 лет, из которых 25 лет он прослужил в царской армии». Сам Михаил Павлович служил уже только 5 лет. Семья Руденко в селе Тарасовка всегда в чем-то была первой. Первыми заложили дом, дед — первый кузнец, его сын Тит Михайлович (1888 г.р.) — первый председатель сельского кооператива.

Девочек отправили в город Хабаровск, как тогда говорили, «в люди». Ефросинья Михайловна попала в прислугу к купцу П.И. Попову. Дом этого купца сохранился во дворе по ул. Калинина (за домом, в котором жил писатель В.Н.Иванов).

«Мама работала горничной, но хозяева кормили плохо. Пришлось уйти в другой дом, по ул. Шеронова». Домовладелец Жеребцов сдавал в наем два деревянных дома, где и работала молодая девушка. Сначала в семье чиновника М.А. Рычкова, потом стирала на семью И.И. Хворова, служила у чиновника Шульца, заведовавшего нотариальной конторой. Так непросто входила в городскую жизнь Ефросинья Михайловна.

«Мы прожили на Плюснинке 25 лет, в доме Полужникова, который сдавался в аренду», — рассказывала Галина Александровна. Рассказчица родилась в 1922 году, в Хабаровске. Родители жили по ул. Дзержинского (бывшая Хабаровская) в 2-этажном деревянном доме с мансардой, который сохранился и сейчас.

Фото из семейных альбомов Е.В. НОВОМОДНОГО и Г.А. СТАСЬКО

2

4

5

3

1. Руденко Тит Михайлович с сестрой Фросей. 1913
2. Руденко Е.М. с братом Сергеем. 1915
3. Руденко Михаил Павлович – ходок из Киевской губернии Васильковского уезда, с. Малая Снитынка. Ехали по КВДЖ. Фото 1927. С внучками Ларисой, Аней, Галей
4. Семья Руденко на пасеке. с. Тарасовка
5. Руденко Фрося с братом Никифором. 1915

Утраченные черты крестьянского ремесла

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ
Фото из архива автора

1

Автор научного эссе Наталья Александровна Соболевская, кандидат исторических наук. Около 17 лет проработала заведующей отделом истории, ведущим научным сотрудником лаборатории Хабаровского краевого краеведческого музея. Направление научной деятельности – этнокультурная история Дальневосточного региона. В настоящее время – доцент кафедры «Архитектуры и урбанистики» Хабаровского государственного технического университета; совместитель на кафедре «Дизайна и ДПИ» Хабаровского государственного педагогического университета. Имеет более 40 научных публикаций, изданных в России и в Польше. В предоставленном материале использованы фотографии исследователя, зарисовки художника В.М.Соломенцева.

В прошлом мелкая крестьянская, или кустарная, так ещё её называли, промышленность, неразрывно связанная с сельским хозяйством страны, была той отраслью экономики, где причудливо переплетались разные стадии становления и эволюции капиталистического уклада с традиционными так называемыми домашними занятиями крестьян. На Дальнем Востоке размещение крестьянских ремёсел и промыслов, уровень их развития определялись многими факторами: последовательностью освоения дальневосточных районов, природно-климатическими условиями, этническими традициями переселенцев, социально-экономическими условиями – близостью к городским и крупным сельским торговым центрам, транспортным магистралям.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., в Амурской области обрабатываемыми ремёслами и промыслами занимались 164 человека на 1000 жителей, Приморской – всего 80. Необходимо отметить, что значительная часть мелких крестьян-ремесленников в селениях просто не регистрировалась официальной статистикой «ввиду разбросанности и временного характера деятельности». Вот как описывается домашний характер их ремесленного производства: «Глиняную посуду

работали гончары в свободное от занятий по земледелию время. Она охотно раскупалась крестьянами на местных ярмарках и базарах, так как легкодоступна населению своей дешевизной, имеет привычные для него формы и размеры и соответствует его потребностям». Статистико-экономическое обследование крестьянских хозяйств в Амурской области проводилось Амурской экспедицией на основании сплошной подворной переписи 1910 г. Среди старожильческого населения Амурской области,

1. Паламарчук М. Ф.
 Макитра с толкушкой.
 р-н им. Лазо, с. Каменец-Подольск,
 с. Бичевая. Экспедиция 1977 г.
2. Ковалев В. М.
 Берестянка-лубочка.
 р-н им. Лазо, с. Марусино,
 Шумилова Д. В.
 Экспедиция 1977 г.
3. Зыков П. П.
 Корзинка из лута бархата.
 р-н им. Лазо, с. Прудки.
 Экспедиция 1977 г.

2

3

насчитывающего 10427 хозяйств, 6124 хозяйства занимались ремёслами и промыслами (58,7%). Среди крестьян-новосёлков из 5163 хозяйств были заняты в промыслах 4277(82,8%). В 1912 г. проводилось специальное обследование Амурским отделом Дальневосточного кустарного комитета состояния крестьянских ремёсел и промыслов в 60 селениях Амурской области. Отмечалось, что деревообрабатывающие ремёсла в сельской местности (мебельное, оконно-рамное, ложкарный, щепной, бондарный) находятся на уровне производства «для себя» и для продажи односельчанам. Ткацкие изделия были продуктом домашней крестьянской промышленности; плетёные пояса из шерсти, шёлка, гаруса изготавливались на продажу односельчанам, на закупку корабейникам.

В 1912–1913 гг. анализом крестьянской ремесленности в Приморской области (в то время территория современного Хабаровского края входила в Приморскую область) занимался Дальневосточный кустарный комитет. Обследование было проведено примерно в 50% крестьянских хозяйств (22137 крестьянских дворов), из них 12% участвовали в кустарных ремёслах и промыслах. Изучая материалы обследования, можно сделать определённые выводы по состоянию крестьянских ремёсел в Приморской области: изделия местных мастеров во многом определялись их традиционными занятиями с мест выхода; большая часть крестьянских хозяйств, занимавшихся ремёслами, была связана с местными сельскими рынками; в 10-е годы XX в. начала формироваться зональная ремесленная специализация. При Амурском кустарном комитете, созданном в 1913 году, в 1917 году действовали три учебно-показательные мастерские: Ивановская и Суражневская учебно-показательные ремонтные мастерские по сельскохозяйственному машиностроению, мастерская при гончар-

ном заводе В.А. Ляхова в Благовещенске. Учебно-показательные мастерские занимались распространением технических знаний, инструкторы этих мастерских оказывали и практическую помощь местному сельскому населению.

Итак, характерная черта крестьянских ремёсел Приамурья в конце XIX – начале XX века – их мозаичность, распыленность, а также ориентация обрабатывающих ремёсел на главные занятия: лесной промысел в северных районах Амурской и Приморской областях, переработка сельскохозяйственной продукции в южных районах Дальневосточного региона. По уровню развития крестьянские ремёсла в начале XX века уже дифференцировались, хотя низшие и высшие стадии развития существовали одновременно – от домашнего ремесла до мелкотоварного производства.

О центрах художественных ремёсел сообщений нет, что, по-видимому, являлось культурной спецификой этой колонизируемой российской провинции.

Культура крестьянина-колониста, формировавшаяся на Дальнем Востоке в течение десятилетий, сохраняла свою характерную традиционность до конца 20-х годов XX века. Позже, в 30–50-е годы XX в., крестьянская культура стала размываться и подверглась коренным преобразованиям урбанистической переориентации, исчезла ремесленность как особенность российской крестьянской культуры. В настоящее время проблематична вероятность существования непосредственных изготовителей, помнящих технологии традиционных крестьянских ремёсел.

Многочисленные образцы традиционных ремёсел амурских крестьян конца XIX – начала XX вв. хранятся в Амурском областном краеведческом музее и Государственном музее Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова.

2

3

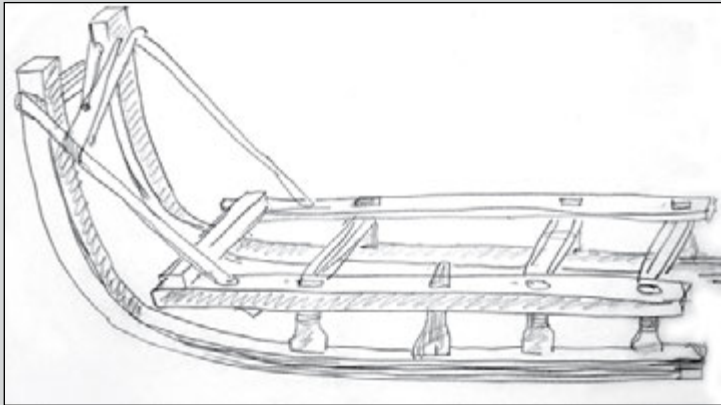
1. Яковюк П. А.
Подплетка для плетения лаптей, копыл – колодка для лаптей.
р-н им. Лазо, с. Роскошь, с. Марусино
- 2, 3. Кринка.
р-н им. Лазо, с. Петровичи. Экспедиция 1977 г.
4. Маслобойка.
р-н им. Лазо, с. Роскошь. Экспедиция 1977 г.

1

4

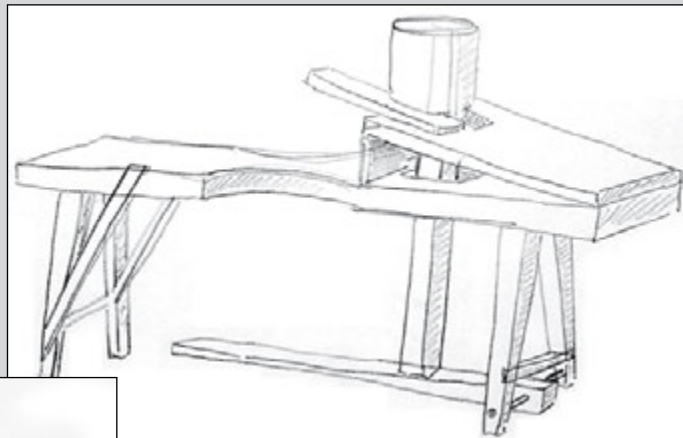
1

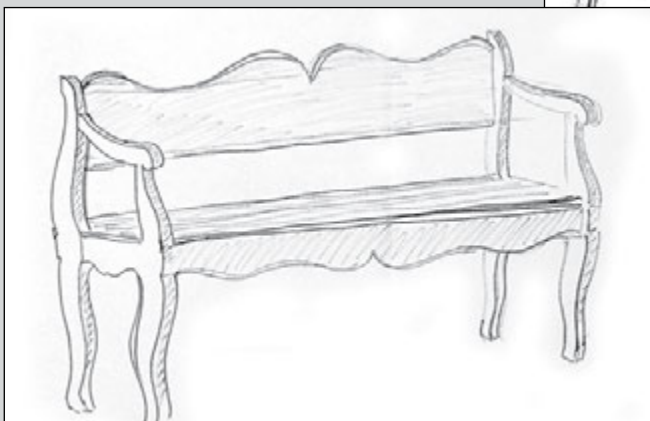
5

2

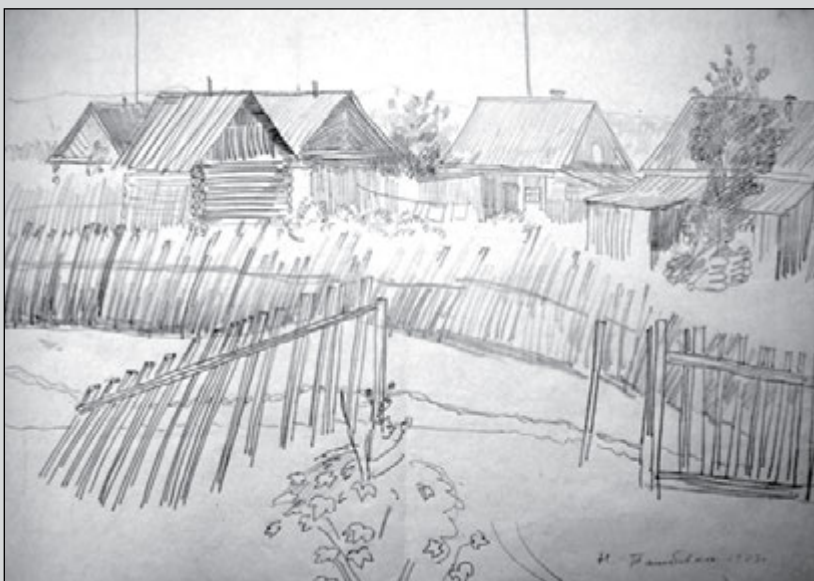
6

3

7

4

1. Розвальни.
с. Н. Тамбовка
2. Кашевка. Мастер Зимин А. Т.
с. Н. Тамбовка
3. Диван. Мастер Зимин И.П.
с. Н. Тамбовка
4. Село Н. Тамбовка
1980
5. Наличник.
с. Н. Тамбовка. Построение 1890 г.
6. Скамейка для обработки
бондарной клепки. Мастер Зимин И.П.
с. Н. Тамбовка
7. Утарник. Мастер Зимин И.П.
с. Н. Тамбовка

В 70 – 80-е годы XX в. автором этой статьи в сёлах Нижнего Амура и Приуссурия были собраны, научно определены и описаны коллекции предметов крестьянской культуры, значительную долю которых составляют орудия и изделия домашнего крестьянского ремесленного производства. Глиняные кринки, макитры, корчаги, собранные в селе Каменец-Подольском района им. Лазо Хабаровского края, свидетельствуют о гончарстве крестьян-переселенцев из Подольской губернии России.

В селах Святогорье, Прудки, Марусино, Бичевая, Сита были найдены орудия первичной обработки растительных волокон, прядения и ткачества. В селе Полётном – части ткацкого горизонтального штативного станка, распространённого в Белоруссии в конце XIX – начале XX вв. Десятки льняных полотенец и набожников были изготовлены местными мастерицами с сохранением украинских и белорусских традиций бранной техники выполнения геометрических узоров, вышивки крестом и кружевной обвязки. Из льняного холста изготавливались и праздничные рубашки, сорочки с рукавами, расшитыми гладью, крестом, узорами – черно-красными розами, розетками, «соловьиными очами». Рядна, постилки-покрывала производились дальневосточными мастерицами из окрашенных отваром кожуры маньчжурского ореха конопляных нитей.

Не забыли крестьяне-новосёлы и искусство изготовления утвари из бересты. В сёлах Прудки и Полётное были собраны всевозможные берестянки-лубочки, короба. Образцы деревянной утвари, в том числе и изготовленные на токарном станке, свидетельствуют о развитии у крестьян-колонистов Приуссурия традиционного столярного, бондарного, плотницкого ремесла.

Развитие традиционных ремёсел и промыслов могло бы стать частью региональной комплексной программы по сохранению и использованию культурного наследия Дальнего Востока. Ведь исторический опыт России конца XIX – начала XX вв. показывает, что возрождение кустарных ремёсел было важнейшей частью земской политики экономического и социального развития российской провинции.

Примечание к иллюстрациям.

Крестьяне-переселенцы из Тамбовской губернии России основали села Верхнетамбовское (1860) и Нижнетамбовское (1861). В начале XX в. в эти селения подселились крестьяне с Украины и из Белоруссии. В 1915 г. в Нижнетамбовском – «весьма богатом волостном селе» – насчитывалось 322 жителя. Село Верхнетамбовское «имело торговое и промысловое значение весьма малое».

1

2

3

1. Шелепова Ф. П.
Амурская область,
с. Краснояроро,
экспедиция 1989 г.
2. Астахов С. Н.,
с. Полярково,
экспедиция 1984 г.
3. Зимин А. Т.
1906 г.р.
с. Н. Тамбовка,
экспедиция 1980 г.

Дон Кихот из далекого края

Елена ГЛЕБОВА

Владимир Михайлович Соломенцев (1933–2004), художник в области декоративно-прикладного искусства, москвич, выпускник Строгановки. Увлеченный рассказами о Дальнем Востоке, крае благодатном, таежном, он приехал сюда совсем молодым и остался здесь навсегда. Его имя сегодня входит в золотой фонд художественно-графического факультета Хабаровского государственного педагогического университета. Да, Владимир Михайлович был не только среди первых преподавателей худграфа, но и одним из тех, кто закладывал основы дальневосточного искусства. Впрочем, столь высокие оценки не прибавили художнику особых званий или почестей, да и сам он никогда к этому не стремился. Скромность – такой же редкий дар, как и талант настоящего мастера.

Владимир Соломенцев любил дерево, восхищался красотой этого материала, его безграничными возможностями. Ему хотелось очень многое исполнить, а преподавательская деятельность практически не оставляла времени на творчество. Потому и ушел с факультета, чтобы заниматься только любимым делом. Деревянные панно, скульптуры, сделанные руками художника Соломенцева, стали украшениями музеев и различных детских учреждений не только в Хабаровском крае, но и

на Дальнем Востоке. Это были годы, когда художники оказывались востребованными государством, получали заказы, которые позволяли не только кормить семьи, но и воплощать творческие идеи. Еще не подошли «пластиковые времена» с их выхолощенным, лишенным жизни евростилем, еще ценились рукотворные вещи.

Большой и серьезной работой Владимира Соломенцева стало деревянное панно «Первопроходцы», долгое время находившееся на втором этаже Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова. Потом, когда музей менял облик, сформировал новый стиль, панно разобрали. В принципе в этом нет ничего страшного и, как заметил сын Владимира Михайловича Евгений Соломенцев, всему свое время. Хотя очень жаль, например, что не сохранились скульптурные композиции из дерева, которыми художник Соломенцев украшал хабаровские дворики, превращая их в сказочные уголки большого города. Но в те времена

еще не было надежных водостойких материалов, и потому жизнь деревянных сказочных героев в условиях дальневосточного климата оказалась недолгой. Лишь старые фотографии сохранили отпечаток тех дней.

В мастерской Владимира Михайловича хранится коллекция его работ. С высоты стеллажа на всякого входящего сюда смотрят любимые многими герои — истинный рыцарь Дон Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса. Эту композицию художник назвал «Где вы, рыцари?..», должно быть, размышляя над не слишком романтичными сюжетами, которыми нередко изобилует наша реальная жизнь. Сам он всегда стремился сделать окружающее пространство красивым, старался видеть хорошее и не замечать негатива. Нет, он не вступал в неравную схватку с ветряными мельницами, но так же, как его герой,

путешествовал в поисках прекрасного. Владимир Михайлович всегда любил природу, много бродил по лесным просторам. Природа дарила художнику радость, давала массу интересных идей, а в последние годы, когда разом навалились болезни, стала для него самым главным утешением.

...В его мастерской все так же пахнет деревом и золотятся стружки. Теперь здесь работает сын Владимира Михайловича — Евгений, окончивший декоративно-прикладное отделение Хабаровского колледжа искусств. Он тоже любит дерево и помнит все то, чему учил его отец.

В.М. Соломенцев в Сикачи-Аляне

Юная гимнастка

Дальневосточные сувениры

Сказочный уголок большого города

Вечные символы славянского ДРЕВА ЖИЗНИ

1

Наталья БОЯРИНЦЕВА,
методист детского
туристического центра
«Экзотур»
(Комсомольск-на-Амуре)
Фото Владимира МЕРИНОВА

Вот и названы первые ключевые слова того пароля (или заклятия?), которым, возможно, открывается вход в духовный мир предков: РОД и КОРНИ.

Вышивки на многих рушниках изображают Древо Жизни — всечеловеческий символ Рода прошлых, настоящих и будущих поколений, а также символ единства трех миров. В древности люди разделяли мир на три части: Верхний мир, где обитают высшие существа, Средний — место обитания людей, животных, растений, и Нижний мир — вместилище духов. Корни Древа прорастают в

Эти вещи, если уделить им достаточно внимания, могут прозвучать для нас голосами далеких предков, приглашающих в мир, которого уже нет, в мир, каким они его видели. Нужно только сосредоточиться, услышать тихий зов, обращенный к тебе лично, и откликнуться на него. И тогда придут из глубины памяти знания и образы, станет возможным диалог современного человека со своим Родом, наРодом, Родиной. Вещи, о которых идет речь, — полотенца-рушники, привезенные переселенцами-славянами в числе немногих памятных предметов традиционной культуры на Дальний Восток. Для многих из них это были единственные свидетельства связи с покинутыми родными местами, с собственными корнями.

2

3

4

1. Фрагмент рушника
2. Прошва для мужской рубахи.
Украина, к. XIX в.
3. Левая часть рушника
4. Рушник.
Украина. Первая треть XX в.

Нижний мир, крона раскинулась в Среднем, вершина возносится в Верхний.

На одном из рушников, четырехметровом домотканом полотнище, концы оформлены богатой вышивкой красными и черными нитками, вязаным кружевом по краю и вышитыми кружевными прошвами. Это цельная монументальная вещь, в которой не может быть лишних, случайных деталей. Вышивка изображает пышное растение, произрастающее из изящного вазона. Это символика Древа. Вазон в традиционных композициях рушников из южнорусских, украинских губерний обозначал Почву и Землю, а также ствол дерева. Наличие черного цвета тоже характерно для южных областей. Само Древо в данной композиции — это упруго изогнутые широкие листья, образующие крону.

Другой рушник также оформлен изображением Древа в виде ветвей с цветущими розами и мелкими четырехмерными цветками. Оно вырастает из очень условно обозначенного сосуда, имеющего снизу подобие корней. В этой композиции совмещается символика Древа Жизни и символика Розы. В древности многие народы именно розу (или шиповник) посвящали домашним богам: это было одно из колючих растений, которые своими шипами отгоняли от человеческого жилья злых духов, но именно роза была наиболее предпочитаема: мила и благоуханна. То есть не только злых отвращала, но и добрых радовала. Римская традиция обозначать важную тайну цветком розы («под розой сказано...») имела в виду то, что в тайну человек посвящается в присутствии домашних богов говорящего. Нарушение тайны — оскорбление богов и, следовательно, право на суровую месть.

Таким образом, сюжет «Древо — Роза» содержит символику Дома. Дом — это следующее ключевое слово нашего пароля, пропуска в мир предков.

В христианстве цветок розы некоторое время считался языческим символом, но со временем вошел в символику Богородицы и стал знаком Божественного покровительства.

Вообще Древо — это символ материнского рода.

В этнографических музеях России имеется достаточно полотенец с русского Севера, на которых Древо Жизни изображается в виде женской фигуры: голова — солярный знак (круг или ромб с крестом внутри), руки — ветви с сидящими на них птицами. Женская фигура — древняя Богиня, Мать — Земля. Часто по бокам этой фигуры парное изображение деревьев, птиц-пав, коней, всадников или оленей. Сама фигура иногда помещена внутри силуэта Храма. Птицы в композиции Древа на рушниках-полотенцах — элемент очень важный и широко распространенный. Они вышивались похожими на кур, петухов, то есть птиц,

Распятие (лицевая и оборотная стороны).
Россия, старообрядцы, сер. XIX в.

посвященных солнцу, или водоплавающих пернатых — уток, символизирующих супружеское согласие и верность. Эти изображения всегда парные, иногда фигуры сливаются в одну — двуглавою.

И вот теперь мы можем дополнить наш пароль словами: мать, супружество, любовь, верность. Есть в этом пароле еще слова: жизнь, вера, вечность. Или так: вера в вечную жизнь.

Рассмотрим старообрядческое распятие. Его композиция точно соответствует композиции Древа: основание креста уходит под землю, где упокоены предки, вершина возносится к горнему миру, обозначенному изображениями солнца и месяца. По обе стороны креста — предстоящие святые... А на обратной стороне, как символ вечной жизни, — само Древо.

Если выписать подряд все найденные нами слова: род — корни — дом — мать — любовь — верность — вера в вечную жизнь — божественное покровительство, мы и получим тот ряд понятий и ценностей, который был так важен для людей в древности и который так необходим современному человеку. Именно этим ценностям хранили верность люди, взявшие с собой на родину будущих детей и внуков эти вещи, вытканые и вышитые руками матерей и бабушек.

В собраниях музеев Комсомольска-на-Амуре рушников-полотенцев не так уж много.

Эти вещи сохраняются в семьях не только как памятные, но и как вполне функциональные. В бытовой обрядности восточных славян рушники играли очень важную роль, особенно в свадебных обрядах. Сваты и другие участники театрализованного действия, каким являлась свадьба, были повязаны через плечо рушниками, хлеб-соль молодым выносили на рушнике, икона, которой благословляли новобрачных, также была обрамлена рушником... И сегодня для проведения

свадебных торжеств используют рушники, которые одалживают у знакомых (если своих нет), заказывают, специально вышивают, используя старинные образцы.

Связь между свадебным обрядом и мотивом Древа Жизни существует не только у славян. На свадебном костюме нанайской невесты вышивается парное изображение Древа, женщина, одетая в свадебный халат — амири, сама как бы являла собой Древо Жизни. Обычно это именно Женщина. В русском народном костюме подобное изображение чаще всего встречается на женских головных уборах.

В современном обществе заметно особое внимание к вещам, олицетворяющим собой, как принято теперь говорить, «традиционные гуманитарные ценности». Восточнославянские рушники — полотенца — относятся к числу именно таких вещей.

ПОИСКИ ИСТИННОЙ ВЕРЫ

Вера КОБКО (Владивосток)

Фото из архива Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева

В XVII веке, вскоре после трагического собора, утвердившего раскол в российской церкви и обществе, последовали репрессии, направленные против защитников веры. Известные двенадцать статей царевны Софьи 1685 года послужили сигналом к началу массовых гонений официальной государственной властью и церковью всех, кто сопротивлялся проведению церковных реформ. Отныне их несогласие наказывалось конфискацией имущества, ссылкой и смертной казнью. Такие весьма решительные меры привели к тому, что защитники старой веры огромными массами покидали Москву, крупные города европейской России и находили спасение и прибежище в лесах Керженца, Поморья, на Дону, Стародубье, Польше.

С конца XVII по конец XVIII веков шел процесс разделения старообрядчества на поповское (признающее необходимость духовенства и существовавшее поначалу в форме беглопоповщины) и беспоповское течения (отрицающее необходимость духовенства), формирования наиболее крупных их центров. С течением времени надежды на обретение иерархии исчезли, и представители беспоповского направления констатировали наступление последних времен с воцарением в миру антихриста, который истребил истинное священство и церковные таинства. Современные беспоповские общины сохранили лишь несколько таинств: крещение, исповедь, брак. В старообрядчестве беспоповское направление наиболее разнородное и сложное.

Наиболее влиятельным беспоповским центром стал монастырь на реке Выг в Олонецкой губернии (1694). Вокруг монастыря за долгую его жизнь (150 лет) сформировалось несколько беспоповских направлений: поморский или даниловский, из которого выделилось более радикальное филипповское согласие.

Центрами еще одного беспоповского согласия, федосеевского, была Польша, Псковская и Новгородская губернии. Разделения на многочисленные толки этого направления в старообрядчестве зафиксированы и до недавнего времени.

Главным центром поповского направления был Керженец. В начале 20-х годов XVIII века в Нижегородской губернии было зафиксировано более 122 тысяч старообрядцев. Позднее керженские скиты разделились на онуфриевщину, софонтиевщину, дяконовщину. Софонтиевщина в свою очередь становится главным поповским направлением Керженца. На востоке России последователи его стали называть себя часовенными.

Особенно много старообрядцев, в основном поповцев, нашло приют в Стародубье (Черниговская губерния). В конце XVII столетия они были изгнаны и отсюда. Часть их ушла за пределы России в Польшу (Ветка). В начале XVIII века Ветка становится крупнейшим поповским старообрядческим центром. С ослаблением Польши начались новые преследования, и за довольно небольшой промежуток времени Ветка пережила две «выгонки»: в 1735 и 1764 гг. После окончательного разгрома духовных старообрядческих центров многочисленное их население было сослано за Урал. Алтай и Забайкалье стали территориальными центрами проживания ветковских старообрядцев.

Первоначально софонтиевцы исповедовали тезис о не пресечении истинного священства и принимали беглых священников с перекрещиванием их через миропомазание. Со временем, когда становилось все более очевидным, что обрести истинное священство не удастся, софонтиевские общины все более прибегали к беспоповской практике. Закрепление этого явления произошло на Екатеринбургском соборе 1840 года. Часовенное (софонтиевское) согласие за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке стало одним из самых многочисленных старообрядческих согласий.

Сложность в определении вероисповедной принадлежности к различным толкам в Сибири состояла в том, что даже к середине XVIII века, считают ученые, определенной границы между сибирскими староверами и остальным русским населением не существовало. Свою принадлежность к согласиям старообрядцы Восточной Сибири начали осознавать уже к концу XVIII столетия.

Ко времени появления старообрядцев на Дальнем Востоке в середине XIX века уже произошло основное разделение старообрядчества на согласия и толки. И тем не менее определение количественного соотношения старообрядцев различных толков в Приморье вызывало опре-

КОБКО Вера Васильевна. Родилась в маленьком таежном поселке на юге Якутии. Закончила филологический факультет ДВГУ. После окончания университета и до сегодняшнего дня работает в Приморском государственном объединенном музее им. В.К. Арсеньева хранителем этнографических коллекций. Область научных интересов – история, духовная, материальная культура старообрядческого населения Приморья. Автор книги «Старообрядцы Приморья: история, традиции. Середина XIX в. – 30-е г. XX в.» (Владивосток, 2004)

деленную сложность, поскольку официальная статистика реального соотношения не давала и не могла дать по вполне понятным причинам.

Из 8 тысяч старообрядцев, пришедших в Амурскую область, 5,7 тысячи были беспоповцами. Статистические сведения за 1909 год констатировали в Приморской области старообрядческих поселений — 17 (605 семей, 3573 души); приемлющих священство — 2 селения (149 семей, 908 душ). Статистические данные, приведенные нами выше, на наш взгляд, в целом подтверждаются местной статистикой, полевым материалом. По статистическим сведениям 1912 года, в Ключевской волости числилось 750 душ староверов часовенного согласия, 65 — поморского, 40 — белокрыницкого. Цифры отчетов вряд ли отражали реальное количество старообрядцев в крае, но в целом по ним можно судить о количественном соотношении между основными старообрядческими толками.

Полевой материал подтвердил наличие в крае толков, указываемых в статистической отчетности, а также места локализации тех или иных согласий. Нам интересно было сравнить наши полевые сведения с официальными сведениями. Так, поначалу мы с недоверием отнеслись даже к небольшой по количеству цифре 40 — именно столько старообрядцев белокрыницкого согласия, проживающих в Тернее. Тем не менее в нашем полевом материале есть сведения о небольшой группе старообрядцев этого согласия, проживающих на северном побережье. В селах Ивановичи, Стольное, по официальным сведениям, большинство старообрядцев принадлежало к федосеевскому толку. Это также соответствовало реальному положению вещей и подтверждалось полевым материалом.

Если говорить об основных группах старообрядцев, переселившихся в край по конфессиональному признаку, то можно отметить, что большая группа старообрядцев семейских была более или менее однородна и принадлежала ча-

совенному согласию. Однако мы уже подчеркивали, что эта подвижность переходного этапа от беглопоповской практики к беспоповской еще явственно ощущалась и помнилась верующими. Исследователи отмечают, что большинство ветковских старообрядцев, переселенных на Алтай и в Сибирь, принадлежало к поповскому направлению и лишь незначительная — к беспоповскому. Поповщина у забайкальцев, как и в период проживания их в Польше, была представлена первоначально в виде беглопоповщины.

Группы старообрядцев, переселившихся из Волго-Вятского и Урало-Сибирского регионов, принадлежали в основном к часовенному согласию. Среди переселенцев из этих регионов выделялись довольно сильные общины **самокрестов**, проживавших как компактно, так и рассеяно в селах Кокшаровка, Саратовка, Батюково Чугуевской и Киевской волостей, Нахтахе, Ахобе, Сваин Ключевской волости. Рядом с ними в Чугуевской волости в селах Калиновка, Кокшаровка, частично в Саратовке проживали семьи **старообрядцев-токаревцев** (ранее принадлежали к поморскому согласию). Интересно отметить, что местом выхода семей самокрестов и токаревцев была Томская губерния, Бийский округ, села Боронча, Гробница, Солонька. Их общим более ранним местом выхода, возможно, было Поволжье и Вятская губерния.

Две крупные общины старообрядцев **федосеевского толка**, выделившегося в свое время также из поморского согласия, проживали компактно в селах Стольное, Ивановичи Тихоновской и Саровской волостей. Переселились они в Приморье с Украины.

Старообрядцы **белокрыницкого согласия** были сосредоточены в основном в крупных населенных пунктах, городах. Самая большая община находилась во Владивостоке и в селе Красный Яр. Остальные малочисленные группы этого согласия жили рассеяно в больших и малых поселениях Приморья.

«Разожгите сердце свое к познанию истины...» Старообрядцы-токаревцы

О Калиновке мы услышали еще в 1992-м от жителей Кокшаровки. В тот год мы разыскали дом Феклы Ивановны Ижболдиной, к которой приехали с приветами из арсеньевской общины. Фекла Ивановна, рассказывая о себе, сокрушалась, что в Кокшаровке никого из часовенных почти и не осталось. Все разъехались, и ей самой приходится ездить на соборы в деревню Уборку, да и сын вот не очень-то веры придерживается, женился на женщине другой веры. Правда, невестка ее, Ульяна, женщина добрая, очень грамотная, из большой семьи Копытовых. Их, Копытовых, в Кокшаровке несколько сестер живет. Их отца летом в селе не бывает, потому что он все время проводит в Калиновке — за рекой на пасеке. Самого села давно уж нет, переправу никто не содержит, и чтоб добраться туда, нужна лодка.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы нанесли первый визит одной из сестер, Марии Копытовой. В селе ее считают странной: живет очень бедно, а поводится что у нее — тут же раздаст другим. Сельские ребяташки — те частые у нее гости. Намерзнутся, бывает, зимой, на катке или на горке — греться к Марии бегут. Знают, что всегда там и чай, и ласку найдут. Помню, мы сами как-то человек пять свалились к ней голодные. Это было в то перестроечное время, когда столовых уже не существовало, а в магазинах, особенно сельских, было совершенно пусто

и кроме хлеба купить нечего. Время позднее, а до дома добираться еще часа три. Пересилив стыд, пошли к Марии, хоть чаю горячего попросить. Она тут же стол накрыла, поставила все, что было в доме: картошки сварил, салат из зеленых помидоров, чай.

В том, как и что делает Мария, нет никакого насилия над собой, а уж тем более над другими. Кажется, больше всего на свете эта женщина боится согрешить — вольно или невольно. И не может иначе, ведь так ее воспитывали. «Мама моя всегда говорила: что полюбится, то и грех, — рассказывает Мария. — Можно ведь привыкнуть к хорошей еде, к отдыху с телевизором (к слову, в доме у нее нет ни радио, ни телевизора), дьявол искушает, а Господь вразумляет». Наш дед Савелий, который в Москве жил, рассказывал... Брат у него был. Когда советская власть началась, Господи, не в осуждение пусть будет, но ведь и с бедных снимали последнее. Белые, красные заходили — все грабили. Какие-то забрали его и повели на расстрел. Раздели, стоит он босой на снегу, и понял вдруг, что это Господь-то ему в наказание дал. Он ведь такой гуляка был, посторонних имел, пил. Дети, домашние — все молились за него, чтоб вразумил его Господь. Вот и вразумил. Стал он просить Святителя Николу. Вдруг видит, из лесу выехал на белом коне всадник красивый и строгим таким голосом сказал: «Это наш человек, не трогайте

Шарыпов Терентий Демидович, участник Первой мировой войны, кавалер Георгиевского креста, с женой. 1908

его». Все в страхе разбежались, а человек тот исчез. Иоанн прибежал домой, молился долго. Так с этого времени совсем и отстал от грехов».

Говорит Мария быстро, тихо, иногда, когда волнуется, очень сбивчиво. Первый раз, при знакомстве, нам приходилось переспрашивать, правильно ли мы поняли ее. Но, удивительное дело, как только она начинала рассказывать жития святых — голос ее твердел, речь лилась плавно, не прерываясь, словно перед нами был совсем другой человек. Сестра Марии, Ульяна, такая же хлебосольная, как сестра, внимательная, с острым умным взглядом, всегда в работе.

В том далеком уже 1992 году мы, основываясь на первых, очень поверхностных наших наблюдениях, решили, что большая часть нынешних жителей Кокшаровки принадлежит к поморскому согласию. Будучи уверенными в правильности своих выводов, мы уже не старались уточнить их, тем более что в Кокшаровку удавалось приезжать нечасто. А ведь сомнения были... Каюсь: как-то одного из жителей Владивостока, искавшего единоверцев из поморского согласия, я отправила в Кокшаровку. Он вернулся оттуда обескураженным: оказалось, община в Кокшаровке не его согласия. Шелвельнулось во мне тогда чувство гордыни: мол, путает что-то человек, столько лет оторван был от веры. Но только позднее это и другие, не насторожившие сразу, но оставшиеся в памяти мелкие разрозненные несоответствия, вопросы, нестыковки в свете полученных новых знаний вдруг выстроятся в единый доказательный

ряд. В такие минуты ругаешь себя, как можно было не заметить того, что лежало на поверхности... Такие промахи не проходят даром: упущено столько времени... Люди старшего поколения, с кем мы не успели пообщаться, уже ушли из жизни, а вместе с ними ушли от нас и бесценные крупницы знания.

Самоназвание общины — токаревцы — мы услышали совершенно случайно во время одного из интервью. Не знаю, заметил ли собеседник наши удивленно-обескураженные лица. Во всяком случае, мы едва сдержали себя от весьма вредных в подобных случаях поспешных расспросов и постарались быстрее завершить разговор с тем, чтобы хоть как-то осознать услышанное и порыться в собственной памяти и справочниках. К сожалению, не помогли ни память, ни справочники. Почти никакой информации об этом согласии мы не сумели обнаружить, и только немного позднее с помощью более опытных коллег из Москвы смогли получить сведения о самом Токареве.

Сведений, кстати сказать, было очень немного. «Деяния I Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак», сообщали, что собор российских поморцев, проходивший в 1905 году в Самаре, осудил еретическое отрицание Токаревым поклонения изображению Бога Отца по видению Даниила Пророка в образе «Ветхого денми». Г.Е. Токарев призывал единоверцев следовать Григорию Двоеслову: «Отчь образ не пишем», поскольку «Не видим бо есть». И поскольку покаяния от Григория Евдокимовича не последовало, собор единогласно объявил Токарева отлученным от церкви за распространение «развратного учения». Пожалуй, это единственные документированные и известные нам сведения о Григории Евдокимовиче Токареве — жителе села Городца Нижегородской губернии, основателе нового согласия.

Один из авторитетных и уважаемых членов токаревской общины Ермила Матвеевич Пермяков так запомнил рассказы родителей: «В 1905 году был собор в Москве всех староверов под председательством Льва Феоктистовича Пичугина, и там присутствовал Токарев. Он имел большую ревность о Боге... От всех собранных отцов там было 500 человек, но не все стояли в одно, некоторые были и против. Но собор утвердительно настоял, и отлучают Токарева от церкви за непоклонение Отчего образа. Токарев же привел слово Иоанна Златоуста, сказанное так: «Если на соборе нет единогласия, хотя бы один кто-то противостоит, то не есть собор, но иудейское сонмище». Так и на меня не было у вас полного единого согласия». И не посчитал это за собор.

Вопрос возможности изображения Божества не однажды поднимался на Руси. Изображение на иконах ветхозаветной и новозаветной Троицы обсуждался на Стоглавом Соборе. Основные споры вызывал образ Бога Отца. Противники этого образа видели в нем попытку изобразить неизобразимое Божество — «существо»; сторонники ссылались на то, что Бог Отец изображался по пророческим видениям. Со временем изображение Отчего образа вошло в церковную практику, в обычай, несмотря на осуждение его со стороны Большого Московского Собора. В более позднее время помимо этого основного аргумента защитников изобразимости образа Бога Отца появляются новые попытки обоснования: труды И.Н. Богословского, протоиерея о. Сергия Булгакова. Ученый-философ, знаток древнерусского искусства Л.А. Успенский в опубликованном курсе иконоведения счел необходимым остановиться на более подробном

анализе этих аргументов. Сопоставляя тексты Предания, святоотеческие, богослужебные тексты с иконописными канонами, убедительно доказывает, что «постановление Большого Московского Собора, его категорическое запрещение изображения неизобразимого Божества, является подлинно православным отзвуком святоотеческого богословия». Слова св. Киприана Карфагенского, процитированные Л.А. Успенским, как нельзя более характеризуют последователей...учения Токарева в их стремлении дойти до сути любого явления... не быть пленниками слепой веры: «незаметно вошедший у некоторых обычай не должен служить препятствием к победе и утверждению истины, ибо обычай без истины есть только старое заблуждение».

Ермила Матвеевич Пермьяков, излагая основы Токаревского учения, особое внимание уделяет объяснению главного отличия своей веры от «30 других и староверских вер». «Причин и несогласий много, но основная одна. Все делят Святую Троицу на три существа, т.е. три образа: старый седой старик в образе старца, Иисус Христос 33 лет и голубь сизокрылый. ...Такое основание они выводят не от Святого Писания, а от своего мышления. Нельзя считать Отца более чем Сына, умаляя Божество и описуя Отца телесным существом... А существо и естество — две большие разницы. Естество — это материал, из которого делается предмет, а существо — это качество этого предмета. Все мы созданы Богом одного естества, т.е. одинаковый материал из кожи, костей, крови, а существо в каждом человеке строго отделяется друг от друга, т.е. у каждого свое качество-сила, власть, воля, добро, зло... А на тех иконах естеств будет два (Отец и Сын, а голубь другого естества. А существ сколько? Три: в сыне — одно, в Отце — совершенно другое, а в голубе — третье... Вот и не соответствует истинному богословию, что Сын единосущен Отцу».

Умение и желание размышлять — главная особенность токаревцев. Простыми, яркими и запоминающимися образами они просто объясняют сложные философские понятия. «Мы говорим ведь, верую во Святую Троицу единосущную, неразделимую, неслиянную по составам, единопредстольную, равночестную, неопisanную... Здесь и гадать нечего, как объяснить, что Бог един из трех составов. Как человек, например, фамилия, имя и отчество. Все разное, по отдельности, а человек этот един. Или солнце возьмем. Что это? Это круг, свет и тепло. Как же можно Дух свят рисовать? Можно у солнца круг нарисовать, а свет, тепло, которые идут от него, как нарисовать? А свет тот повсюду проникает, все освещает...»

Последователей учения Токарева так же, как и всех старообрядцев, отличает особое отношение к Книге. Помимо традиционно читаемую и чтимых «светильников» — Библии, Евангелия, произведений святых отцов Иоанна Златоуста, Кириллы Иерусалимского (они постоянно цитируются старообрядцами) непререкаемый авторитет среди членов общины имеют переписанные от руки два оригинальных сочинения — «Беседа Токарева» и «Беседа Токарева с Пичугиным», где изложены основы нового учения.

Время появления Г. Токарева на Алтае нам так и не удалось уточнить ни у приморских, ни у алтайских токаревцев. «Великий дар дан был ему (Токареву) Богом, во многих местах России удалось насадить ему зеленый сад благочестия: в Барнауле, в Алтайском крае многие пошли за ним. Мои родители жили в Солоновке Алтайского края, они знали о нем, но мало видели, в основном от грамотных слышали», — вспоминал Ермила Матвеевич.

Екатерина Логиновна Кирьянова в моленной одежде.
с. Таежка. 1993. Фото Кобко В. В.

Алтайская часть истории токаревского согласия известна нам лишь по нескольким отрывочным воспоминаниям наших информаторов. По их словам, в алтайском селе Боронча (находилось недалеко от Бийска, ныне села не существует) жили старообрядцы одной веры — «борончинской», как полагаем мы, самокресты. Видимо, там и обосновался Г. Е. Токарев.

Ермила Матвеевич Пермьяков связывает начало его деятельности с борьбой с ересями: «Токарев ... видел, какое нечестие распространилось в России, что староверы брачного согласия смешались в одно с бракоборами — федосиянами безбрачного согласия. Они не признавали браков, и дети рождались от блуда, а они не считали это за грех. Это есть ересь явная». По-видимому, это было временем бурных споров, активных поисков единственно правильной веры. Раскол был неминуем, и он произошел. В селе образовалось две общины: самокрестов и токаревцев. Так распорядилась судьба, что в Приморье переселились и сегодня живут потомки обеих этих общин, жителей села Боронча и окрестных сел.

Ермила Матвеевич вспоминает о том же периоде: «У моих родителей, в Солоновке, часто были беседы. С ярмарки много стариков съезжалось, вели беседы... Собирались у них грамотеи всех вер до 30 человек, беседовали о вере... Наши наставники в беседах всех побеждали. Это были Нестор Кириллович Шведчиков, Рехтины Митрофан Фотевич и Поликарп Фотевич, Спрытин. Как наши старички появятся, так никто из иных вер не мог сказать ничего...»

Достоинным их учеником стал ныне здравствующий Ермила Матвеевич Пермьяков, житель города Новокузнецка Кемеровской области. С ним приморские токаревцы поддерживают письменную связь, советуясь в особо сложных современных ситуациях. Ермила Матве-

В.В. Кобко разговаривает с Филиппом Кирилловичем Соболевым. с. Усть-Соболевка, 2002. Фото Керчелавевой Н. Б.

Один из старых домов с. Кокшаровки. Постройка нач. XX в. 2000. Фото Кобко В.В.

евич раньше часто приезжал к единоверцам на Дальний Восток, здесь живут его родственники, здесь жили и уже умерли его учителя.

«Мне по Божьей милости приходилось с детства беседовать со стариками. У нас в Сибири доходило до того, что боялись молиться, не умели вести дело служебное, остался один старец — Алексей Абрамович Шмаков, вот он везде и ездил, поддерживал веру Христову, зажигал искру Богопознания. От него много христиан встало на твердый путь. От него и я зажегся в познании веры. Мой учитель по пению был Федоров Георгий Степанович. Всю жизнь просидел он в тюрьме, а под старость лет его освободили. Он в Приморье поехал, а сюда специально приезжал петь нас поучить». Имена знаменитых наставников, преуспевших в богословии, сегодня еще помнят в токаревских общинах не только на Алтае, но и в Приморье. Оказалось, что отцом нашей давней знакомой Фионы Георгиевны и был знаменитый Георгий Степанович Федоров. Мы, к сожалению, не застали его в живых.

Переселение токаревец на Дальний Восток началось в 30-х годах. «Когда начались гонения по линии НКВД, многих сослали, посадили, — продолжает вспоминать Ермила Матвеевич. — Тогда из Сибири поехали все христиане, кто куда... Одни в Кызыл убралась, другие поехали на восток. Христианство пополнилось там, где жизнь была потише и спокойнее от власти». Последователи учения Токарева живут сегодня в разных уголках России, но большая часть их компактно проживает на Алтае и в Приморье.

Село Калиновка в Южно-Уссурийском крае — одно из редких сел с компактным населением старообрядцев не только одного согласия, но и выходцев из одного места — Томской губернии Бийского округа сел Боронча, Солонька, Афонино, Солтон, Морочевка, Карпово.

Одними из первых из Борончи двинулись Белоусовы: «Бабушка приехала в 1909 году в Приморье, посмотрела, вернулась, дала команду — все и поехали. А тетины братья, его мать приехали еще раньше. В Калиновке все наши были: Ложкины (Боронча), Соколовы (Солонька), Белоусовы (Боронча), Россомахины (Боронча), Красковы, Попеляевы (Боронча), Кулятины (Боронча), Шведчиковы (Боронча), Зыковы (Боронча)».

С Калиновкой мы знакомы не только по рассказам и любительским фотографиям, но и по прекрасному пла-

ну-рисунку жителя Чугуевки Ивана Семеновича Жданова. С семьей Ждановых нас познакомила наша коллега, директор чугуевского музея А.А. Фадеева, единственного мемориального музея писателя в России, — Людмила Викторовна Бадюк. Оказалось, что муж одной из ее сотрудниц из семьи Кулятиных-Ждановых, фамилий весьма известных в Приморье.

Иван Семенович оказался не только замечательным рассказчиком, но и рисовальщиком. Не успели мы поскользнуться о том, что так и не смогли составить даже отдаленное представление о столь любимой всеми старообрядцами Калиновке, Иван Семенович тут же пообещал отвезти нас туда летом и поведить нас по селу. А через две недели прислал великолепный рисунок, где на плане подробно изобразил село. Даже по рисунку сразу можно почувствовать, насколько уютной была эта небольшая долина, где раскинулась Калиновка. Родственники старались селиться рядом: вот дома Белоусовых на одной стороне села, дома Ждановых и Кулятиных, дома Пухаревых.

Сегодня нет уже на карте села с названием Калиновка. Старообрядческие семьи расселились по ближайшим деревням: Саратовке, Кокшаровке, Чугуевке. Возвращаются они в родные места только в воспоминаниях: Маша Копытова как-то, рассказывая сон, обмолвилась: «Вижу поле со цветами, а на нем белая овечушка со ягненок. И такая она мирная. И покой такой, как в Калиновке. Я шибко по Калиновке скучала...»

Впервые мы смогли побывать на соборной службе несколько лет назад. Моленная, где собрались верующие, — комната обычного жилого дома с привычным для нас сельско-городским интерьером. Единственное, что казалось необычным, — большой иконостас да горка подручников. Привыкшие к традиционной моленной одежде старообрядцев часовенных: сарафанам, платкам, кафтанам, мы были немало удивлены тому, как одеты токаревы. Одежда самая обычная: сарафаны, платья, юбки, кофты, правда, с длинными рукавами. Головы женщин покрыты платками, завязанными привычным для каждого способом, специальных поясков мы не увидели почти ни у кого. На талии — обыкновенные пояса или веревочка, у мужчин — ремни. Специальной одежды для моления нет ни у женщин, ни у мужчин, хотя они еще помнят, что старшее поколение таковую имело. Ермила Матвеевич объясня-

ет: «Раньше и у меня кафтан был, но если нет специального места, то лучше простую одежду носить без соблазна для других. Лучше душевно за собой следить...»

Нам позволили находиться в одной комнате с молящимися. Службу вела Ульяна. День был будничным, и верующих собралось не так много. Большинство из собравшихся, конечно, женщины. Среди них были и молодые, даже подростки и малыши. Некоторые пришли с дальнего хутора Польшихи пешком. Еще перед службой Ульяна предупредила нас, как бы извиняясь, что настоящего пения мы не услышим: поют не все, так как не все гласы знают. Улю и Машу учил петь «по солям» тот же Федоров Георгий Степанович. «Мы поем, как наши деды пели», — любят говорить общинники.

Вообще семья Копытовых, во всяком случае, ее женская половина, вся поющая. Как-то в один из вечеров нам удалось собрать вместе трех сестер — Веру, Марию, Евдокию. По тому, как звучали их голоса, видно было, как искренне переживали сестры содержание стихов, не забывая пояснять и комментировать непонятные, с их точки зрения, для нас места.

Мы сразу обратили внимание на небольшое количество икон в домах токаревых, очень часто их заменял изготовленный из дерева простой 8-конечный крест. «Мы не всем иконам поклоняемся. Нужно быть очень осторожными, ведь иконы могли быть сделаны неверным иконописцем. Покупать иконы нельзя, их только передают. Мы на крест поклоняемся. Если нет креста — на окне нарисуй и молись (так, кстати, и сделал мой гость Иосиф Ермилович. Внимательно изучив мой небольшой домашний иконостас и сделав попутно несколько вежливых замечаний, он нарисовал по всем правилам восьмиконечный крест на листе клетчатой бумаги, прикрепил лист на восточную сторону и молился. — *Прим. автора*). В доме Марии еще при первой нашей встрече мы увидели нарисованную во всю стену икону Казанской Богоматери. Яркие красные и желтые краски картины так и плеснули в глаза. «Это Лена Юрина рисовала», — видя наше удивление, пояснила Маша. — Она у художника училась рисовать. Нарисовала, как виденье ей было. Она потом в монастырь, я слышала, ушла или в Иерусалим паломником. Мы на икону эту не молимся. Святыни рисовать, да еще так ярко, не положено. Такие краски можно увидеть только как благодать. Человек их может увидеть только после Божьего суда. Иконописцы — люди непорочные, краски делают из растений, желтка, а Лена краски покупала в магазине. Наши иконы все темные».

Сегодня в приморской токаревской общине верующие избегают называть руководителя общины настоятелем. «Как простые люди мы не имеем права на наставничество, это раньше наставника избирали». «Наставников нет теперь у нас. Были когда-то грамотные очень наставники. Дедушка Соколов у нас был, Федоров Георгий Степанович, Копытов Харлампий Павлович. Теперь уж нет их. У нас теперь все грамотные, все наставники. Есть, конечно, кого просим крестить... Службы ведут, кто пограмотнее». «У нас так положено: простецы выбирают из круга своих христиан старшего, чтобы он мог немного поддерживать слабых и выполнять необходимые таинства — крещение и покаяние. Кто-то должен быть у руля этой многообразной машины, а то совершенно в сторону отвернет она и разобьется...» — объяснил мне по поводу наставников Ермила Матвеевич.

Помимо знания, а главное, умения объяснить основные догматы своей веры, нам показалось, что обрядово-бытовая сторона не очень волновала токаревых.

Зинаида Лукинична Сандалова с бочкой-купелью для крещения. с. Чугуевка, 2000. Фото Кобко В. В.

«Душевную чистоту нужно, прежде всего, блюсти. Соблюдать обычаи и обряды — это хорошо, но ведь самое главное — догмат веры, знать, как Бога понимать».

В токаревскую общину принимают только после полного перекрещивания, «даже если ты был в этой вере, но не можешь доказать, то все равно совершают полное крещение, а не довершают». Крестить может только благословленный человек». У нас когда крестят, ходят по солнцу и читают отрицание. Крестная должна сама воду натаскать, а после крещения вылить в особое место, где поганы нет, где собаки не гуляют. После крещения в этом сосуде можно хранить только сухое: муку, зерно. «Раньше, когда у нас молиться собирались, разделялись: впереди стояли грамотные, кто умеет читать. Когда наставник был — он впереди стоял. Сейчас все стоят вместе».

Несмотря на малочисленность и вынужденную оторванность от своих единомыслителей и духовных лидеров (общины токаревых живут в Кемеровской области, на наш взгляд, вполне самодостаточна. Частично утратив традиционные обрядово-бытовые особенности, они сумели сохранить желание духовных исканий, что выражается, прежде всего, в интересе к книге. Ермилой Матвеевичем Пермяковым в 90-е годы прошлого теперь уже века написано собственное оригинальное сочинение под названием «Книга Христианская Философия», вполне отразившее миропонимание его самого и единомыслителей.

ДУХОВНЫЕ ОБРЯДЫ СТАРОВЕРОВ

Традиции XVIII века – в век XXI

Любовь КОВАЛЕВА (Комсомольск-на-Амуре)

1 Историко-этнографическая группа русских – старообрядцы – была в числе первых, пришедших на необжитые земли Дальнего Востока. Переживая гонения за свои религиозные воззрения и в эпоху царской власти, и в период коллективизации, и во время сталинских репрессий, осваивая один таежный район за другим, старообрядцы, тем не менее, сохранили свою общность, самобытность, конфессиональные устои и традиции. Однако необходимо отметить, что под влиянием этих политических изменений и социально-экономических процессов произошли перемены в форме собственности, в системе земледелия и иной хозяйственной деятельности, семейно-брачных отношениях, материальной и духовной культуре.

1. Пояс-оберэг с вытканым именем владельца

2. Головной убор просватанной девушки

И все же немало элементов традиционной материально-бытовой и духовной культуры продолжает жить. Немало их связано с конфессиональными установками, степень которых значительно колеблется в разных районах Дальнего Востока. Так, если у старообрядцев Приморья они сохранились только в среде старшего (50–80 лет) поколения, то в Приамурье они характерны для всех возрастных групп. Причем в Приамурье есть поселки, границы которых совпадают с границами общины. Например, в Тавлинке Хабаровского края проживают только староверы, которые имеют даже свою начальную школу, где учительница тоже из староверов. А в Березовом (Хабаров-

ский край), где компактно проживает довольно большая община старообрядцев-беспоповцев, которые, несмотря на тесное соседство с другими жителями поселка, стараются обособиться и сохранить самобытность. Члены общины, а среди них есть представители таких известных староверческих фамилий, как Басаргины, Бортниковы, Гуськовы и др., стараются свести свое общение с окружающими людьми и светской властью до минимума. К примеру, официально брак оформляется гораздо позднее венчания и, как правило, перед рождением первого ребенка. Дети староверов не посещают детские сады, в школах не принимают пищу вместе с одноклассниками. Однако активно поддерживаются связи со своими единоверцами как в России, так и за рубежом (районы Хабаровского края, Еврейская автономная область, Томская область, Красноярский край, Канада, США, Боливия). С ними заключают браки, обмениваются визитами, у них выписывают книги, журналы, предметы культа. Такая широкая география брачных контактов объясняется тем, что в брак запрещено вступать лицам до определенного (восьмого) колена родства не только кровного, но и в том случае, когда речь идет о детях крестных и их потомках.

За выполнением этих правил следит старшее поколение староверов-беспоповцев, они же определяют и правильность соблюдения родильных, свадебных и похоронных обрядов. Именно семейная обрядность и ее регламент в наибольшей степени сохранили до наших дней

КОВАЛЕВА Любовь Васильевна, заведующая научно-исследовательским отделом Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств. В 1999 году окончила Владивостокский университет экономики и сервиса, с 1998 года работает в музее. Изучением истории старообрядчества на Дальнем Востоке занимается с 1999 года, собирая материалы во время ежегодных научных экспедиций в местах локального проживания староверов. Участвует в научно-практических конференциях и семинарах.

традиционные черты. Например, имя ребенку выбирают строго по святым. Девочке можно выбрать имя в пределах восьми дней от даты ее рождения как в одну, так и в другую сторону. Общиной определены несколько человек, которые имеют право проводить крестильный обряд. Крестят сразу по выписке из роддома в моленном доме или дома у родителей в купели с речной водой. Крестными, как правило, выбираются родственники, чтобы не возникло сложностей при вступлении в брак (так называемое родство «по кресту»). Во время крестин родители не присутствуют, т.к. если кто-то из них вмешается в процесс крещения, то родители будут разведены (развод у староверов-беспоповцев возможен и в случае, если один из супругов не может иметь детей). После крещения ребенку одновременно с крестиком надевают пояс, который не снимается в течение всей жизни (оберег).

Свои особенности и у похоронного обряда. Траур староверы-беспоповцы Солнечного района Хабаровского края не носят. Омывают покойника не родственники, а специально выбранные люди, соблюдая половую принадлежность (мужчин — мужчины, женщин — женщины). Покойника кладут в четырехугольный гроб на стружку, которая осталась при его изготовлении, закрывают полностью простыней. Хоронят на третий день, утром. Гроб несут в зависимости от пола и возраста покойного (мужчин — мужчины, мальчиков — мальчики и т.д.). На поминках не пьют, родственники не пьют 40 дней, а вещи покойного стараются раздать как милостыню. На поминки не пекут традиционные для нас блины, а готовят кутью, густой кисель, квас, пироги, лапшу, шанежки, мед. Молебны служат на 9-й, 40-й день и один год.

Для старообрядцев-беспоповцев традиционны ежедневные домашние моления. Есть субботние, воскресные и праздничные моления с песнопениями, совершаемые в специально выстроенных моленных домах.

Определенные традиции бытуют и в материальной культуре. Внешний облик старовера подчеркивает его обособленность от других жителей населенного пункта. Мужчины староверы непременно носят бороду и усы, замужние женщины — многослойный головной убор — шашмуру и платье особого покроя — «талечку», а в моленный дом идут только в сарафанах. Непременная часть костюма — пояс, тканый или плетеный. В праздничные дни мужчины носят шелковые рубашки навывпуск с центральной передней застежкой (не до низа) и вышивкой по воротнику-стойке, застежке. Детская одежда в праздники — уменьшенная копия взрослой, а в будни — ничем не отличается от детей староверов.

Основу питания традиционно составляют изделия из зерновых; широко используются продукты, добываемые в тайге и водоемах: рыба, красная икра, таежные дикоросы (черемша, папоротник и т.д.), ягоды, мясо диких животных, а также выращенные на приусадебных участках овощи. Староверы строго соб-

1

людают посты в течение года и в определенные дни недели (среда, пятница). В дни свадеб, похорон, поминок характерна определенная ритуальная пища. Также староверы не будут принимать пищу, приготовленную не староверами (это не касается продуктов, изготовленных в заводских условиях), а в своем доме у каждого из них есть посуда для гостей не староверов, из которой сами хозяева никогда не едят. Все сосуды с водой обязательно должны быть накрыты крышкой, чтобы в воду не вселилась нечистая сила. Несмотря на холодильники используют традиционный ледник.

Сохранились и отдельные черты общинного уклада. Это помощь в крупных хозяйственных работах за угощение хозяина и помощь одиноким и престарелым как материально, так и в хозяйственной деятельности (вспашка огорода, заготовка сена, дров и т.д.).

Однако важно отметить (и об этом говорят сами староверы), что в настоящее время смягчаются требования, нет такой «строгости в вере», и, тем не менее, старообрядцы не очень охотно идут на контакт, о многом умалчивают и не навязывают никому «своей веры». Они сохраняют свои религиозные устои (распорядок молений, соблюдение поста, запреты на работу в праздники), традиции в быту и costume, имеют большие дружные семьи, лояльны по отношению к властям и вызывают большой интерес у этнографов.

1. Ефим Кондратьевич и Федосья Епифановна Басаргины. п. Березовый, Хабаровский край. 1960-е

2. Ефим Кондратьевич Басаргин. п. Березовый, Хабаровский край. 2000

2

1

1. Свадьба Домны – дочери Ефима и Федосьи Басаргиных. п. Березовый, Хабаровский край. 1970-е

Свадебная обрядность староверов-беспоповцев

По материалам экспедиций в поселки Березовый, Тавлинка и Дуки Хабаровского края

Традиционный свадебный обряд староверов состоит из тех же этапов, что любая восточнославянская свадьба. Это сватовство, пропой, девичник (девишник), собственно свадьба, посещение родственников после свадьбы. Однако у каждого из этих этапов, безусловно, есть свои особенности.

Итак, сватовство. Кроме жениха и его родителей могут присутствовать родственники и знакомые как со стороны невесты, так и со стороны жениха. В настоящее время молодые люди, как правило, договариваются между собой заранее, хотя иногда могут совсем мало знать друг друга. Ведь помимо запрета на брак между родственниками до восьмого колена родства существует и запрет на брак для «родственников по кресту». Например, сын крестной и ее крестница не могут жениться. Поэтому география брачных контактов

2. Женщины п. Березовый в гостях у единоверцев на Аляске. 1990-е

2

староверов-беспоповцев Солнечного района довольно широка. Этот и другие районы Хабаровского края, Амурская область, ЕАО, Красноярский край, а также США, Канада и др. В каждой старообрядческой общине есть люди, которые проверяют степень родства брачующихся. Если же заключен брак, нарушающий данный запрет (даже по незнанию), то он непременно должен быть расторгнут. Известны случаи, когда такие семьи «отходили от веры», чтобы сохранить свою семью.

Следующий этап – пропой. Во время пропой, который организуют родственники невесты, происходит так называемый обряд «трех поклонов». После моления жених и сваты троекратно кланяются родителям невесты и невесту спрашивают о ее согласии на брак. Если девушка дает свое согласие, то родители жениха и невесты становятся сватами. Считается, если после «трех поклонов» девушка откажет молодому человеку, то не будет ей счастья в жизни. Также после «трех поклонов» невеста и жених не посещают друг без друга компании молодых людей.

Далее следует девичник. Нужно отметить, что у староверов на это действие собираются не только девушки, но и парни, а иногда и недавно женившиеся молодые супруги. Его проводят часто не за один раз (в зависимости от состоятельности семьи), а от двух до семи дней. Центральное событие девичника – надевание на невесту головного убора просватанной девушки – кросаты. Это головной убор, состоящий из венка и прикрепленных к нему лент, цветов, бусин. Его девушка носит до бракосочетания. После «брачания» молодой жене надевают шашмуру – головной убор замужней женщины (об этом чуть позже). На девичнике угощаются конфетами, орехами, семечками, поют «девичьи» песни, играют в ролевые игры. Например, девушки исполняют такую припевку:

Алексей Иванович!
Поздравляем Вас честной песенкой,
Нас золотой гривенкой!
Вам Марию Петровну целовать,
Нас не забывать,
На тарелочку денежку бросать.

Парень, к которому обращались, целовал сначала названную девушку, а потом всех остальных, кроме невесты, и бросал деньги на блюдо. Если парень не хотел бросать денежку или бросал мало, ему пели такую припевку:

Нам сказали, добрый молодец не слышит,
Посадите добра молодца повыше!

Другие парни подбрасывают его вверх и «вытряхивают» из него деньги. На собранные таким образом средства покупают свадебные подарки молодым. После девичника вся компания провожает жениха домой, невеста с женихом идут впереди, девушки поют жениху соответствующую этому случаю песню.

Свадьбу чаще всего назначают на воскресенье, а если на воскресенье приходится праздник — переносят на понедельник. Не играют свадьбу во вторник и четверг (кроме сплошной недели перед Великим постом, когда она может состояться в любой день). Перед свадьбой, как правило, в субботу — «веник». Молодежь идет к жениху за веником (помыть невесту), а также выкупают у жениха мыло, расческу, духи и т.д. Девушки идут к невесте, с песнями моют ее в бане и расходятся лишь ранним воскресным утром около 3–4 часов. К этому времени одевают невесту, сверху на нее накидывают платок. Замуж девушка из семьи староверов выходит обязательно в сарафане (одежда, в которой женщины ходят в моленный дом). В настоящее время жениху и невесте свадебную одежду шьют из одинаковой ткани (рубашку, сарафан, платок). Это веяние современной моды, но покрой рубашки и сарафана остается неизменным на протяжении многих веков. Жених приходит выкупать невесту у тех, кто преграждает ему путь. С женихом — свидетель и свидетельница (обязательно состоящие в браке, но не между собой). Выкупают невесту брагой, конфетами, деньгами и т.д. Брат невесты продает ее косу (если жених не выкупит, то отрежут). У жениха и невесты спрашивают, как зовут их новых родственников и т.д. В доме с невестой еще одна замужняя свидетельница, все отправляются в моленный дом «брачить» (слово «венчать» не употребляется). В моленном доме у молодых еще раз спрашивают об их желании вступить в брак, поскольку развод у староверов допускается крайне редко. После этого обряда молодой жене надевают «чин» — шашмуру (сложносоставной головной убор замужней женщины), заплетая перед этим две косы. Без этого головного убора замужняя женщина ни перед кем не показывается (кроме мужа) — это грех. Нужно сказать, что обычай носить специальный головной убор замужней женщины характерен для всех восточных славян:

Меня маменька ругала,
На две косы не плети.
Выйдешь замуж —
Не увидишь своей девичьей красоты.

Шашмура состоит из трех элементов: маленького платочка, который фиксирует волосы, специального твердого ободка и верхнего платка, который подбирается в цвет остальной одежды.

Далее следует обед в моленном доме, после которого родственники невесты продают ее вещи, а жених их выкупает. После этого жених с невестой идут приглашать гостей к себе на свадебный пир. К двум часам гости собираются в доме у жениха. Родители встречают молодых хлебом-солью. Молодые встают перед иконами, их поздравляют сначала родители, затем все остальные. Интересно, что подарки жених и невеста не берут в свои руки, их принимает свидетель, чтобы отвести от молодых возможную негативную энергию. И еще, во время свадьбы свидетели молодых носят в своих руках цепочку, связанную из платочков,

1

2

и везде ходят вместе: все это играет роль своеобразного оберега для молодой семьи. На второй день молодые ходят уже без свидетелей, связанные только между собой. Я не упоминаю о регистрации брака в ЗАГСе, так как староверы не придают этому большого значения. Часто они регистрируют свой брак только перед рождением первого ребенка. На свадьбе поют песни, слушают музыку, но не танцуют. Молодожены за свадебным столом долго не засиживаются, свидетели уводят их спать, а гости продолжают гулять. Утром свидетели будят молодых, и они опять приглашают гостей «на похмелье». В этот день меняют свидетелей, продают подарки, наряжаются, веселятся от души. Молодая жена должна обязательно подарить родственникам мужа (родителям, сестрам, братьям) подарки. Это может быть рубашка, платок, поясик и т.д. В том случае, если у жениха нет своего дома, молодые поселяются у его родителей. Для староверов вообще характерны большие семьи, в которых живут несколько поколений родственников. Но при первой же возможности молодые стараются построить собственный дом. Это и

1. Головной убор невесты

2. Головной убор замужней женщины

3. Гуляют свадьбу. В центре — Ефим Кондратьевич Басаргин. п. Березовый, Хабаровский край. 1990-е

3

Свадьба.
п. Березовый,
Хабаровский край.
1990-е

понятно, ведь у староверов многодетные семьи. Рожают столько детей, «сколько Бог дает».

Завершает свадебный цикл взаимное посещение родственников. А молодоженам еще целый год все члены общины оказывают дополнительное внимание.

Конечно, свадебная обрядность подвержена влиянию времени больше, чем, например, погребальная. Но все-таки основные элементы обряда продолжают стойко бытовать, что позволяет говорить о сохранении традиций, известных еще с XVIII века.

Родильные обряды староверов

По материалам экспедиций в поселки Березовый, Тавлинка и Дуки Хабаровского края

Рождение ребенка во все времена было важнейшим событием для семьи и главным предназначением женщины. Отношение к бесплодию всегда отрицательное. Именно бесплодие было той единственной причиной, по которой допускался развод. Причем неважно, кто был виновником — муж или жена. Они могли снова вступить в брак, и в таких семьях, бывало, рождались дети. И все же именно женщину чаще всего обвиняли в бесплодии и, конечно, принимали все возможные меры против него. Это и молитвы, и траволечение во всех видах (натиранья, настойки, отвары). Если перечисленные средства не помогают, то в настоящее время допускается вмешательство медицины, вплоть до искусственного оплодотворения, но с позволения общины и через молебен.

К искусственному прерыванию беременности отношение всегда было негативным, это и по сей день запрещено. И, тем не менее, подобные случаи бывали. За такой грех женщина должна «нести правило» в течение семи лет.

В случае выкидыша (в нем тоже обвиняют всегда женщину) также нужно «нести правило» (какое — не оговаривается, каждой — свое).

Пол ребенка для староверов не был очень важен. Ведь любого ребенка «Бог дал», поэтому каких-то способов воздействия на пол ребенка не существовало, а в приметы староверы не верят. По словам М. Бортниковой из поселка Березовый, когда молодых брачат, им говорят: «Не будь суеверным».

Для семей старообрядцев характерно бережное отношение к беременной женщине, но, тем не менее, если в семье нет старших детей, то всю домашнюю повседневную работу женщина делает сама по самочувствию. Хотя нужно было остерегаться тяжелых работ, не напрягаться, беречь будущего ребенка. Не работают беременные женщины в праздники (впрочем, это касается всех староверов), и в течение 40 дней после родов им ничего нельзя делать. Каких-либо запретов в поведении, в работе, в еде для беременной женщины не существовало. Есть лишь послабления в соблюдении поста. Например, в дни, когда запрещено даже растительное масло, беременная могла его употреблять в пищу.

Несмотря на то что к беременной было бережное отношение, вообще к женщине отношение неоднозначное. Женщина у староверов считается «нечистой» с рождения. Об этом говорит, например, такой факт (по информации М. Бортниковой, п. Березовый). Если, допустим, в колодец упала мышь, то колодец «справляют» (т.е. выливают из него 40 ведер воды) и читают специальную молитву. Если в колодец упадет девочка, то его закапывают или заколачивают и никогда им больше не пользуются. Или еще: если за праздничным столом закапризничал младенец и его нужно передать через стол, то так поступить можно только с мальчиком, девочку же через стол ни в коем случае не передают — только вокруг.

Перед родами женщина обычно исповедуется, как правило, своему духовному отцу.

В настоящее время роды в основном происходят в больнице, но иногда и дома, и в бане. Для облегчения родов существуют специальные молитвы Богородице, Великомученице Екатерине. После родов настоятель вычитывает молитву, потом заходят все остальные. Если зашли до того, как прочитали молитву, — несут правило.

Услугами повитухи в наше время практически не пользуются (в Березовом была повитуха, но уехала), чаще рожают в роддоме, но иногда в роли повитухи выступает свекровь. Деньги повитухе платить не принято. Как правило, она получает в подарок платок, полотенце и т.д. Повитухе также вычитывается специальная молитва, она несет небольшое правило.

После родов роженица могла находиться несколько дней в постели в зависимости от состояния и наличия помощников по дому, а иногда и больше (в это время она слабая, и говорят, что «ходит по краю могилы»). В течение 40 дней после родов женщина не посе-

щает моленный дом, не принимает пищу вместе со всеми (у староверов нет у каждого своей тарелки, все едят из общей), имеет отдельную посуду, т.к. ее организм ослаблен и подвержен многим инфекциям. Для укрепления здоровья женщине давали отвары различных трав, самодельное вино (немного, для улучшения лактации).

Окрестить ребенка староверы-беспоповцы Солнечного района стараются в течение восьми дней после появления на свет. Если ребенок слабый и есть опасения, что он может умереть, то крестят даже в родильном доме. Так как крещение — это своеобразный оберег, дающий надежду на благополучный исход. Но если ребенок умирает не крещеным, то его не отпевают в моленном доме, не ставят креста на могиле и далее не поминают в молитвах, т.к. у него нет имени.

Имена староверы выбирают детям только по святым, причем имя для мальчика — в пределах восьми дней после даты рождения, а имя для девочки — в пределах восьми дней до и восьми дней после появления на свет (говорят, что девочка — «попрыгунья»). Необходимо также отметить, что далее, в течение всей жизни, празднуется только день именин (день ангела), а не день рождения, причем день рождения и день именин чаще всего не совпадают. Считается, что после крещения у ребенка появляется ангел-хранитель. В семьях староверов встречаются дети с одинаковыми именами, причем это никак не возбраняется (в поселке Тавлинка в настоящее время есть семья, в которой два сына имеют одно имя).

Крестят, как правило, в моленном доме, редко — дома, утром в 7–9 часов. Воду для крещения носит отец, старшие дети, родственники из речки (вода обязательно должна быть проточная, воду не подогревают). В одной воде несколько детей не крестят (даже близнецов). Простынь, скатерть, на которых стоит купель, тоже предварительно полощут на речке. Крестному и тому, кто крестит, дарят полотенца. После крещения вода из купели выливается так, чтобы по этому месту «не топтались» (это может быть заброшенный колодец, ледник).

После того, как ребенка окрестили, на него надевают крестик, поясок и крестильную рубашку. Крестильная рубашка — белая, одинаковая для девочек и мальчиков. Три дня после крещения рубашку с ребенка не снимают и ребенка не купают. Во время крещения ребенка его родителям присутствовать нельзя, так как, если кто-либо из родителей подойдет к ребенку в этот момент, то родителей разведут.

В беспоповской старообрядческой общине есть несколько человек, которые имеют право крестить ребенка. Как правило, это пожилые всеми уважаемые люди, довольно крепкие физически (чтобы удерживать ребенка во время крещения). Пол крестного не всегда совпадает с полом ребенка. В крестные староверы стараются выбрать близких родственников, чтобы потом, при выборе жениха или невесты для

ребенка, не столкнуться с проблемой «родства по кресту». А так как выбор брачного партнера в силу объективных причин довольно сложен, дополнительных затруднений стараются избежать.

Сразу после крестин устраивается крестильный обед. Всем обедом распоряжается хозяин дома. После обеда молятся за здоровье младенца и матери.

Восприемники и крестники поддерживают близкие отношения в течение всей жизни, т.к. считается, что крестные отвечают за своего крестника перед Богом и общиной, а в случае смерти родителей — заменяют их.

В целом родильные и крестильные обряды староверов Солнечного района Хабаровского края бытуют длительное время, практически не претерпевая кардинальных перемен. В то же время следует отметить, что некоторые «ослабления в вере», характерные для всех сфер жизни старообрядцев, заметны и в этой области (искусственное оплодотворение при невозможности родить ребенка, крещение в родильном доме и т.д.).

Дети староверов.
п. Тавлинка,
Хабаровский край.
1960-е

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ...

Из истории старообрядческой церкви Белокриницкого согласия в Хабаровске и его окрестностях

Иван ШЕВНИН, историк
Фото из архива автора

ШЕВНИН Иван Леонидович. Окончил исторический факультет ХГПУ в 1986 году. Исследование истории старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии в Хабаровске и окрестностях начал в 1990-х годах с поисков ответа на вопрос о существовании старообрядческого храма в городе. Участник международных научно-практических конференций по истории старообрядчества.

Старообрядцы внесли значительный вклад в освоение дальневосточных территорий России. В Приамурье старообрядцы Белокриницкого согласия появились в числе первопоселенцев в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. В Хабаровске число последователей Белокриницкой иерархии постепенно увеличивается к концу XIX – началу XX веков. Если в апреле 1884 года по официальным источникам старообрядцев было 24 человека, то уже к 1914 году – 149.

В сентябре 1892 года в Хабаровку прибыло 16 семей старообрядцев — крестьян из Саратовской губернии, которые стали селиться в местности Красная Речка на берегу реки Усури, в деревне Николо-Александровка. Здесь в начале XX века открылся второй на Дальнем Востоке приход с постоянным священником. На берегу реки Усури построен старообрядческий храм, настоятелями в котором были священноиерей Иоанн Мартемьянович Емельянов и протоиерей Артемий Евстафиевич Соловьев. В марте 1903 года была предпринята попытка ходатайствовать о разрешении построить молитвенный дом в самом городе. Городской полицмейстер на прошение ответил, что, по его мнению, устройство часовни в городе Хабаровске для отнесения обрядов Богослужения является преждевременным. По его данным, в городе тогда проживало 67 старообрядцев обоего пола.

После принятия вероисповедных актов в 1905 – 1906 годах в Приамурский край в 1909 году переселилось 2 тысячи румынских и австрийских старообрядцев. В 1909 – 1912 годах старообрядцы из румынского города Тульча обосновались близ Хабаровска, на амурской протоке Талга, далее — в деревнях Марковка и Покровка. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал, что люди эти хозяйственные, материально обеспеченные, разумно принялись за работу по устройству своего быта на новой родине. Примечательно то, что потомки переселенцев именно из этих поселений составляют ядро современного Покровского старообрядческого прихода Хабаровска и окрестностей сейчас, в начале XXI века.

В 1911 году с созданием Иркутской и Амурской епархии и избранием о. Иосифа (И.И. Антипина) епископом в Хабаровске, вероятно, открывается молитвенный дом Введения Пресвятыя Богородицы. В 1913 году хабаровские старообрядцы вели метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся, умерших на основании 42-й статьи о ведении книг Гражданского состояния старообрядцев. После падения самодержавия, в апреле 1917 года организована Свято-Троицкая община старообрядцев Белокриницкой иерархии Хабаровска и его окрестностей. Церковным старостой в хабаровской общине был Тимофей Морозов. В мае 1917 года община отправила делегатов на съезд старообрядцев в Москву. Тогда же городские власти отклонили ходатайство общины о строительстве церкви и школы на углу Театральной и Муравьева-Амурского улиц, против реального училища. Но спустя два года, 30 ноября 1919-го, освящение старообрядческого храма во имя Успения Пресвятыя Богородицы по улице Барабашевской, 60 все-таки состоялось. В храме проходили богослужения, бракосочетания, крещения. В метрических книгах Градо-

1. На Амурском утесе митрополит Московский и всея Руси Андриан и епископ Новосибирский и всея Сибири Силюян. Хабаровск. 2004

2. Прихожане православного старообрядческого храма Во Имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Хабаровск

Хабаровского старообрядческого Успенского прихода 1919–1922 годов упоминается 145 фамилий, имен, отчеств прихожан. В те годы старообрядцы проживали в самом Хабаровске, в селе Князе-Волконское, деревнях Красная Речка, Марковка, Нижний Катар, Смирновка, Федоровка. По воспоминаниям, в 20–30-х годах на церковные службы приезжали старообрядцы из деревень Марковка, Покровка, Красная Речка, Смирновка, Владимировка, Осиновая Речка, а также Матвеевка и Князе-Волконское. В храме Успенского прихода службу вели протоиерей Иоанн Шадрин и священники Григорий Борисов, Петр Изотов, которые возглавляли приходы в деревнях Покровка и Красная Речка. В начале 30-х годов в деревне Марковка построен храм и создан приход. Священником стал Викул Григорьевич Борисов.

В начале 20-х годов владыка Иосиф обосновался в Харбине, и во второй половине 20-х — начале 30-х годов религиозную жизнь дальневосточных старообрядцев пытался возглавить епископ Томский и Алтайский Тихон. Он посещал приходы епархии, совершал службы. В 30-е годы епископом Иркутско-Амурским становится преосвященнейший Афанасий (Федотов), чья кафедра располагалась в Тарбагатайском районе Бурятии.

Во время политических и религиозных репрессий 30-х годов в Хабаровске и его окрестностях священников и их семьи арестовывали, храмы разрушают, деятельность приходов постепенно прекращается. Священники Петр Изотов, Викул Борисов расстреляны в Хабаровске. В 1938 году казнен епископ Тихон и расстрелян епископ Афанасий. Религиозная жизнь становится скрытой от посторонних глаз.

После урегулирования государственно-церковных отношений в 1943–1944 годах предпринимаются попытки легализации. В 1947-м старообрядцы Хабаровска обращаются к уполномоченному по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю с просьбой «выписать священника из Сибири», чтобы затем ходатайствовать об открытии молитвенного дома. В 1949–1951 годах старообрядцы пытаются вновь зарегистрировать общину в Хабаровске. Помогать в организации старообрядческой церкви Московской старообрядческой епархии было поручено священнику из Владивостока Тимофею Викуловичу Николаеву. Однако в регистрации было отказано.

В течение 1950–1985 годов старообрядцы Хабаровска и его окрестностей тайно собирались на богослужения по церковным праздникам в различных частных домах и квартирах, в том числе у Евдокима Трофимовича Титова, Анны Афанасьевны Седышевой, Прасковьи Филатовны Наседкиной. Официальным властям ничего не было известно о существовании общины старообрядцев Белокриницкой иерархии в Хабаровске, что позволяло верующим мирянам беспрепятственно исповедовать веру своих отцов и молиться по книгам дедов и так, как подсказывала совесть.

И вновь, спустя десятилетия, в 1988 году, старообрядцы Белокриницкого согласия были официально зарегистрированы краевы-

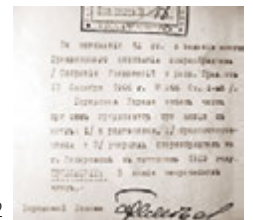

ми властями, что дало возможность беспрепятственно посещать Хабаровскую общину священнику. В октябре 1992 года учреждена Восточно-Сибирская епархия Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) с центром в городе Новосибирске во главе с епископом Силуаном. 1 октября 1995 года освящен старообрядческий храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы в городе Хабаровске, построенный по проекту архитектора А.Л. Шевнина, расположенный по улице Ильича, 28. В строительстве храма помог денежными средствами и принял непосредственное участие протоиерей Кондратий Фефелов вместе с матушкой Ириной, которые живут на Аляске. На Покровский приход рукоположен священноиерей Аркадий Кутузов, взявший под окормление Хабаровский край и Амурскую область.

С 1998 года из Восточно-Сибирской епархии выделяется Дальневосточная епархия РПСЦ с центром в городе Усурийске. В феврале-марте 2000 года прихожане организовали цикл лекций в Дальневосточной государственной научной библиотеке на тему «Старообрядчество: традиции и история». В мае того же года Хабаровский приход отправил делегата от Дальневосточной епархии в Москву на первый всероссийский съезд мирян-старообрядцев.

11–14 сентября 2004 года Хабаровск посещает высокопреосвященнейший Митрополит Московский и всея Руси Андриан. В ходе этого визита проходят Епархиальное совещание, встречи с официальными лицами Дальневосточного федерального округа, Хабаровского края и хабаровской общественностью.

В декабре 2004 года в Хабаровск прибыл на служение священноиерей Александр Чукаленко. Сейчас приход окормляется епископом Новосибирским и всея Сибири Силуаном (Килиным).

1. Митрополит Андриан ходит в Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева.

4-я международная научно-практическая конференция по старообрядчеству Сибири и Дальнего Востока. Владивосток. 2004

2. Страница документа Хабаровкой городской управы о метрических книгах старообрядцев. 1913

3. Старообрядческое село Марковка. 1930-е

Тамара
КАЛИБЕРОВА
(Владивосток)

«Девушка в кокошнике» жила в городе у моря

Известная картина «Девушка в кокошнике» кисти Константина Маковского, проданная несколько лет назад на аукционе Сотбис в Лондоне за пять тысяч фунтов, имеет, как выяснилось, некоторое отношение к Владивостоку. Мария Балашова, удивительная красавица, с которой писался портрет «Девушка в кокошнике», на исходе прошлого века приехала с семьей – родителями, двумя сестрами и братом – на далекую восточную окраину России.

История одной любви

В семейном альбоме Юлии Макаровой, жительницы Владивостока в третьем поколении, хранится снимок Георгия Демидовича Балашова, отца красавицы Марии. На нем статный мужчина в полный рост с окладистой бородой, открытым волевым лицом, в наброшенной на плечи бекеше. Он сфотографировался в январе 1903 года у японского фотографа Наито на Китайской улице.

Предания гласят, что в Петербурге Георгий Демидович служил домоуправителем в одном знатном семействе.

Неподалеку проживал художник-передвижник Константин Маковский. Однажды он случайно увидел 17-летнюю Марию и загорелся желанием писать с нее портрет. За разрешением мастер приходил к родителям, и те после некоторых колебаний дали согласие. Так Мария Балашова стала «Девушкой в кокошнике».

— Даже по прошествии многих лет лицо ее хранило следы дивной красоты, — вспоминает Юлия Макарова. — Удивительно тонкие и правильные черты, нежный овал лица. Я ее помню с рождения. Моя мама, Валентина, была родной сестрой тети Мани, как мы ее звали. Она нянчилась со мной. Своих детей у нее не было. Увы, красота не

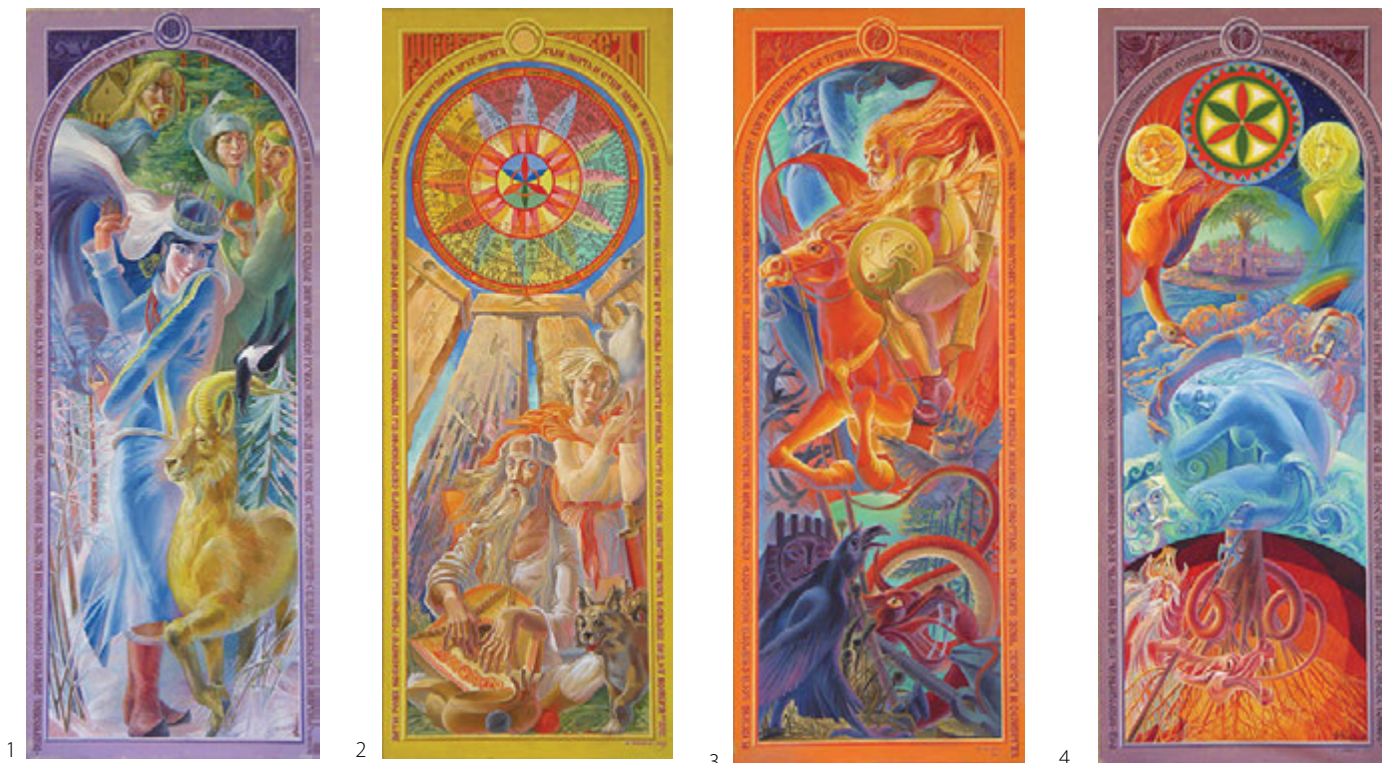
уберегла Марию от жизненных невзгод, которые она всегда переносила с необычайным достоинством. Мария вышла замуж во Владивостоке за генерала Петра Артемьева. Несмотря на то что муж был намного старше ее, они жили в большой любви. Храбрый генерал обожал свою молодую жену и всячески ее баловал, возил по заграницам: в Париж, в Швейцарию. Во время Русско-японской войны, в которой он принимал участие с первого дня, П. Артемьев попал в плен, но ему чудом удалось бежать. Позже генерала перевели служить в одну из западных областей России. Первая мировая война застигла его с женой в Германии, когда они возвращались с курорта Баден-Баден. Артемьевы были взяты под стражу. И здесь судьба опять благоволила к генералу, на этот раз благодаря Марии: охранник, сраженный ее красотой, помог им устроить побег.

В 1916 году Петр Артемьев скончался. После революции Марию как жену царского генерала сослали в Тверскую губернию. Оттуда она пешком отправилась к дедушке Калинину «правду искать». И, говорят, попала-таки на прием. «Я же не виновата, что меня Петенька полюбил, — по-женски наивно заявила она при встрече. — За что же меня теперь преследуют?»

Сейчас трудно сказать, что больше произвело впечатление на всероссийского старосту — бесхитрость Марии или ее красота, но он разрешил ей вернуться во Владивосток, где была вся ее семья.

Замуж Мария больше так и не вышла, хотя поклонников у нее было множество — офицеры добивались с Русского острова, чтобы только взглянуть на нее. Она жила вместе с нами в небольшом деревянном домике-дачке на ст. Океанская, занималась шитьем, которое очень ценили владивостокские дамы, и до конца дней оставалась стройной, изящной, маленькой женщиной. Мария была похоронена неподалеку, на старом кладбище на ул. Клевера.

А ее родители нашли свой последний приют на Эгершельдском погосте. К слову сказать, Георгий Демидович Балашов был одним из подрядчиков при строительстве Уссурийской железной дороги.

«Русское диво» Виктора Пичуева

Елена ГЛЕБОВА

Виктора Пичуева друзья называют сказочником, и абсолютно справедливо. В течение семи лет художник работает над большим циклом декоративных работ, объединенных общим названием «Русские Веды». Сегодня это уже 18 живописных холстов-сказок, где обитают герои седой древности — бог-кузнец Сварог, владеющий светом, огнем и эфиром, его сын Дажьбог, отвечающий за плодородие, солнечный свет и живительные силы, Хорс — бог солнечного диска, Марена (Морена) — одновременно богиня плодородия и жатвы, а также зимы и смерти, Купала — бог влаги и росы. А если кто-то скажет, что для многих из нас славянские божества уже закрытая книга, Виктор Пичуев возразит. С детства мы их прекрасно знаем из русских сказок, правда, под другими именами. К примеру, Волк Змеевич не кто иной, как Финист Ясный Сокол, громовержец Перун — прообраз Ильи Муромца, а холодная и прекрасная Марена — Снегурочка. Между прочим, Кощей, считавшийся когда-то у славян земледельческим богом, а затем — царем мертвых, заточает в свое царство не кого-нибудь, а Марию Моревну.

Сказки, любимый литературный жанр Виктора Пичуева, всегда трогали его своей глубиной и добротой, искренними понятиями красоты и любви. Для этого художника, чьи корни, с одной стороны, идут из Воронежской области, с другой — из Забайкалья, сказки, прежде всего, философия народа, которая формировалась на протяжении тысячелетий и, сливаясь с потоком жизни, передавалась из уст в уста. Здесь все: традиции и обряды, представления наших далеких предков о мире и чело-

веке, о воспитании и морали. К слову, у Виктора Пичуева есть циклы работ «Русские песни» и «Гадания» — тоже достаточно забытые страницы народной истории.

Декоративные росписи Виктора Пичуева, а именно так он называет свои работы, живописны по цвету и при этом графичны, в них явно прослеживается тяготение художника к линии. Это не случайно, потому что десять лет он работал в Хабаровском книжном издательстве, оформлял книги. Но главное, эти работы этнографически точны. Вот почему «Русские Веды», с одной стороны, ощущение детства, а с другой — серьезная исследовательская работа автора, который воплощает в конкретном сюжете элементы обрядовой культуры, орнаментальную символику и философию древних славян. Даже формат полотен, вертикально удлинённый, несет важную информационную нагрузку и напоминает фигуру человека.

Интересно, что этот проект, абсолютно не коммерческий, Виктор Пичуев начинал делать когда-то для своих детей, но так получилось, что открыл Древнюю Русь для многих. Не случайно в 2002 году его персональная выставка «Русское диво» с успехом прошла во Владивостоке, а затем и в Находке. Хабаровский зритель, к сожалению, смог увидеть лишь фрагменты «Русских Вед» на различных выставках. К примеру, в начале 2005 года в Арт-подвальнике Хабаровского краевого фонда культуры, где экспонировались работы преподавателей и выпускников декоративно-прикладного отделения Хабаровского государственного колледжа искусств.

Далекая Русь у Виктора Пичуева светлая и радостная. Он сознательно не стремится изображать зло и страдания. Считая себя во многом идеалистом, художник говорит: «Посмотрите, как красива земля с ее сказочностью и реальностью, как интересна наша история». И зритель смотрит, а точнее, «читает» сказки на красочных холстах.

*ПИЧУЕВ Виктор Юрьевич.
Окончил архитектурный факультет
Хабаровского государственного техни-
ческого университета. Преподаватель
декоративно-прикладного отделения
Хабаровского государственного колледжа
искусств.*

1. «Свадьба Марены и Дажьбога». Х., м.
2. «Славянский календарь». Х., м.
3. «День Сварога и Огнебога». Х., м.
4. «Солнцестояние. Устройство мира». Х., м.

Вдохновленные искусством

Татьяна ЛАВРОВА, библиотекарь

В редком фонде библиотеки Дальневосточного художественного музея более 130 книг, изданных в начале XX века в дореволюционной России (до 1917 г.). К этому следует прибавить номера журналов «Аполлон», «Золотое руно», «Мир искусства», «Старые годы». Вместе с авторами редких книг приглашаем вернуться на столетие назад в художественную и культурную жизнь России.

Юбилей

В 2005 году исполняется 110 лет со времени основания в Санкт-Петербурге Русского музея (1895), 160 лет со дня рождения императора Александра III (1845–1894), 135 со дня рождения русского художника, искусствоведа А. Бенуа (1870–1960).

13 (25) апреля 1895 года был издан Именной Высочайший указ Николая II «Об учреждении особого установления под названием «Русский музей императора Александра III» и «о предоставлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом». Основными источниками поступления первоначального собрания стали Эрмитаж и Зимний дворец, Музей Академии художеств, коллекция князя А.Б.Лобанова-Ростовского, княгини М.К. Тенишевой, личная коллекция Александра III из Царскосельского Александровского дворца.

7(19) марта 1898 года музей впервые открыл свои двери перед посетителями. Так началась история одного из лучших в стране собрания отечественного искусства.

Первым руководителем по Русскому музею (сост. А.В. Поголовцев М., 1900) и первым каталогом картин музея (Н.Н. Врангель. В 2 т. СПб., 1904) мы не располагаем. Но есть другие издания 1904 и 1913-х гг.: «Картинная галерея Русского музея императора Александра III. Биографии художников с их портретами и описание картин» (С.-Петербург, Изд. В.С. Туманина, 1904); «Альбом избранных картин Музея императора Александра III» (Большой формат). В этом альбоме можно увидеть цветной портрет кучера Ивана Любушкина, «написанный собственноручно государынею Императрицей Марией Федоровной» (1847–1928; жена Александра III). В очерке журналиста, историка театра и музыкального крити-

ка Э.А. Старка «Русский музей императора Александра III. Наши художественные сокровища» (СПб., Изд. П.П. Сойкина, 1913) даны сведения о мастерах живописи и скульптуры XVIII – XIX вв. (по залам). Каталог-путеводитель «Русский Музей императора Александра III» (С.-Петербург, 1913) издан по распоряжению Августейшего Управляющего Русского музея великого князя Г.М. Романова (1863–1919), возглавлявшего музей с 1895 по 1917 г. Он содержит «Правила для посетителей Музея», «Список лиц, сделавших пожертвования Музею», «Список учреждений, из которых поступили в Музей художественные произведения»; сведения о том, где находятся произведения искусства по залам, и др. Небольшие справки о музеях, в том числе о Русском музее, даны в книге «Замечательные исторические сооружения. Храмы, дворцы, памятники в Москве, С.-Петербурге, Новгороде, Киеве, Костроме, Смоленске и других городах» (С.-Петербург, Типография И.В. Леонтьева, 1913.). Определен читательский адрес: «... может служить пособием при прохождении курса русской истории в средних учебных заведениях и городских училищах, равно для учащихся-экскурсантов».

А.Н. Бенуа оставил свидетельства о подготовке Русского музея к открытию в 1898 г. (см. «Мои воспоминания». Кн. 4, 5. М., 1990); был членом совета музея и написал монографию о Русском музее (М., 1906); был консультантом и хранителем коллекции княгини М.К. Тенишевой. Часть его художественного наследия, книжное собрание и главный архив, который Бенуа собирал всю свою жизнь, хранятся в Русском музее.

В редком фонде библиотеки Дальневосточного художественного музея представлены следующие дореволюционные крупные искусствоведческие исследования А. Бенуа по вопросам русской и западноевропейской культуры:

«История русской живописи в XIX веке». Издана в 1901–1902-х гг. В библиотеке имеется вып. 2 (СПб., Знание, 1902). Это первый опыт автора в осмыслении истории русского искусства. Книга переиздана в 1995 г.

«Русская школа живописи». Вып. 1 (СПб., Изд. Т-ва Голике Р. и Вильборга А., 1904). Всего в 1904–1906 гг. было 10 выпусков большого формата. Автор исследует пути развития русской живописи Петровского времени и историю отечественного искусства доводит до 1906 г. Переиздание сделано в 1997 г. Об истории написания вышеназванных книг см. А. Бенуа «Мои воспоминания» (в пяти книгах. Кн. 1–3, 4, 5. М., 1993).

«История живописи всех времен и народов» (тт. 1–5. СПб., «Шиповник», 1912–1917, не было завершено). Это самая значительная работа А.Н. Бенуа по истории мирового искусства. Впервые книга переиздана в 2002 г.: дан полный текст, переведенный на современный алфавит и орфографию, ставший доступным читателю XXI века.

Интерес к творчеству, литературному и эпистолярному наследию А. Н. Бенуа не ослабевает. Вышли из печати каталог выставки «А.Н. Бенуа и Эрмитаж: из собрания Эрмитажа к 200-летию жизни и деятельности семьи Бенуа в России» (СПб., 1994); «Мой дневник», 1916–1917–1918» (М., 2003); «художественные письма, 1930–1936: газета «Последние новости», Париж» (М., 1997); «Путеводитель по картинной галерее Императорского Эрмитажа», составленный А.Н. Бенуа (М., 1997. 1-е издание – в 1910 г.) и др.

Под редакцией И.Э. Грабаря, в издательстве И.Н. Кнебель...

Более 10 книг из редкого фонда библиотеки ДВХМ обязаны своим появлением организаторской деятельнос-

ти в начале XX в. живописца и искусствоведа И.Э. Грабаря (1871–1960) и русского издателя, книгопродавца И.Н. Кнебеля (1854–1926).

В начале XX века стала складываться большая серьезная специальность – история древнего русского искусства, сумевшая быстро завоевать международный авторитет. Подлинным организатором всей науки о русском искусстве был И.Э. Грабарь. «Обаятельный человек, крупный живописец, он был, возможно, самым талантливым лидером науки об искусстве в нашей стране. Он сумел объединить вокруг общего дела крупных знатоков, в первую очередь старой русской архитектуры в издании, которое было самым серьезным и успешным из всех, выпущенных в изучаемое время» (см. «История европейского искусствознания. Вторая половина XIX – начало XX вв. Кн. 2. М., 1969). Речь идет об «Истории русского искусства» (тт. I–III, V–VI) под редакцией И. Грабаря и с его самым активным участием, выходявшей с 1910 г. до погрома издательства И.Н. Кнебель в годы Первой мировой войны. «Старая русская архитектура, как вдохновенное создание русского народа, освещена И. Грабарем и его сотрудниками полно, разносторонне и по-новому. То же удалось сделать и с историей старой русской живописи, фрески и иконы (VI том), скульптуры» (V том). Есть в библиотеке другое одноименное издание в 13 томах, изданное в 1953–1964 гг. И.Э. Грабарь – снова организатор коллектива ученых, главный редактор и один из авторов.

Дополнением к «Истории русского искусства» была серия богато иллюстрированных монографий под редакцией И. Грабаря «Русские художники». В нашей библиотеке это «М.А. Врубель» с текстом С.П. Яремича, «Исаак Ильич Левитан» с текстом С. Глаголя и И. Грабаря, «А.П. Рябушкин» с текстом А. Ростислава. Критика положительно отзывалась о данной

серии книг, противопоставляя ей «более популярное и мало-объемное, менее качественно издаваемое издание», предпринятое издательством Н.И. Бутковской (С.-Петербург). Любопытнейший читатель имеет возможность составить свое мнение, так как в библиотеке есть два выпуска из серии иллюстрированных монографий «Современное искусство» изд. Н.И. Бутковской: «Н.Н. Борисов-Мусатов» с текстом Н.Н. Врангеля и «Рябушкин» с текстом А. Воскресенского.

И.Э. Грабарем была задумана серия «Русские города — рассадники искусства». Вышел только первый выпуск о **Ростове Великом** и **Угличе Б. Эднга** (М., 1913), с которым можно познакомиться в библиотеке ДВХМ.

Покровитель художников И.Н. Кнебель выпустил теоретическую работу А.М. Васнецова (1856—1933) под названием «Художество. Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи» (М., 1908), содержащую критику импрессионизма; книгу преподавателя Московского 1-го реального училища А.П. Стеблева «Очерки культурной истории России с древнейших времен». Часть I/ (М., 1913). Они также хранятся в библиотеке. После национализации издательства в 1918 г. Кнебель активно сотрудничал с Наркомпросом и Госиздатом. В последние годы жизни (1925—1926) заведовал издательским отделом Государственной Третьяковской галереи.

Что народ? Народ смеется...

Школьные годы моих ровесников прошли в тесном общении с журналом «Крокодил». Разглядывали, улыбались, смеялись и ...набирались оптимизма на всю оставшуюся жизнь. Вспомнилось об этом, когда в руках оказались две книги из редкого фонда «Сокровища искусств в шаржах художников Яковлева, Реми, Юнгера, Радакова» (С.-Петербург, Изд. М.Г. Корнфельда, 1912), и Реми «Театр и все остальное... Шаржи» (Книгиздательство «Новый Сатирикон»).

Обладатели сатирического таланта, они вчетвером встретились в юмористическом петербургском журнале «Стрекоза». Именно на страницах этого еженедельника А. Юнгер и Реми опубликовали свои первые рисунки. В 1908 г. художники вместе с писателями и поэтами — сотрудниками «Стрекозы» — преобразовали это довольно захудалое издание в новый журнал «Сатирикон» (1908—1914). Так

возник лучший сатирический журнал дореволюционной России (с 1913 г. журнал стал называться «Новый Сатирикон» и просуществовал до 1918 г.). Творческие биографии и жизнь у авторов книг сложились поразному. А. Радаков (1879—1942) и А. Юнгер (1883—1948) остались в советской России, Н. Реми (1887, Петербург — 1975, США) с 1920 года жил в Париже, с 1922 — в США, где начал работать как театральный художник. А. Яковлев (1887, Петербург — 1938, Париж) после путешествия в 1917—1918 гг. по Дальнему Востоку и Монголии в качестве пенсионера Академии художеств жил в Париже, был участником «рекламных экспедиций» по Африке и странам Азии. Вторичное признание пришло к Яковлеву посмертно, состоялись выставки его работ во Франции (1965, 1967), США (1972), в Русском музее (С.-Петербург, 1988). Работы художника хранятся в Русском музее и Государственной Третьяковской галерее.

В первой из названных книг под стрелы мастеров карикатуры и сатирической графики попали «Портрет Иды Рубинштейн» В. Серова, «Аленушка» В. Васнецова, «Фрина» Г. Семирадского, «Мефистофель» М.М. Антокольского, «Всюду жизнь» Н.А. Ярошенко, а также произведения Леонардо да Винчи, П. Рубенса, С. Боттичелли, А. Дюрера и других художников. В книге «Театр и все остальное» Н.В. Ремизова (Реми — псевдоним) помещены шаржи на мастеров культуры, среди которых Л.В. Собинов, К.С. Станиславский, г-жа Книппер, В.Э. Мейерхольд, Д.С. Мережковский, А.Л. Волынский и др.

Прозаик, поэт, критик, публицист Д.С. Мережковский (1865—1941) и литературный критик, теоретик и историк искусства А.Л. Волынский (1863—1926) написали каждый свою книгу о **Леонардо да Винчи**. Книга Волынского появилась в печати первой (в нашем редком фонде это издание типографии С. В. Кульменко, г. Киев, 1909). По воспоминаниям С.К. Маковского (1877—1962), в книге «Портреты современников» (М., 2000) это обстоятельство навсегда посорило Волынского с Мережковским, почитавшего книгу Волынского за плагиат. В то же время за книгу о **Леонардо да Винчи** Волынский был удостоен звания Почетного гражданина Милана. Хотелось бы добавить, что другой русский археолог и живописец Ф.П. Рейман (1842—1920) был избран Почетным гражданином итальянского города Спелл. 12 лет он провел

в римских катакомбах, сделал несколько сотен акварельных копий со стенных росписей по просьбе И.В. Цветаева, основавшего в 1912 г. Музей изящных искусств им. императора Александра III при Московском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). В 1911 г. Ф.П. Рейман переехал из Рима в Спелл, где умер в 1920-м. И не стареть мысль Леонардо да Винчи: «Живопись — это поэзия, которую видят, а поэзия — это живопись, которую слышат».

В коллекции живописи ДВХМ находится одна работа П.Ф. Реймана «Старик с четками». (Передано из Государственного Русского музея в 1931 г.).

«Делай, что должно, и пусть будет, что будет»

Если вас интересует тема «История реализма в русской живописи», вы можете рассчитывать на помощь Дальневосточного художественного музея. В русском зале на третьем этаже познакомитесь с картинами художников-передвижников И.Н. Крамского, В.Д. Поленова, И.Е. Репина, К.А. Савицкого, П.И. Петровичева, В.И. Сурикова и др. Этажом ниже, в библиотеке музея, узнаете о книгах начала XX века из редкого фонда. Это небольшой тоненький синего цвета каталог 42-й передвижной выставки картин товарищества передвижных художественных выставок (СПб., 1914). До последней выставки ТПХВ еще девять лет... На смену придет «Ассоциация художников революционной России» (1922—1932) и другое поколение художников (А. Архипов, И. Бродский, Б. Иогансон, М. Авилов, А. Герасимов...). Вам покажут «Альбом художественных произведений Н.Н. Ге» (1904), изданный сыном художника в Московском издательстве «Посредник», куда вошли иллюстрации к рассказам Л.Н. Толстого. Дотошный библиотекарь расскажет, что полная коллекция изданий «Посредника» (это издательство возникло в 1884 г. в Москве при участии Л.Н. Толстого с целью печатать дешевые книги для народа) хранится в Государственном музее Л.Н. Толстого. Здесь же находится авторская копия (оригинал — в Государственной Третьяковской галерее) портрета Л.Н. Толстого, сделанная Н.Н. Ге — другом и единомышленником писателя, с которым Толстой познакомился в Риме в 1861 г. Н.Н. Ге написал этот портрет в 1884 г. в рабочем кабинете московского дома Толстого.

Неоднократно гостил у Л.Н. Толстого русский скульптор-реалист И.Я. Гинцбург (1859—1939) — ученик близкого передвижника скульптора М.М. Антокольского, друга Стасова и Репина. В книге воспоминаний Гинцбурга «Из моей жизни» (СПб., 1908) советуем обратить внимание на главы: «Как я работал в Ясной Поляне», «Стасов у Толстого», «М.М. Антокольский. Его жизнь и творения». В Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве хранится скульптурный портрет писателя работы И.Я. Гинцбурга.

Любимая французская поговорка Л. Толстого, вынесенная в подзаголовок, как нельзя кстати подходит к творческой биографии художника-передвижника Н.В. Орлова (1863—1924). Альбом называется «Русские мужики. Картины художника Н. Орлова с предисловием Л.Н. Толстого» (СПб., Изд. Т-ва Р. Голике и А. Вильборга, 1909). Л. Толстой в предисловии пишет: «Орлов мой любимый художник... потому, что предмет его картин — мой любимый предмет. Предмет этот — русский народ...» Картины Орлова находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Историческом музее, Яснополяном музее Л.Н. Толстого. О нелегкой судьбе художника расскажет книга С.И. Софронова «Н.В. Орлов. Художник-передвижник» (М., 1965). Автор книги лично знал Орлова с 1914 по 1924 гг., беседовал с ним, записал рассказы его дочерей, художников В.Н. Мешкова, В.Н. Бакшеева. Работал с архивными документами, знаком с материалами семейной переписки.

С немалым интересом вы познакомитесь с альбомом «Русские пословицы и поговорки в рисунках В.М. Васнецова» (М., 1912). Инициатива издания альбома принадлежала «Товариществу скоропечатни А.А. Левинсона», случайно получившего право издания тетради рисунков, сделанных 45 лет назад молодым воспитанником Вятской семинарии В. Васнецовым по предложению местного этнографа и любителя художеств Н. Трапицына. Рисунки начинающего художника передали черты деревенского быта далеких углов Вятского края середины XIX века.

Проходит время, но метод критического реализма живет в творчестве современных художников. Лучше понять искусство передвижников поможет альбом, подготовленный Русским музеем, «Из истории реализма в русской живописи» (М., 1982).

Елпидифор Титов:

«Пушкин – Сибирь – Америка»

Исследование «Пушкин – Сибирь – Америка», приуроченное к 100-летию юбилею поэта, занимает особое место в творческом наследии Е.И. Титова (1896 – 1938). Впервые было опубликовано в журнале «Сибирские огни» (Иркутск), 1937, № 13. В настоящее время готовится к изданию избранное Е. Титова «Я – сын земли», куда включена данная работа. Мы предлагаем читателям фрагмент, посвященный теме «Пушкин и Камчатка».

За девять дней до смерти Пушкин закончил конспект книги Крашенинникова «Описание земли Камчатки». В бумагах сохранился конспект и набросок начала статьи о Камчатке. Факты и соображения, приведенные выше, позволяют думать, что интерес Пушкина к Камчатке не является неожиданным, как не считаем мы странным и неожиданным, что декабрист Штейнгель, находясь в ссылке, изучает вопрос проникновения русских к берегам Великого океана, Лунин пишет историю Анадырского острога, Завалишин разрабатывает проект присоединения к России Калифорнии и т.д.

У Пушкина интерес к истории русских завоеваний на Дальнем Востоке был подкреплен работой над историей Петра, инициатора экспедиции «Для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан» (из заметок Пушкина). Наконец, незадолго перед этим о Камчатке напомнил Пушкину Иван Калашников, писатель родом из Иркутска, сотрудник Сперанского. Автор нашумевших в начале тридцатых годов двух романов: «Дочь купца Жолобова», роман, извлеченный из иркутских преданий (1 изд. 1831 г.), и «Камчадалка» (изд. 1833 г. в четырех томах). Калашников прислал Пушкину обе книги. Из сохранившегося черновика ответного письма видно, что Пушкин читал оба романа и даже нашел, что «ни одного из русских романов... не прочитывал... с большим удовольствием, чем «Камчадалку». Следует предполагать, что в произведениях Калашникова Пушкина привлекла единственно ценная в них сторона – впервые отраженная в русской литературе сибирская жизнь и «множество любопытных замечаний и сведений о Камчатке, о быте почти истребившихся ее жителей». (Из рецензии в «Московском телеграфе». См. письма Пушкина, т. 3, изд. 1935 г., стр. 575 и след.)

Заинтересовавшись Камчаткой, Пушкин обратился к лучшему, по тому времени, первоисточнику – к книге Крашенинникова, замечательной работе талантливого, наблюдательного и трудолюбивого человека. Как материал для суждений об «естественном состоянии человека» эта книга и до сих пор остается классической работой. Пушкин составил конспект всех четырех частей книги. Этот конспект нужен в специальном изучении. Ограничиваюсь здесь лишь отдельными замечаниями.

В особую рубрику поэтом выделены жители Камчатки с отметкой самоназвания камчадалов (ительмен) и юкагигов (едель). Эта терминология была принята у нас после Великой Октябрьской революции.

Резюмируя в двух-трех строчках большие куски из книги, Пушкин отмечает возникшие при чтении мысли, причем характер их указывает на то, что в жителях Камчатки он старался найти черты общечеловеческие, хотя и пользовался таким термином, как «дикий». Так, корякская сказка о ветре и о зорях, утренней и вечерней, названа «грациозной».

Приведу эту сказку в записи Крашенинникова: «...Когда их (камчадалов) спросишь, отчего ветер рождается, ответствуют за истину, от Балакитга, которого Кухта в человечьем образе на облаках создал и придал ему жену Завина-Куттагт именем. Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению. Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и столь сильно, сколь великой ветер ему понравится, а когда он устанет, то утихнет, и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего Камчатского Еоля в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приезжает, тогда она находится в радости, а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась, и оттого бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зарю и вечернюю, которая с тем соединяется, философствуя по смешному своему разуму и любопытству и ничего без объяснения не оставляя». (Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым. СПб, 1755, том 1, часть 2, стр. 168-169).

Прочитав первый том, Пушкин подытоживает его уже отработанным с художественной стороны абзацем, значительно отступая от точки зрения на природу Камчатки самого Крашенинникова. Последний перечисляет достоинства и недостатки природы и климата полуострова. На Пушкина это описание произвело более мрачное впечатление. «Камчатка – страна печальная, – пишет он, – гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности, причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности, но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы».

Печальный колорит камчатской обстановки, не совпадая с показаниями Крашенинникова, хорошо гармонирует с теми фактами из истории завоевания полуострова, которые Пушкин вычитал из «Описания земли Камчатки».

Сумароков противопоставлял когда-то кровавым методам английских, американских и испанских завоевателей Америки, «кропивших кровью» поселения мирных индейцев, мирную политику русских колонизаторов. «Увидев Росски корабли, Америка, не ужасайся. Из праотеческой земли в пустыне бегством не спасайся», – так убеждал Сумароков американских туземцев, заклиная их «именем Екатерины», с которым мы по утренним водам (то есть по водам Тихого океана) приставали к берегам Нового света».

Пушкин уже во время поездки на Кавказ подметил закулисную сторону восточной политики царизма — ее жестокость и ненависть ко всякому проявлению свободы. Теперь, шаг за шагом прослеживая историю завоевания Камчатки, поэт увидел очень сходные с историей американской колонизации вещи. Завоевание Камчатки сопровождалось массовым истреблением и грабежом туземцев, пленением их жен и детей. Пушкин записывает: «Богатели они (казаки) от находов на камчадалов и от ясачного сбора, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил: 1 зверя сборщику, 1 — подъячму, 1 — толмачу, 1 — на рядовых казаков. Казаку на Камчатке в 1749 году нужно было до 40 р. годового прихода».

Не мудрено, что камчадалы встретили завоевателей жестоким сопротивлением. Пушкин подробно выписывает в свой конспект все факты, относящиеся к восстаниям туземцев. По поводу смерти атамана Данилы Анцыферова, убитого камчадалами, Пушкин замечает: «Так погиб храбрый Анцыферов, может быть, предупреждая заслуженную казнь...» Излагая эпизод героической гибели туземных заложников Анцыферова, Пушкин называет их «несчастными» и не оспаривает мнения Крашенинникова о том, что причиною возмущения туземцев были «притеснения от казаков». В параграфе 27-м конспекта отмечено, что, посылая для усмирения восставших туземцев Атласова, «правительство велело ему обид никому не чинить и противу иноземцев строгости не употреблять, коли можно обойтись ласково. За преступление наказа объявлена ему смертная казнь». В «Записках» Джона Теннера таких указов Пушкин не обнаружил.

В параграфе 55-м конспекта эпизод с истреблением авачинских камчадалов, убивших Анцыферова, заканчивается многозначительной фразой: «С того времени авачинские камчадалы стали платить ясак ежегодный, а не повольный, как то было прежде».

Пушкин не скрывает своих симпатий к завоевателям, понимая историческую роль казачьих походов. Атласова поэт называет «камчатским Ермаком», говорит о смелости

казаков. Но он отдает должное и героизму туземцев, сочувственно отмечая всякую меру, направленную к уничтожению жестокостей по отношению к завоеванным народам. Пушкин полагал, что русское владычество поможет Сибири выйти из «дикого» состояния и достичь уровня народов цивилизованных. Эту надежду великий русский поэт вписал бессмертными стихами в строфы своего «Памятника»:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Надо сравнить эти стихи с тем местом из письма Кюхельбекера Пушкину (от февраля 1836 года), где о тунгусах сказано, что «звериное начало»... в них сильно развито, что тунгус — это «человек-зверь», хотя и привлекательный. Пушкин внес существенную поправку в отзыв Кюхельбекера о тунгусах.

Выражение «человек-зверь» внушает мысль о чем-то неподвижном, раз и навсегда отдаленном от культуры и прогресса, подсказывает ложное мнение о биологической предопределенности примитивных черт культуры и быта отсталых народов. Пушкин стихами своего «Памятника» заявил, что «дикость» первобытных народов — временное явление, исторически обусловленное, и, заглядывая в будущее, включил главнейших представителей малых народностей Сибири в единую семью своих читателей. Начало их культурного возрождения великий поэт связал с исполнением сроков своего пророчества о торжестве свободы и разума в России. Строфу о финнах, тунгусах и калмыках нельзя отрывать от той центральной части «Памятника», где сказано:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Только Великая Октябрьская революция осуществила надежды гениального русского поэта.

КОММЕНТАРИЙ

Валентина КАТЕРИНИЧ,
кандидат
филологических наук

Исследование Е.И. Титова читается и теперь с большим интересом. Научная точность и основательность сочетаются в нем с ярким, живым языком и оригинальным взглядом на предмет.

Перед читателем проходит целая галерея лиц и стран, так или иначе связанных с великим поэтом. Многие ли знают о намерении А.С. Пушкина посетить Китай и о его встречах со знаменитым синологом Иакинфом Бичуриним? Подробно описана деятельность Российско-американской компании, попечителем которой был адмирал Н.С. Мордвинов. Федор Матюшин, Толстой-Американец, Владимир Штейнгель и, конечно, декабристы — все они причастны к сибирской теме в жизни Пушкина. А значит, дальневосточной (в те времена термин «Сибирь» относится ко всему российскому пространству вплоть до Тихого океана). В те времена Хабаровска не было в помине, но вот река Амур поэту была известна. Поразителен интерес Пушкина к Камчатке!

Но давайте перенесемся из эпохи Пушкина в эпоху Большого террора. 1937 год был особенный: официаль-

ное чествование великого поэта и пик арестов ни в чем не повинных людей. 4 августа 1937 года «пушкиноведы» в штатском увели Е.И. Титова прямо с его места работы из редакции журнала «На рубеже». Жуткий штрих сохранился в памяти родных: никто из свидетелей ареста не посмел даже слова сказать семье. Так что жена его, Мария Александровна Туманова-Титова, металась в поисках мужа по моргам и больницам, пока не пришла ее очередь: в сентябре того же года она была арестована...

В расстрельном деле Е. И. Титова фигурируют документы, которые проливают свет на творческий процесс, в частности, мы узнаем, как создавался труд «Пушкин — Сибирь — Америка». Не впервые ссылаются на замечательную книгу хабаровского журналиста Александра Сутурина «Дело краевого масштаба». Там приводится клеузное письмо литератора Семена Бытового. Нельзя было не обратить внимания на фразу: «Будучи в Ленинграде, Титов встречался с литератором, врагом народа Оксманом».

Так вот какие были учителя у Титова! Юлиан Григорьевич Оксман (1895 — 1970), один из лидеров советского литературоведения в 30-х годах прошлого века, был насильственно изъят из Ленинградского университета в 1936 году, пробыл в лагерях 10 лет. По возвращении с Колымы работал в Саратовском университете, а потом и в Москве в Институте мировой литературы. И, как и прежде, Ю.Г. Оксман оставался негласным лидером отечественного литературоведения. Откройте собрание сочинений Пушкина, среди комментаторов встретите его имя. Такое вот скрещение судеб!

«МЫ ЦЕПИ ТАИНСТВЕННОЙ ЗВЕНЬЯ...»

Вячеслав ГОЛОВКО

(Ставрополь)

Сестер Цветаевых постоянно сравнивают, настойчиво доказывая порою, что Анастасия Ивановна была высокоталантливой личностью, оригинальной писательницей, философски мыслящим летописцем своей эпохи. Бесспорно, это так. Но себя и свою жизнь после ГУЛАГа и поселения она целиком посвятила тому, чтобы сохранить духовное наследие Цветаевской семьи, воссоздать ту культурную и творческую атмосферу, в которой сформировалась, раскрылась как великий поэт ее старшая сестра Марина.

Молодому современнику сейчас трудно поверить в то, что хрестоматийную и одновременно неисчерпаемую Марину Цветаеву, издаваемую на всех языках мира, еще совсем недавно замалчивали и почти не печатали у себя на Родине, что последние годы и дни жизни единственной женщины-поэта, ставшей в один ряд с Шекспиром, Данте, Петраркой, Гете, Пушкиным, были столь трагичными и безысходными, что не поддаются какому-либо объяснению и оправданию... Оппозиция «поэт и чернь», «поэт и власть», а еще точнее — авторитарная власть, в коллизии вечного противостояния достигла своего апогея в судьбе, пожалуй, самого крупного и бескомпромиссного художника слова XX столетия.

Первые посмертные сборники Цветаевой «Избранное» (1961) и «Избранные произведения» (1965) купить было невозможно: малый по тем временам тираж в 25 тысяч экземпляров не мог удовлетворить читательские запросы. Первые статьи о жизни и творчестве поэта, принадлежавшие перу ее близких — сестры Анастасии Цветаевой и дочери Ариадны Эфрон, а также знавших Цветаеву литераторов и деятелей искусств, авторитетных литературоведов, появлялись, главным образом, в отраслевых и региональных изданиях («Наука и жизнь», сборники «День поэзии», «Литературная Армения» и т.д.). «Толстые» журналы, а ещё очевиднее — ведущие средства массовой информации поэта игнорировали. И более всего по идеологическим причинам: это было время, когда официальная идея на весах аксиологии перевешивала всё, тем более эстетику и искусство.

Особо строгое табу было наложено на любую информацию о трагедии Цветаевой в Елабуге. Даже в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда первыми робкими публикациями о последних днях жизни поэта в газетах «Комсомолец Татарии» (Р.А. Мустафин) и «Новая Кама» (автор этих строк), полуофициальными «Днями памяти», проводимыми в начале сентября преподавателями и горсткой студентов Елабужского педагогического института на месте предлагаемого захоронения поэта, редкими

публичными выступлениями о цветаевском творчестве в одной из местных библиотек и небольшом кино клубе было нарушено равнодушно-отчужденное безмолвие вокруг имени Цветаевой, сведения о причинах и обстоятельствах ее гибели на страницы столичной прессы не попадали. Единственное, на что могли отважиться тогда истинные ценители цветаевской поэзии, — это запечатлеть на магнитофонных лентах воспоминания современников, тех, кто был в Елабуге вместе с Мариной Ивановной, или зафиксировать для себя лично какие-то данные, почерпнутые из бесед с её близкими, реабилитированными к концу пятидесятых годов.

Когда представилась возможность встретиться с Анастасией Ивановной Цветаевой и Ариадной Сергеевной Эфрон и убедиться в неопровержимости того, что неоглядная даль художественного мира великого поэта была просто недоступна взору всех остальных, возникло осознанное желание записать всё, о чём говорилось, сохранить в памяти неповторимые интонации их голосов, запечатлеть в слове вдохновенный облик удивительных «собеседниц» и «наследниц» цветаевского Слова. В главе «Последнее о Марине», включаемую ныне во все издания «Воспоминаний», Анастасия Ивановна Цветаева поведала об одной из наших встреч московской осенью 1971 года¹. Тогда мы решали судьбу «елабужского гвоздя», на котором в затянутой петле вечером 31 августа 1941 года Марину Ивановну Цветаеву обнаружила хозяйка последней квартиры поэта в Елабуге — Анастасия Ивановна Бродельщикова. Для того чтобы сохранить этот гвоздь, его пришлось вынуть из балки сеней (к сожалению, до наших дней не сохранившихся): дом Бродельщиковых (ул. Жданова, 20, современный адрес — ул. Малая Покровская, 20) за короткое время был продан и перепродан людям, чрезвычайно далеким от литературы и вряд ли в полной мере осознававшим значимость всего того, что связано с именем Цветаевой. Если раньше у Бродельщиковых исчезали

¹ Цветаева Анастасия. Воспоминания. Изд. 5-е. — М.: Изограф, 2002. — С. 830-831.

ГОЛОВКО Вячеслав Михайлович, теоретик, историк русской литературы и литературный критик.

Занимается изучением проблем художественно-философской антропологии, жанрологии, теоретической и исторической поэтики, литературного источниковедения, а также вопросами филологического комментария. Автор пяти научных и двух литературно-критических книг, изданных в Москве, Екатеринбург, Саратове и Ставрополе, более 160 статей, опубликованных в академической, центральной, региональной и зарубежной научной печати; учебных, научно-методических пособий для студентов-филологов и учителей-словесников. Некоторые работы переведены на иностранные языки. Научный редактор ряда коллективных монографий и научных сборников. Возглавляет научное направление СГУ по исторической поэтике литературных жанров. Руководитель аспирантов и докторантов по специальности 10.01.01 — русская литература. Действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Frankfurt-am-Main) (с 1991 г.). Член Союза российских писателей (с 1996 г.) и Литфонда России (с 1997 г.). Доктор филологических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного университета.

мелкие вещи домашнего обихода, к которым прикасались руки Марины Ивановны, то теперь в металлолом сдавались кровати из «комнатушки» за перегородкой, в которую поселили 20 августа 1941 года Цветаеву вместе с сыном Георгием, продавались стулья, в числе которых был и тот, который обнаружила хозяйка дома на месте гибели поэта, и многое-многое другое. Отчаянные попытки сохранить дом и интерьер — готовый, в сущности, музей! — успехом не увенчались. С просьбой подействовать тому, чтобы дом был выкуплен государством, я обращался в Союз писателей СССР, в «Литературную газету», к отдельным известным в то время ревнителям сохранности литературных памятников (И.Л. Андронникову, например), в адрес «Поэтической тетради» Всесоюзного радио и т.д., но ни на одно письмо так и не получил ответа. Была, правда, необычная просьба из редакции «Литературной газеты» (скорее, личного, чем официального характера) — выпилить часть балки вместе с гвоздем (в частном доме!) и каким-то образом доставить в Москву... Организовать сбор коллективных пожертвований на последний дом Цветаевой в тех условиях, когда статьи в местную газету тщательно проверялись и долгое время находились в отделе пропаганды и агитации райкома КПСС, было абсолютно безнадежным делом.

В самом начале сентября 1971 года, когда каким-то чудом вышедшую газету «Новая Кама» с целой полосой «День Памяти Марины Ивановны Цветаевой», подготовленной мною (там, кстати, впервые были опубликованы в более развернутом виде правдоподобные сведения А.И. Бродельщиковой о последних днях поэта), я принес новым хозяевам дома Полтановым, их пятнадцатилетний сын Александр помог мне извлечь из балки сеней кованый граненый гвоздь — безмолвный свидетель эпохальной трагедии не вписавшегося в «новый порядок» Поэта. Скорбный артефакт хранился у меня несколько месяцев в конверте вместе со всеми другими цветаевскими материалами. «Елабужский гвоздь», которому незадолго до того побывавший в прикамском городке Евгений Евтушенко посвятил стихи, вызывал у меня чувство дисгармонии, тревожное ощущение неотвратимости беды и незащищенности от неё...

Известие о гвозде почему-то взволновало Анастасию Ивановну Цветаеву: не обращая внимания на мои слова о том, что эту печальную реликвию я сохранил для того, чтобы передать в музей (гвоздь я предлагал многим учреждениям культуры, имеющим хотя бы опосредованное отношение к Цветаевым, но мои намерения и стремления наталкивались на глухую стену абсолютного равнодушия и безразличия) или родным Марины Ивановны, она в достаточно резком тоне, весьма далеком от лирической интонации тех страниц «Воспоминаний», где писала об этом, потребовала передать Ариадне Сергеевне Эфрон единственное, реально существующее, неопровержимое свидетельство гибели Цветаевой: «Вы должны гвоздь обязательно отдать дочери Марины — Але. Всё по праву должно принадлежать ей». Затем сразу же позвонила Ариадне Сергеевне, и через минуту мы говорили с ней так, как будто знали друг друга многие годы. Ариадна Сергеевна расспрашивала меня о Елабуге, о неприглядном, типовом надгробии, незадолго до того появившемся на месте поставленного Анастасией Ивановной в 1960 г. креста с надписью «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева...». Анастасия Ивановна ходила в волнении вокруг меня и повторяла: «Говорите, говорите скорее о гвозде...»².

Нашей с нею встрече (это было в октябре 1971 года) предшествовало эпистолярное знакомство. Летом 1969 года я послал из Елабуги Анастасии Ивановне письмо, в котором просил помочь в поисках места захоронения Цветаевой и прислать публикации об отце и сестре для кафедры русской

и зарубежной литературы Елабужского педагогического института, в котором в 1968 — 1971 годах начиналась моя карьера как вузовского преподавателя и ученого-литературоведа. Обратиться к Анастасии Ивановне пришлось потому, что в Елабуге к концу «оттепели» шестидесятых годов имя поэта хотя и не замалчивалось, но и не вызывало искреннего интереса. Сдержанное отношение к М.И. Цветаевой даже со стороны специалистов-филологов, отсутствие живого участия в её посмертной судьбе краеведов, специалистов музейного и библиотечного дела, работников образования объяснялось тем, что повышенное внимание к культуре Серебряного века, а тем более к деятелям этой культуры, которые были в оппозиции к новому режиму или покинули страну после 1917 года, откровенно не поощрялось властями. В своем ответном послании Анастасия Ивановна писала о том, что в 1960 г. «не удалось найти могилу». «Знаю только, — уточнила она, — что в правой части кладбища, у стены», приблизительно в том месте, где и поставила крест «Маринино любимого цвета — зеленоватой бирюзы», который «приняла как судьбу» (письмо от 29 августа 1969 г., поезд Павлодар — Москва).

Хорошо помню маленькую комнату Анастасии Ивановны в густонаселенной коммунальной квартире большого дома старой постройки около метро «Маяковская» (прежний адрес: ул. Горького, д. 26/1). В ней царил атмосфера творческой работы и старческой небрежной хранимости: много ящичков, всяких мелочей, камешков, давно отживших свой короткий век цветов. Черный большой рояль занимал все жизненное пространство. В левом углу — шкафы с книгами в несколько этажей, около маленького темного окна — импровизированный письменный столик. На стенах — копии портретов Марины Цветаевой, Пушкина, Пастернака, родителей — Ивана Владимировича и Марии Александровны. Над роялем — единственная подлинная, недавняя по времени работа — портрет А.И. Цветаевой, написанный маслом. Привлекал внимание большой карандашный рисунок, на котором была изображена юная Марина Цветаева: челка, взгляд надменно-насмешливый — чуть-чуть! — и вместе с тем серьезный, непрекаемо честный. Оказывается, Анастасия Ивановна рисовала его в Сибири, в ссылке, по клеткам — с маленькой Мариной фотографии и благодаря ему не так остро чувствовала одиночество. «Особенно удались глаза, взгляд», — говорит Цветаева. В этом облике, в этом взгляде ничто ещё не предвещает ни боли, ни утрат, ни ухода. Юная жизнь запечатлена в состоянии торжествующего настоящего, в тот момент, когда в душе еще только пробуждается сомнение в гармонии человеческого мира и в целесообразности неумолимых законов бытия...

На рояле — гора книг; лежат открытые, с дарственными надписями, с автографами: сборник Павла Антокольского, «Вечерние огни» Фета, подаренные Д.Д. Благим... Стоя у рояля — локти на крышку, — маленькая, сухонькая А.И. Цветаева читает нараспев ранние шедевры Марины Цветаевой, те, что читали когда-то вдвоем... Я ее не просил об этом, она сама вдруг предложила: «Послушайте, как мы с Мариной вдвоем читали:

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари...

Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть...

И ещё:

Гул предвечерний в заре
догорающей,
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись,
отъезжающий,
Помни меня!..»

² К сожалению, гвоздь, переданный мною А.С. Эфрон вместе с «Домовой книгой» Бродельщиковой, в которой сохранились записи о прописке, сделанные рукой Г.С. Эфрона, с «книгой отзывов» для посещавших дом Бродельщиковых в 1960-е годы, моими публикациями о Цветаевой и т.д., из архива А.С. Эфрон после её смерти бесследно исчез, и его судьба мне неизвестна...

Своеобразная манера чтения. Нет прихотливой «аранжировки», нет стремления произвести эффект. Есть мелодия: она равномерно повышается и понижается. Мелодия, на первый взгляд, однотонная, однообразная, но невероятно богатая по нюансировке, обновляемая смыслом, бесконечными возможностями вариаций и трактовок. У поэтов существует манера читать стихи «по-художнически» претенциозно, то есть позируя и рисуясь... Здесь, наоборот, все просто и «не ярко», без ложной патетики. Никакого актерства: снова мелодия, снова ее логически-смысловое завершение. Ритм четкий, граненый, чуть торопливый...

Спрашиваю, нравятся ли Анастасии Ивановне чтение Татьяны Дорониной, очень многим открывшей недоступный до того, многосложный поэтический мир Цветаевой. Она, имея в виду не конкретный, а обобщенный образ исполнительниц, сердито и недовольно в ответ: «... Выходят на эстраду с папиросочкой, в брючках и, Боже, что, как говорят! Выделяют то, что Марина не выделяла, не выделяют главное...». Вспомнила, что одна чица в поисках адекватных интерпретаций цветаевской лирики приходила советоваться, как надо читать; у нее еще что-то получается.

Рассказывала о том, сколь много потеряла при аресте. Был в рукописи роман (или два), был архив, дневники, черновые варианты — всё взяли! Утрачено ли это? сохранилось ли? и где находится? — неизвестно. Вспоминала, как в это трудное время ее поддерживала вера в Бога, вызывавшая удивление у следователя-атеиста, и как она открыто говорила ему, что Господь посылает ей испытание и что каждому воздается на Высшем суде.

Рассматриваю книги, рисунки, рукописи, расположенные повсюду. Вот маленькая акварель: Крым, морской пейзаж. «Это акварель Макса Волошина», — сообщает Анастасия Ивановна. Среди писем, бумаг — подлинник Волошина! Может ведь потеряться... Анастасия Ивановна — с горьким сожалением: «При аресте две большие акварели Макса взяли. Так и пропали они...». Разговаривать с Цветаевой трудно: соседи постоянно приглашают к телефону. Часто выходит из комнаты, оставляя наедине с книгами и только что вышедшим сигнальным экземпляром «Воспоминаний». (М.: Советский писатель, 1971). Читаю о последней встрече сестер Цветаевых в Париже. После 1927 года судьба развела их по разным дорогам. Им не суждено было увидеться и после возвращения Марины Цветаевой на Родину.

Заходит речь о надгробии, установленном на месте предполагаемой могилы Марины Ивановны в Елабуге, где с 1960 года стоял «зеленовато-бирюзовый» крест. Анастасия Ивановна говорит о том, почему выбрала именно это условное место — у раздвоенной сосны. В Пихтовке (Новосибирская область), где пришлось отбывать многолетнюю ссылку, случайно обратила внимание на могилу неизвестной юной женщины около дерева с раздвоенным стволом и восприняла эту могилу как некий образ — символ святой, преждевременно оборвавшейся жизни, непреходящей скорби, несправедливо отторгнутой от радости и счастья женской души... В Пихтовке (о жизни там А.И. Цветаева говорила мало, но сказала, что жилось тяжело) отбывал ссылку священнослужитель. Он потом отпел Марину Ивановну и освятил землю, которую прислал, чтобы положить на условную могилу в Елабуге.

«Цветаевское» ярко проявлялось в Анастасии Ивановне во время наших московских встреч начала 1970-х годов. К Марине Ивановне она испытывала трепетные чувства, говорила о ней с уважением, даже почтительно, осознавая масштабы и уникальность её художественного дара, значимость для русской и мировой культуры, не по-сестрински, а на языке поэтического восторга, слогом профессионального литератора, ощущающего себя в атмосфере постоянного сотворчества. Могло даже сложиться впечатление, что у Анастасии Ивановны и не было своей семьи, своих детей,

своих забот — хотя это, конечно, не так; она неизменно возвращалась к прошлому, все ее мысли и слова были полны воспоминаний о Марине Ивановне, о Цветаевых. «Почему так часто сравнивают Марину с Ахматовой, с современными поэтами?... — обращается ко мне, словно размышляя вслух. — Марина боготворила Ахматову, умела принести себя в жертву возвеличенному ею поэту и человеку. Но разве можно сравнить Ахматову с Цветаевой? Она и уже, и однообразнее...»

Поражали Цветаеву-младшую вкусы и пристрастия современного читателя, ориентация на официально признанные имена. «Недавно один преподаватель рассказывал, — с нескрываемым удивлением говорила она, — что им в институте имени Крупской (Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. — В.Г.) на курсах переподготовки доказывали, что лучший советский писатель — Кочетов. Но ведь его же никто не читает и не любит?!..»

Переживая сложности творческой работы, Анастасия Ивановна сокрушалась: «Редактор моей книги «Воспоминания» выбрасывала из рукописи целые главы... Их пришлось заменить мемуарами о Горьком. Этот материал они с радостью включили, а тот, которым заканчивалась книга, так и не вошел, может быть, и не войдет никогда». «Хорошо, — говорю, — что книга вообще увидела свет». «Сама удивляюсь, — отвечает она, — как все это получилось». Свои «Воспоминания» Цветаева так и не видела в свободной продаже. Рассказывала, что в «Книжном мире», где искала их, ей ответили: «Книги нет. Зачем спрашиваете? Вы же знаете, что это уникальное издание!». «Разве эту книгу вы читали? Как же можете об этом судить?!» — ответила Анастасия Ивановна. «А в другом магазине сообщили, — делилась она со мной своей обидой, — что все экземпляры закуплены районным партархивом». Очень огорчало Анастасию Ивановну то, что «Воспоминания» на «черном рынке» продавались по 15 рублей (цена книги — 1р. 19 коп. — В.Г.): «Подумать только! Это в нашей-то стране! И как такое могли допустить?!». С улыбкой говорила по поводу того, что многие восторженно отзывались о языке книги: «Почему так восхищаются? Обыкновенный русский язык. Или уж совсем разучились писать?..»

...Перелистывая «Воспоминания», останавливаю свой взгляд на портрете А.И. Цветаевой. Здесь он подправлен ретушью, в облике, если сравнивать с фотографией, лежащей тут же, на столе, улавливаются изменения: лицо более строгое и менее доброе. «Смотрите, — говорит Анастасия Ивановна, — на этом фото я гораздо лучше, взгляд добрее. А в книге — какая-то хмурая, улыбка почти исчезла». Через минуту — паузу: «И хорошо!.. Буду я им улыбаться на всю Европу за то, что они со мною и всеми нами сделали...»

Разговор прерывает телефонный звонок и голос соседки из коридора — опять приглашают Анастасию Ивановну. Вернувшись в комнату, она делится со мною новостью, не скрывая при этом снисходительно мягкой иронии: «Звонил Завадский, хвалил «Воспоминания». Беру трубку и слышу: «Вас беспокоит Юрий Александрович Завадский...». И придумали же такую пошлость: «Вас беспокоит...». Да, теперь он стал знаменитостью... Я ведь его еще совсем юным помню, он был моложе Марины, мой ровесник... Юрий Александрович... Я его быстро на место поставила: «А, — говорю, — Юрочка Завадский, здравствуйте!..». Ещё один гость Анастасии Ивановны — работник Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Цветаевского музея!), — который к моему приходу уже находился в комнате, вспомнил, что в одной из своих, пока неизвестных, прозаических вещей — в «Повести о Сонечке» — Марина Цветаева в памфлетных тонах описала молодого Завадского. «Повесть о Сонечке», первая часть которой впервые была опубликована в Париже в 1938 году, а в России — в 1976 году, в то время была, действительно, известна очень

небольшому кругу людей. Анастасия Ивановна, подтверждая слова своего гостя, добавила: «Говорят, что сейчас ходят по Москве списки этой неопубликованной вещи, весь отрывок о Завадском. Не хотелось бы, чтобы его передали Юре. Зачем человека травмировать на старости лет?» На все ортодоксальные сентенции нашего собеседника, отстаивавшего принципиальность жизненных позиций и категоричность в оценках сущности человека, его деяний Цветаева откликнулась приглушенными возражениями: «Я никогда не осуждала таких людей. Пусть живут, как считают нужным. Вот, Дмитрий Благой — теперь академик, прислал мне замечательную книгу — «Вечерние огни» Фета со своими обширными научными комментариями... Когда-то мы вместе в Коктебеле отдыхали. Он своего достиг, склонив голову, приспособившись к обстоятельствам. Другие этого сделать не смогли. Ну и хорошо, если он счастлив. Вреда он никому не сделал, это главное». Но совсем иным было у неё отношение к тем людям, которые, преследуя собственные цели, могли самоутверждаться за счет живущих рядом. К таким она относилась, например, Мандельштама: «Ходит, говорит, дышит так, как будто никого и на свете нет, кроме Осипа Эмилевича Мандельштама». Не скрывала, что вернувшаяся из ссылки жена поэта отталкивала её тем же самым, а также неискренностью и постоянным самовосхвалением. Весьма сдержанно отзывалась об Алексее Николаевиче Толстом, о его жене, до того бывшей его литературным секретарем.

Анастасия Ивановна поражала редкостным вниманием к людям, которые приходили к ней (часто — совершенно незнакомые, являвшиеся без приглашения и без предупреждения), и в то же время — невероятной доверчивостью. Некоторые пользовались этим. ...Помогаю Анастасии Ивановне сделать в комнате небольшую перестановку, перекладываем и расставляем с нею книги. А она сетует, недоумевая, как могло такое случиться: «Кто-то приходил, я только потом увидела, что пропала Маринина книга «Версты» (М., 1921. — В.Г.). Очень жаль! Её ведь теперь нигде не найдешь».

«А Вы чем занимаетесь?» — неожиданный вопрос ко мне. Отвечаю, что люблю русскую классику, работаю над диссертацией о художественно-философской антропологии И.С. Тургенева. «Да, это лучше, чем писать о современной литературе. Лучше! А сколько у Тургенева замечательных вещей!». И вспомнила его «таинственные повести», «Рудина», «Первую любовь».

Осторожно начинаю говорить о доме в Елабуге, ставшем свидетелем последних, самых горьких дней Марины Ивановны, о том, как хотелось бы его сохранить. А.И. Цветаева с безнадежностью в голосе: «Что поделаешь?.. Мы не смогли сохранить даже дом в Тарусе. Куда я только не писала! Даже в горьком партии. Ни слова в ответ! В тридцатые годы мы отстояли наш дом. А потом неожиданно пришла весть, что он уничтожен, снесен: понадобилась танцевальная площадка для дома отдыха. Я давно все это воспринимаю как неизбежное... Сколько пришлось пережить из-за могилы родителей на Ваганьковском кладбище! Все-таки кто-то за взятку похоронил своего родственника в том месте, которое мы давно оставили за собой... И в Елабуге дом, видимо, исчезнет... Значит, так тому и быть... Денег у меня нет, чтобы его купить, у Али — тоже. Гонорар за книгу пошел на долги. Куда-либо обращаться с просьбой сохранить дом — бесполезно, думаю».

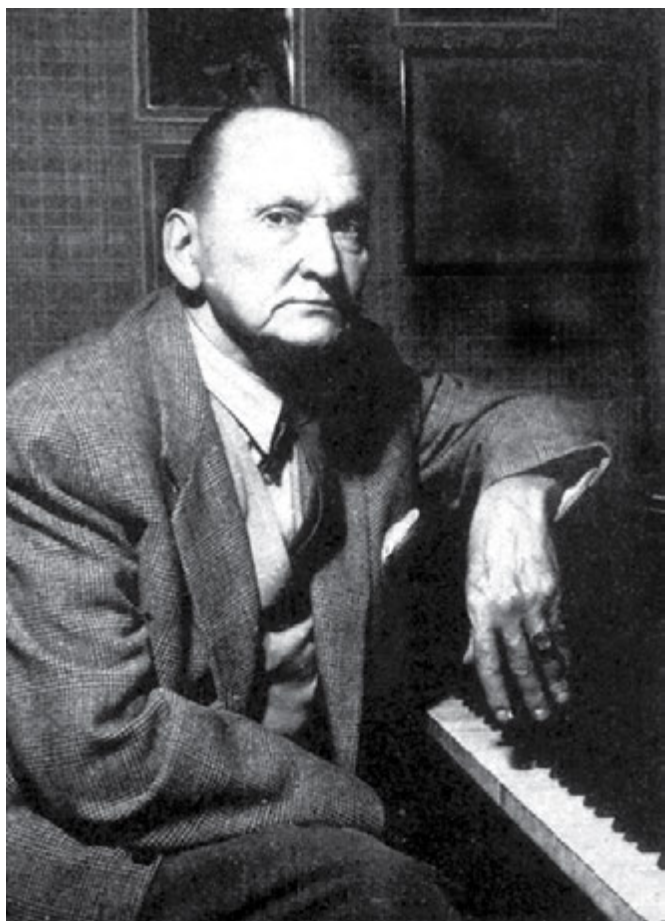
Вспоминает хозяев дома — А.И. и М.И. Бродельщико-вых. Рассказываю о них, говорю о том, что Михаил Иванович не всегда бывает приветлив... Цветаева защищает их: «Понимаю их настроение. Представьте, в войну чужая женщина в их доме покончила с собою, сколько хлопот и волнений причинила. Не обязаны же они были хоронить постороннего им человека... И до сих пор ещё напоминают о том.

Мне говорил Евтушенко: они просили, чтобы гвоздь передали в Москву... ходят, мол, беспокоят... Спасибо им и за то, что сделали». А.И. Цветаева многое и многим прощает.

В самом конце января 1972 года, когда был получен тираж первого издания «Воспоминаний», Анастасия Ивановна прислала мне открытку, в которой просила позвонить и «договориться о встрече скорейшей»: она хотела мне подарить эту книгу. Я застал ее за великими трудами: надо было подписать очень большое количество экземпляров, часть из них — отправить по почте. «Стараюсь написать так, чтобы не повторяться, чтобы каждый человек чувствовал, что мои слова посвящены именно ему. Поверьте, это нелегкая задача», — говорила Анастасия Ивановна. На предназначенной мне книге «Воспоминаний» уже был автограф Цветаевой: «Дорогому Вячеславу Михайловичу Головки на память о моей сестре Марине, о горькой для неё, Вам знакомой Елабуге, о детстве нашем и юности в старой Москве, и о многих странах, городах, людях... С пожеланием успеха в труде и радости в жизни. Анастасия Цветаева. 1. II. 72 г. Москва».

Ритм жизни столицы начала 1970-х годов и бытие Анастасии Ивановны, погружавшей своих читателей в атмосферу поэзии прошлого, будней старой, дореволюционной Москвы, были вполне соотносимы. Неповторимые контрасты нового и давно ушедшего, органичные для Цветаевой и проявлявшиеся во всем — в ее облике, поведении, мышлении, привычках, в бытовом окружении, — неизменно сглаживались. Вот мы мчимся с нею вниз по эскалатору метро, спешим под удивленными взглядами спокойной стоящих людей к очередному поезду, подходящему к платформе «Маяковская», а Цветаева, не прерывая рассказа, — через плечо, оглядываясь на меня, делится воспоминаниями: «Это было в начале века, мы с Мариной увлекались тогда революционерами...». Порою неожиданно возвращало в прошлое и само настоящее: нажимаю однажды кнопку звонка у цветаевской квартиры, а дверь мне открывает... юная Марина Цветаева, словно с того самого рисунка, сделанного в Сибири... Внучка Анастасии Ивановны Рита, часто приезжавшая к ней из Павлодара, была удивительно похожа на Марину Ивановну далеких лет начала XX века...

Впрочем, в проявлявшиеся порою несоответствия нашего и цветаевского мироощущения жизнь вносила свои коррективы. Вот незабываемый пример того, что не только сестры Цветаевы, но и все мы — «цепи таинственной звенья...». Стараюсь помочь в поисках места погребения Марины Цветаевой, Анастасия Ивановна писала мне 29 августа 1969 г.: «... безвестных могил 41 г. много. Думаю — одна из них, где листья земляники (поэт — всегда пророк: стихи М[арины] 1914 г. «Идешь, на меня похожий...»: «Сорви себе стебель дикий / И ягоду ему вслед, / Кладбищенской земляники / Крупнее и слаще нет»». Цветаевская метафизика в те годы не воспринималась мною, поскольку наше поколение воспитывалось в совершенно другой философской парадигме. Последствия этого проявились в самый ответственный и, возможно, единственный, неповторимый момент... Ранней весной 1972 года я пришел на елабужское кладбище, чтобы расчистить место для цветов у надгробия Марины Ивановны. Снег только что растаял, везде лежала прошлогодняя желтая трава, давно высохшие цветы, ни одного зеленого листочка... И вдруг — я с удивлением остановился перед ровным прямоугольником из листьев ярко-зеленой, свежей кладбищенской земляники, находившемся справа, почти у самой стены, немного не доходя до символического памятника... Хотя я и был поражен увиденным, но не придал поистине необъяснимому факту особого значения. Вернувшись в Москву, рассказал об этом Анастасии Ивановне. Она была потрясена и несказанно расстроена: «Почему Вы не отметили это место? Марина Вам знак подавала!.. Надо было положить камень и написать всего две буквы — «МЦ»! Почему Вы этого не сделали?!..»

РУССКИЕ СТИХИ С ФРАНЦУЗСКОГО ЧЕРДАКА

Тамара КАЛИБЕРОВА

(Владивосток – Иссанжо – Владивосток)

Фото из архива Лариссы Андерсен

Это письмо пришло, когда я уже собиралась во Францию, в крохотный городок Иссанжо. Это местечко, затерявшееся среди «горячих гор» – потухших вулканов, пасторальных пейзажей величественной Луары, утонувшее в цепких ежевичных объятиях, стало знакомо, дорого и близко благодаря одному-единственному человеку – русской поэтессе и балерине Лариссе Андерсен. Ее занесло сюда волею эмигрантской судьбы, а еще настоятельным желанием мужа-француза.

На сложенном пополам блокнотном листочке неровно теснились, напирая друг на друга, карандашные строчки, написанные рукой Лариссы:

Я буду умирать не споря,
Где и как надо хоронить,
Но жаль, что вдалеке от моря
Прервется жизненная нить...

И приписка: «Это «выдержка» из моего еще не оконченного стихотворения... Покупайтесь за меня».

Горло перехватило жгучей петлей, сердце тоскливо сжалось...

Мы встретились впервые четыре года назад. Хотя о существовании Лариссы Андерсен я узнала намного раньше, когда открылись засекреченные архивы и один историк показал ее крохотную карточку из личного дела. Даже специфический «профиль» старого фото не смог умалить удивительную красоту этой женщины.

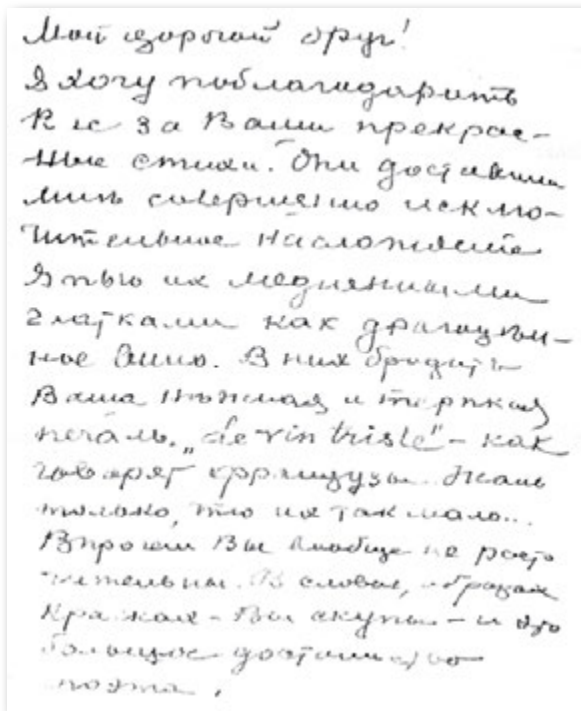
Ее имя писалось именно так, с двумя «с», когда она родилась, незадолго до революции, в семье офицера царской армии, в городе Хабаровске. Затем несколько лет семья жила на острове Русском, где в одной из артиллерийских частей служил ее отец. Отсюда, из Владивостока, семья Андерсен на одном из последних «белых» транспортов отправилась в свое эмигрантское плавание, которое длилось всю жизнь. Ее мама нашла свой последний приют в китайской земле, отец – во французской. Николай Андерсен был похоронен в фамильном склепе семьи мужа Лариссы – Мориса Шез, как и завещал – с полковничьи-ми погонами, которые он получил из рук Колчака.

Ларисса Андерсен, кумир поэтов дальневосточного эмигрантского парнаса 30–50-х годов, сегодня осталась, пожалуй, единственной из того далекого-далека. Последней... Несмотря на то что Родину Ларисса покинула еще совсем маленькой девочкой, всю свою жизнь она пишет стихи только на русском языке, хотя свободно говорит по-английски и по-французски.

Лариссе было около пятнадцати лет, когда она написала свое стихотворение «Яблони цветут», которое сразу же принесло ей известность. По воспоминаниям современников, участников поэтического объединения «Молодая Чураевка», созданного Алексеем Ачаиrom в Харбине, более «воздушной», «яблоневой» девушки не было на свете – темные кудри вокруг бледного, красиво очерченного лица, синие-пресиние глаза, грациозные, божественно красивые руки. Хореографии ее учила Лидия Карловна Дроздова, воспитанница школы Петипа. Все поэты были поголовно в нее влюблены. Ее величали Сольвейг, Джокондой, прекрасным и печальным цветком.

За разлукой была встреча

Ларисса встречала меня, как и два года назад, на крохотной станции Ретурнак, что в переводе с французского означает «возвращение». Только на этот раз она уже не была за рулем своего старенького «Пежо» – выручили старые знакомые. Голубые глаза Лариссы, которые до сих пор поражают каким-то совершенно необыкновенным сиянием, слепнут...

«Ненужное письмо» Александра Вертинского

«Мой дорогой друг! Я хочу поблагодарить Вас за Ваши прекрасные стихи. Они доставили мне совершенно исключительное наслаждение. Я пью их медленными глотками, как драгоценное вино. В них бродит Ваша французская и терпкая печаль «Le vin triste», как говорят французы. Жаль только, что их так мало... Впрочем, Вы вообще не расточительны. В словах, образах, красках. Вы скупы — и это большое достоинство поэта. У Вас прекрасная форма и много вкуса. Ваши стихи — это лучшее, что мне пришлось прочитать здесь...»

Я никогда не думала, что обаяние его искусства настолько возрастает, когда видишь его: каждое слово обогащается мимикой, жестом, модуляцией голоса и буквально гипнотизирует слушателей. Слово словно открывается новая полнота слова, его значение.

Часто мне казалось, что он смотрит на меня, но я решила, что это и другим кажется. Что это и есть гипнотический контакт... Но, оказалось, что и сидевшие неподалеку от меня заметили, что он на меня действительно поглядывал. За это еще короткое время своего пребывания в Шанхае он уже создал мне такую рекламу, что, наверное, любители романтических приключений уже ожидали, чем все это кончится.

А кончилось вот чем. После концерта Вертинского предполагался большой многолюдный ужин. Я была приглашена, но мне надо было зайти домой покормить кота. Кот поел и улегся на кровать. Я прикорнула рядом и тоже задремала. А потом надо было освежиться, причесаться и прочее... А главное, я даже намеренно хотела прийти на ужин позже, чтобы проскользнуть незаметно и сесть где-нибудь за крайний столик...

А вот и влипла: никаких обычных столиков не было, вместо этого в глубине зала стоял один длинный стол, в середине которого, как царь, восседал Вертинский, а место справа от него ... было пусто. Все были в сборе, и мне пришлось пересечь зал под восклицания: «Ну, вот, наконец-то!..» Меня посадили на это пустое место. Я, конечно, извинилась за опоздание, но довольно сердито. Почему это мне полагается сидеть рядом с ним? Что это за демонстрация? Да, я благодарна за его внимание... Я преклоняюсь перед его талантом... Но ведь и другие преклоняются... И тоже пишут стихи... Вертинский с ледяной учтивостью наливал мне вино, предлагал какую-то закуску, но за это время не проронил ни единого слова, как будто меня и не было.

Конечно, я потеряла всякий аппетит и сразу перешла к последнему блюду, чтобы догнать остальных. Справившись с этим наполовину и окончательно смутившись, я заявила, что чувствую себя плохо и вынуждена уйти. И вот, сделав каменное лицо, мой «Добрый волшебник» процедил сквозь зубы: «Идите, идите, поцелуйте Вашего кота под хвост!» И, когда я уже пересекала зал, крикнул во всеулышание, на весь честной народ: «Психопатка с рыжим котом». Вот чем все кончилось.

Но все-таки не кончилось. Начался некий смутный период «прохладной войны». Я получила от него два письма. В первом он писал, что не виноват, интересуюсь

«Я уже многого не могу делать, — сокрушенно вздыхает Ларисса, пока мы петляем по крутому серпантину среди еловых сопок. — Сначала пришлось отказаться от верховой езды, когда упала с лошади и сломала ключицу и два ребра, потом ушел из моей жизни ручей — из-за зрения, так же, как и машина, и еще много чего интересного. Но я решила кое-что компенсировать и сделала перестройку в доме. Никто не знает, сколько осталось жить, но, поверьте, нельзя отказывать себе в удовольствии.

Когда я увидела масштаб «перестройки», мысленно сняла шляпу перед азартом и жадной жизни этой женщины. Ларисса соорудила кабинет для работы, новую душевую комнату и прекрасную веранду, сплошь из стекла, с видом на закат. Здесь, на этой веранде, мы провели много-много часов, когда разбирали ее архив: много раз перечитывали стихи, пока Ларисса на слух не исправляла «незвучащую», на ее взыскательный вкус, строчку, слово. Извлекали из шкафов, французского чердака пожелтевшие вырезки из «Рубежа», «Прожектора», «Понедельника» — эти русскоязычные журналы выходили в Китае, когда туда хлынула эмигрантская волна.

В архиве Лариссы Андерсен сохранилось несколько первых и поэтому бесценных номеров газеты «Молодая Чураевка». А сколько писем теснятся в ее шкафу — тысячи! Она была знакома с удивительными людьми своего времени — Святославом Рерихом, Ириной Одоевцевой (она собиралась издать Лариссины стихи, но не успела), Зинаидой Шаховской, князем Сергеем Оболенским, который много лет возглавлял журнал «Возрождение», издававшийся в Париже, Арсением Несмеловым, Вячеславом Ивановым, Виктором Петровым, Валерием Перелешиним.

Но, пожалуй, самая большая удача улыбнулась нам в первый же день работы, когда из вороха старых бумаг рука по какому-то наитию выхватила два письма Александра Вертинского и его стихотворение, посвященное Лариссе.

мною больше, чем, например, Марианной Колосовой, хотя она тоже талантлива. И что я напрасно взбунтовалась, как «слониха в цирке» (повезло мне, какой богатый выбор образов: от печального отрока Пьеро, черного ангела до слонихи...). Я не ответила. Я ждала, чтобы обида отстоялась. Да и, кроме того, мне некогда было выяснять отношения. Я получила ангажемент ехать с балетной труппой в Японию на праздник цветущей сакуры. Оттуда я написала ему примирительное письмо и получила в ответ теплую телеграмму с подписью «Ваш рыжий кот».

Ненужное письмо

Приезжайте. Не бойтесь. Мы будем друзьями.
 Нам обоим пора от любви отдохнуть,
 Потому что уже никакими словами,
 Никакими слезами ее не вернуть.
 Будем плакать, смеяться, ловить мандаринов,
 В белой узенькой лодке уйдем за маяк,
 На закате, когда будет вечер малинов,
 Будем книги читать о далеких краях.
 Мы в горячих камнях черепаху поймаем,
 Я Вам маленьких крабов в руках принесу.
 А любовь похороним, любовь закопаем —
 В прошлогодние листья, в зеленом лесу.
 И когда тонкий месяц начнет серебриться
 И лиловое море уйдет за косу,
 Вам покажется белой серебряной птицей
 Адмиральская яхта на желтом мысу.
 Будем слушать, как плачут фаготы и трубы
 В танцевальном оркестре в большом казино.
 А за Ваши печальные детские губы
 Будем пить по ночам золотое вино.
 А любовь мы не будем тревожить словами,
 Это мертвое пламя уже не раздуть,
 Потому что, увы, никакими слезами,
 Никакими стихами ее не вернуть.

Прекрасное далеко

В самом заветном Лариссином книжном шкафу, в гостиной, рядом с редкими старыми томиками боготворимого ею Гумилева, перетянутыми в китайский шелк, книжицы стихов Валерия Перелешина с дарственными надписями, Арсения Несмелова, Валерия Янковского. Рядом с ними тяжелый кожаный альбом с металлической пластиной на обложке, где еще можно прочесть полустертые от времени буквы — «Ларе от Мэри». Его подарила Л. Андерсен Мария Крузенштерн-Петерсц много десятков лет тому назад. Уникальность альбома заключается в том, что многие поэты считали своим долгом оставить свой след в этой рукописной книге и записывали сюда стихотворения, которые посвящали Лариссе — своей Музе. Здесь представлен почти весь дальневосточный эмигрантский парнас: Николай Петерсц, Валерий Перелешин, Мария Коростовец, Георгий Гранин, Николай Щеголев, Владимир Померанцев и многие другие, всего около двадцати имен.

Почти полтора десятка лет тому назад литературовед Эммануил Штейн выпустил сборник «Остров Лариссы», где воспроизвел страницы этого альбома. Но уже сегодня

его не найти. Он стал библиографической редкостью. К тому же это лишь толика из того, что сохранила в своем архиве Ларисса Андерсен. Можно сказать, единственная страница из дневника ее жизни. К слову, дневники Лариссы вела с юных лет, и несмотря на то что многие из них пропали в корейской «Новине» у Янковских, когда туда пришли советские освободители, но на французском чердаке их сохранилось еще немало, как, впрочем, и уникальных фотоальбомов.

К счастью, есть еще люди, которым небезразлично наше культурное наследие. Компания «Уникон» во главе с генеральным директором Игорем Анатольевичем Полумордвиновым, а также Геннадий Леонидович Звягинцев решили помочь спасти от забвения эти сокровища таланта и души, вернуть нам, сегодняшним, это «пропавшее поколение». Чтобы новый русский читатель услышал и полюбил «отзвуки песен», прозвучавших задолго до него и все же для него. Именно благодаря финансовой поддержке этих людей состоялась командировка во Францию, для работы с архивом Лариссы Андерсен. Они также намерены взять на себя расходы по изданию книги, где будут опубликованы не только стихи Лариссы, но также ее воспоминания и редкие снимки той эпохи, которая кажется сегодня островом, затерянным во времени.

За день до возвращения в Россию Ларисса показала мне свое прощальное стихотворение. Она все же дописала его:

Я буду умирать не споря,
 Где и как надо хоронить,
 Но жаль, что вдалеке от моря
 Прервется жизненная нить.
 По имени «морская птица»,
 Я лишь во сне летать могу,
 А хорошо бы очутиться
 На том знакомом берегу.
 Быть может, та скала большая,
 Маяк с проломленной стеной
 Стоят, как прежде, не мешая
 Индустриальности земной.
 И примирившись с той стеною,
 Вдали от пляжей и дорог
 Играет, как играл со мною,
 Дальневосточный ветерок.
 Там волны шепчутся смиренно
 О чем-то мудром и простом,
 А медно-кудряя сирена
 Лукаво шелестит хвостом.
 Ведь море было первой сказкой
 И навсегда остался след —
 Меня прозвали Водолазкой,
 Когда мне было восемь лет.
 Вот там бы слечь под крики чаек,
 Узнав далекий детский рай,
 Последним вздохом облегчая
 Уход в потусторонний край.
 Меня бы волны покачали,
 Препровождая на тот свет,
 Где нет ни скорби, ни печали,
 Но, может быть, — и моря нет.

РАСПАХНУТОЕ ОКНО

Неизвестные страницы жизни семьи Арсения Несмелова

Раиса СТОКОЛЯС

(Верхняя Пышма, Свердловская область)

Имя поэта Арсения Ивановича Митропольского (в литературе Арсения Несмелова) теперь известно всей читающей России. Вынужденный жить вдали от Москвы и России, в Харбине, он в 1935 году окончательно простился с самыми близкими своими женщинами – женой и дочерью, которые, подобно многим харбинцам, решили возвратиться в СССР. С тех пор, скорее всего, они ничего не знали друг о друге. И хотя физическая смерть Арсения Ивановича наступила в 1945 году, в камере пересыльной тюрьмы в Гродеково, его дух, его судьба еще долго странствовали по просторам России вслед за его женой и дочерью. Без вины виноватые перед правительствами своей Родины, они каждый прожитый день ощущали его рядом с собой, не смея говорить о нем вслух. В их душах настойчиво теплилась глубоко упрямая от посторонних глаз надежда: «А вдруг?». Вдруг удастся еще увидеться? А у дочери эта надежда жила до самой ее смерти.

*Как странствующий альбатрос,
Свободный, гордый, одинокий,
Он молча жребий тяжкий нес
В тоске по Родине далекой.*

*А души дочки и жены
Витают над земным простором,
И вниз с нездешней высоты
Глядят на нас с немым укором.*

А. Несмелов

Судьба свела меня с дочерью Арсения Ивановича Митропольского (Несмелова) Натальей Арсеньевной Митропольской в 1965 году. Молодым специалистом, после окончания Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской, я приехала в город Верхняя Пышма и стала работать заведующей научно-технической библиотекой (НТБ) на Пышминском опытном заводе. Наталья Арсеньевна уже работала на этом заводе с 1959 года.

Высокая, очень стройная дама в строгом костюме. Пышная короткая прическа, волосы светлые, почти белые. Серые глаза, умные, внимательные, на лице никакого макияжа, может, брови чуть-чуть подправлены

Раиса СТОКОЛЯС

Родилась в Дагестане. В 17 лет пришла работать в библиотеку: сначала на Кавказе в городе Грозном, затем – в Кизляре. Оттуда уехала в Ленинград, закончила библиотечный факультет Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской.

В 1965 году по направлению приехала на Урал в Верхнюю Пышму на Пышминский опытный завод (ПОЗ) Московского института «Гиредмет» (теперь ОАО «Уралредмет»), где и состоялась ее творческая биография.

Стихи начала писать в юности, но увлечения своего никогда не афишировала, хотя в студенческие годы регулярно посещала Ленинградский дом писателей. Лишь в 1995 стала изредка отдавать свои стихи в городские газеты «Красное знамя» и «За медь». В этом же году организовала выпуск первого в истории города сборника стихов местных поэтов «Спой мне, иволга».

В городском историческом музее Верхней Пышмы хранятся документы, связанные с именем А.И. Несмелова (Митропольского), а также его жены и дочери. В том, что эти уникальные материалы стали достоянием многих людей, есть и заслуга Раисы Стоколяс.

В 2003 году в соавторстве с Ф.Н. Козловым написала книгу о своем заводе «Колыбель редких металлов». В 2004 – два документальных очерка о людях завода.

В настоящее время готовится к изданию сборник стихов Раисы Стоколяс.

пинцетом, голова всегда немного приподнята. Во всем облике ощущалась гордость. Нет, не спесь, не чванство, а именно скрытая, молчаливая, каким-то образом проявляющаяся гордость. Это было первое впечатление. Оно не изменилось и потом. Только Наталья Арсеньевна при близком общении оказалась очень внимательным и доброжелательным человеком.

Мне много успели рассказать о ней. Прекрасный специалист, лучшего спектроскописта на заводе нет, отделение свое держит в строгости, в работе очень дотошная, вездливая, не терпит лени, лжи, своих сотрудников защищает, как тигрица, в отделении напоминает наседку с цыплятами, голову ни перед кем не склоняет, с начальством отношения прохладные. Начальство ее уважает, ценит, но старается с нею не связываться. Благодарности за работу получает часто. Живет вдвоем с пожилой уже мамой в однокомнатной квартире. Мужа нет. Был ли — никто не знает. Никому в голову не приходит связывать ее имя с каким бы то ни было мужчиной. В ее судьбе их нет и не было в период, пока она работала на заводе. Никогда. Никого. Все оказалось именно так, когда я узнала ее поближе.

Сблизились же мы не на заводе, а на природе. В то прекрасное время у нас было поголовное увлечение походами выходного дня. Наталья Арсеньевна была большой любительницей путешествий. Если позволяли обстоятельства, она охотно шла в поход выходного дня или просто в лес, на озеро, к любой воде. Вода ее завораживала. Она часами могла любоваться каким-нибудь озером, рекой, любым водоемом.

В одном из таких походов мы оказались вместе на берегу озера Таватуй. Как-то неожиданно разговорились о травах (я увлекалась лечебными растениями), о цветной фотографии, о грибах, ягодах, о природе, о писателях. С этого момента мы стали общаться и говорить не только на производственные темы.

Однажды, после дня долгого хождения по лесам, мы подошли к краю болота. К нему вел крутой спуск. За спиной у нас шумел бор, впереди, внизу, простиралось болото — торжественное, прекрасное, с богатой растительностью, с высокими кочками, с редкими причудливыми сосенками. Мы остановились передохнуть. Наталья Арсеньевна долго молча смотрела вперед, потом тихо сказала: « Все забудется: усталость, какие-то неурядицы, но вот эта красота, эти сказочные виды вы будете помнить всегда. И когда-нибудь, уже старенькие, вы будете радоваться, что видели все это, видели эту великолепную красоту». Она оказалась права.

В 1975 году Наталья Арсеньевна ушла на пенсию. Ушла сразу же, как только ей исполнилось 55 лет. Но с заводом связи не порывала: звонила, приходила. В экстренных случаях начальник цеха частенько вызывал на работу. Сложилась традиция: 13 июля, в день ее рождения, собирались у нее. Приходили работники лаборатории, начальник цеха Аркадий Владимирович Антонов, приезжали ее свердловские приятельницы. Было много цветов, разговоров. Так, день за днем шли годы. Все знали Наталью Арсеньевну как человека высокой культуры, интеллигентного и гордого, уважаемого всеми. Но никто из окружающих не знал, какую жизнь она прожила до приезда в наш город и каким миром заселена ее душа. Ни с кем она никогда не откровенничала, никому ничего о себе не говорила и держалась так, что никто из окружающих не решился бы спросить ее о прежней жизни. Кто-то слышал, что вроде бы у нее был сын. Какой? Когда? Где он? Никто не знал. Жила она со своей старенькой мамой

Екатерина Владимировна Худяковская (слева) с подругой

в однокомнатной квартирке. И о ее маме тоже никто ничего не знал. Видели, как эта высокая старушка в белой панамке часто сидит на скамейке возле дома и читает. Слышали, что была она учительницей. И все.

Мне случилось раньше других от нее самой узнать о ее жизни. Точнее — отдельные моменты ее жизни. За годы общения она кое-что рассказала, но очень скупое. Лишь отдельные эпизоды. Естественно, то, что я узнавала от нее, меня поражало, но я не могла никому ни полслова сказать об этом, иначе дверь к ней закрылась бы передо мной сразу и навсегда. Мы сохраняли с ней молчание вплоть до момента, когда стали появляться публикации о ее отце. Но и тогда она еще всего боялась. Лишь в 90-е годы она как-то смирилась с популярностью отца и хоть чуть-чуть стала говорить со мной и о матери, и об отце. Но страх все равно жил в ней. Страх и за себя, и за имя отца...

Наталья Арсеньевна Митропольская родилась 13 июля 1920 года в г. Владивостоке Приморского края. Отец ее — Митропольский Арсений Иванович, мать — Худяковская Екатерина Владимировна. В 1920 году они волею судьбы оказались во Владивостоке, но разными путями. Арсений Иванович — офицер белой армии, москвич, дворянин, воспитанник кадетского корпуса, служил в Колчаковской армии и вместе с ней отступал от Омска до восточных границ России. Оказавшись, как и многие отступающие, в Маньчжурии, он с поддельными документами, нелегально, в апреле 1920 года появился во Владивостоке. Где-то тут должна была быть его жена, но он не торопился ее разыскивать, пока как-то не закрепится в городе. Обо всем этом он рассказывает сам в воспоминаниях «О себе и о Владивостоке». Он писал: «Жену я нашел на Русском острове, но до него часа полтора езды морем, значит, надо перетаскивать жену в город. За бухтой Золотой Рог в горах нашел я крепостной, лишь наполовину разрушенный флигель, и захватил его, поселившись в уцелевшей половине. Место было глухое. Я возвращался домой поздно, переправляясь через бухту на юли-юли». Может, именно в этом глухом месте Владивостока и родилась Наталья Арсеньевна? Мы этого не знаем. Известно только, что 21 сентября 1920 года родители зарегистрировали свою дочь Наташу в Николаевской церкви города, о чем была сделана соответствующая запись № 12 (свидетельство о рождении ГЩ 105962). В 1924 году, когда в городе начались аресты белых офицеров, Арсений Иванович,

Наташе 10 лет

Наташе 13 лет. Харбин

тогда уже известный поэт Арсений Несмелов (он взял этот псевдоним в 1920 году, здесь, во Владивостоке), не дожидаясь ареста, тайно покидает город и малоизвестными тропами, подсказанными ему знаменитым В.К. Арсеньевым, уходит пешком в Китай. Жить обосновался в Харбине. О Харбине теперь написано много. Нам важно напомнить лишь о том, что город строился русскими, заселен был в основном русскими, чьи судьбы большей частью были связаны с КВЖД.

Не известно, где, когда и как впервые встретились родители Натальи Арсеньевны. Но, судя по документам, это могло быть в Москве или Омске в 1917 или 1918 году. Арсений Иванович после ранений и демобилизации с фронта империалистической войны приехал домой в Москву в 1917 году. Екатерина Владимировна в это время училась в Москве. 12 апреля 1917 года получила «Диплом Высших женских курсов» за № 1275 (сохранился подлинник диплома). А уже 1 сентября 1917 года она начала преподавать в женской гимназии города Омска, и в 1918 году она была в Омске и тоже преподавала русский язык и литературу. Это видно из «Перечня работы преподавательницы русского языка и литературы Худяковской Е.В. по годам». Известно также, что Арсений Иванович в 1918 году выехал в Омск, в ставку генерала Колчака, чтобы продолжать борьбу за свою Россию в рядах белой армии. Где была Екатерина Владимировна в 1919 году? Можно предположить, что она отступала вместе с белой армией, вместе с Арсением Ивановичем, стремясь попасть во Владивосток. Во всяком случае, во Владивостоке она оказалась раньше него. Из документов видно, что во Владивостоке она начала работать с апреля 1920 года, за три месяца до рождения ребенка. Работала в вечерней школе для взрослых им. А.Н. Островского. Затем, с 1 сентября 1920 года, — школа № 27 первой ступени, позже — школа № 8 второй ступени. Можно только предполагать, догадываться, какие трудности пришлось пережить Екатерине Владимировне с только что родившимся ребенком на руках в бурлящем Владивостоке тех лет, без родных и знакомых. Но свидетельств об этом не сохранилось, а мы будем говорить лишь о том, что подтверждено документами или рассказано Натальей Арсеньевной.

Обе школы, в которых работала Екатерина Владимировна (№ 27 и № 8), относились к КВЖД. И вот из Приказа № 10 от 27 октября 1924 года видно, что Екатерина Владимировна увольняется из школы № 8 с 1 ноября по собственному желанию. Позже она устраивается в другую школу, также относящуюся к КВЖД, но находящуюся уже на территории Харбина. Это школа для де-

тей служащих КВЖД. В архивной справке, выданной из Государственного исторического архива СССР в Ленинграде, сказано, что Худяковская Екатерина Владимировна поступила на КВЖД преподавателем 1 сентября 1920 года и была уволена 24 марта 1935 года в связи с продажей КВЖД.

Итак, в 1924 году семья Митропольских воссоединилась в Харбине. Так вот и случилось, что детство Натальи Арсеньевны прошло на китайской земле, хоть и в почти русском городе. Ей не пришлось говорить по-китайски, она слышала вокруг себя русскую речь, говорила по-русски, ее окружали русские люди, но земля эта была китайской, что в полной мере почувствовали русские в 1935 году.

О харбинском периоде своей жизни (как и вообще о своей жизни) она почти ничего не рассказывала. Правда, в последние 9 лет (1990 — 1999 годы) случалось, что она вдруг задумается, а потом возьмет и расскажет какой-нибудь кусочек. Вот о таких «кусочках» я и расскажу.

В семье постоянно отсутствовали деньги. Материальная неустроенность раздражала Екатерину Владимировну. Родители, как выражалась Наталья Арсеньевна, «часто резонились». Жили сначала в комнате при редакции, где работал Арсений Иванович. Потом — в захудалой гостинице рядом с мастерской по ремонту и чистке одежды на Биржевой улице. Когда Наташа стала постарше (6 — 7 лет), родители частенько отправляли ее на время ссор в магазин за колбасой. В 1927 году родители разошлись. Екатерина Владимировна с Наташей уехали в Цицикар — станция на КВЖД. Там Екатерина Владимировна учила детей железнодорожников. Как-то Наташа заболела. Отец приезжал к ней, привозил подарки.

В 1929 году произошел конфликт с Китаем. Всех русских уволили с КВЖД. Мать и дочь перебрались в Харбин. Сняли комнату у машиниста паровоза Шепелева Константина Михайловича. У Шепелевых была большая квартира, в которой одну комнату «мама сняла с полным пансионом». Арсений Иванович часто приходил к ним. По вечерам играли в карты в «пьяницу». Помнила Наталья Арсеньевна, как сын хозяев приехал из Шанхая и привез радиоприемник РВ-15. Это была для окружающих сенсация. Радиоприемники тогда были редкостью.

Потом жили в доме купца Ягунова в Новом городе (старый район Харбина). В саду при желсобре (железнодорожное собрание) иногда давали концерты. На один из таких концертов пошли все вместе: Арсений Иванович, мама и Наташа. Но Наташа усиленно портила им вечер, хныкая: «Пойдем домой, пойдем домой», и — испортила.

Еще эпизод. Жили вдвоем с мамой. В сочельник пришел к ним отец, а Наташа должна была идти на елку к своей подруге Фальченко Елене. Арсений Иванович пошел с Наташей. Там у Фальченко были одни женщины всех возрастов, в том числе две сестры матери Елены. Одна из них была не замужняя молодая и очень красивая девушка, похожая на знаменитую в те годы артистку. Арсений Иванович танцевал со всеми, но особенно с этой молодой красавицей. Наталья Арсеньевна говорила, что отец очень красиво смотрелся в танце с нею. Подружка Натальи Арсеньевны Елена Фальченко стала потом Богатыревой, живет в Москве, имеет внуков и правнуков, они переписывались постоянно. Богатырева присылала Наталье Арсеньевне свои фотографии. Женщины, родственницы Фальченко, которые были тогда на елке, все приехали в свое время в СССР и все были репрессированы.

И еще. В начале 30-х годов в Харбине многие врачи увлекались поэзией, пытались писать. Арсений Ивано-

вич многим из них помогал, консультировал, подсказывал. Особенно преуспевал врач Жемчужный. Арсений Иванович с ним дружил. У Жемчужного был свой частный небольшой санаторий-профилакторий. Видимо, по приглашению Жемчужного Наташа отдыхала в этом санатории, а отводил ее туда — отец. Сохранилось несколько фотоснимков этого периода. Несмотря на то что родители разошлись, отец часто встречался с дочерью.

В 1935 году КВЖД продали японцам. Начался великий исход русских из Харбина. У кого были деньги, те уезжали в США, Францию, Австралию. У кого их не было, ехали в Шанхай или возвращались на Родину в СССР. Екатерина Владимировна нисколько не задумывалась, куда ей ехать. Она хотела на Родину. У Наташи должна быть Родина. Наташе было уже 15 лет, когда она простилась с отцом. У Арсения Ивановича в этот момент была уже другая женщина (Анна Кушель). И хотя из нее так и не получилось жены и они очень скоро расстались, но именно в этот момент, когда решался вопрос об отъезде, Арсений Иванович был с нею. Может быть, и это ускорило их отъезд. Для самого Арсения Ивановича пути на Родину не было. Хотя его очень часто охватывало желание хоть в каком-нибудь медвежьем углу поселиться, лишь бы в России.

Из Харбина они возвращались в теплушках бесплатно. Ехали семьями вместе со всеми вещами. Их с мамой поместили в вагоне вместе с большой семьей. В теплушках стояли кровати. Еду готовили на керосинках. Наташа с мамой спали на одной кровати. Из Владивостока вглубь страны состав двигался медленно. На некоторых станциях часть едущих высаживали и определяли на жительство в намеченных заранее пунктах. Екатерине Владимировне «светила» какая-то Балахна, которую она совсем не знала и не хотела. Ей удалось задобрить женщину-распределительницу. Она отдала ей свои украшения и получила свободное распределение. Они поехали в Москву, где у Екатерины Владимировны были родственники: сестры и брат.

Сама Екатерина Владимировна была из Тобольска, из многодетной семьи. У ее родителей, Владимира Флегонтовича Худяковского и Александры Петровны (в девичестве Романовой) было 11 детей. При рождении одиннадцатого ребенка, Гавриила (Гаврюшки, как выразились родственницы), Александра Петровна умерла в 1905 году. Первым ребенком в семье была Елизавета, 1886 года рождения. Потом почти каждый год рождался следующий ребенок: Елизавета, Александр, Лидия (1888 г.), Михаил, Нина, Николай, Екатерина (1894 г.), Константин, Софья (1899 г.), Елена (1903 г.), Гавриил (1905 г.).

Когда Екатерина Владимировна с Наташей приехали в Москву, там на этот момент жили: Елизавета, Лидия и Елена. Брат Константин жил в селе Глубоком Серебряно-Прудского района в 300 км от Москвы. У него было трое детей и, по словам Натальи Арсеньевны, «там царил нищета». Одна из сестер, Софья, еще в Гражданскую войну вышла замуж за офицера, чеха, и уехала с ним за границу, в Чехословакию. Там и осталась жить. Об остальных я совсем ничего не знаю.

Таким образом, возвратившимся могли помочь только Елизавета, Лидия и Елена. Почему не помогла им Лидия — не знаю. А у Елизаветы у самой были проблемы. Она еще до революции вышла замуж, как выражались родственники, за богатого еврея. Уехала с ним в Париж. Там разошлась с ним и вышла замуж за революционера, партийца Никольского. После революции они сразу возвратились в Россию. И все у них было нормально, но вдруг в 1934 году (или в 1935 г.) у них арестовали сына.

Харбинские поэты (слева направо): Василий Обухов, Михаил Шмейссер, Арсений Несмелов, Алексей Ачаир. Поэтессы: Елена Даль, Ариадна Ней

Елизавета ходила по инстанциям, обивала пороги, пытаясь его вызволить. Ей не до прибывших из Харбина. Елена работала где-то машинисткой, жила в крохотной комнатухе, здесь тоже царил нищета, но именно Елена приютила Екатерину Владимировну с Наташей в самое первое время. Потом родственники сняли им какое-то жилье. Сначала Екатерина Владимировна устроилась в какое-то издательство, потом — в вечернюю школу рабочей молодежи в Доме Союзов. Наташа заканчивала школу.

В 1937 году, 4 октября, Екатерину Владимировну арестовали. Тогда же арестовали и сестру Елену. Елене дали 10 лет. Екатерину Владимировну осудили на 8 лет и отправили в Коми АССР в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь. Поступила туда она 4 января 1938 года. Лагерь находился на территории рабочего поселка Ухта. Пробыла она в нем до 14 ноября 1945 года. Срок свой она отбыла до минуты. При освобождении из лагеря ей выдали «Справку № 9512», из которой видно, что освобожденную отправили поездом в г. Бийск Алтайского края. «Справка» была единственным ее документом. Ни денег, ни продуктов. Но ее обязаны были довести до Бийска и довели. Почему именно в Бийск? Потому что там в это время находилась Наташа. Она там работала. Наталья Арсеньевна никогда не говорила о Бийске, о том, как и почему она там оказалась.

Наталья Арсеньевна была очень скрытным человеком. Однажды Иннокентий Николаевич Пасынков, тот самый, на глазах которого умирал Арсений Иванович Митропольский, написал ей, что хочет заняться реабилитацией Арсения Ивановича, но она расстроилась: «Он сделает только хуже. «Они» испортят память об отце и до меня доберутся», — твердила она. Никакие мои заверения, что теперь никто не станет ее тревожить, что все это уже давным-давно история, ее не убеждали. Страх, многолетний страх жил в ней, делал ее скрытной. И все же хоть чуть-чуть, но она мне рассказывала о себе, правда, очень редко. То, что я знаю о ней, сложилось по крупицам из ее рассказов, писем родственников, подруги, а также из документов.

Когда арестовали Екатерину Владимировну, никто из родственников не захотел приютить Наташу. «Где же вы жили?» — спросила я. — У подруги». И все. Никаких подробностей.

Через четыре месяца после ареста матери, уже в 1938 году, она пошла работать на фабрику эндокринных препаратов, сначала пробщицей, потом лаборанткой. Она взяла фамилию матери — Худяковская. Закончила школу. В 1940 году поступила в Московский институт тонкой химической технологии на вечернее отделение, на факультет «Технология резины». Однако проучиться ей удалось только два семестра. Я спрашивала ее, почему она недоучилась. Ответ: «Из-за матери. Ну и, конечно, война».

Она жила и работала в Москве, но 6 октября 1941 года была освобождена от работы на фабрике «ввиду эвакуации». Однако в эвакуацию она почему-то не уехала. Возможно, эвакуирована была фабрика, а она осталась в Москве. 8 декабря 1941 года ее приняли на работу в Институт органической химии Академии наук СССР в качестве лаборанта. С этим институтом ее судьба будет связана до августа 1945 года. В эвакуации Наташа Худяковская (и часть института тоже) была в Казани. Именно здесь, в Казани, 8 июля 1942 года она вступила в брак с Чистяковым Георгием Александровичем.

Он был из профессорской семьи, работал в системе Академии наук СССР. Кем — не знаю. В быту его чаще звали не Георгием, а Юрой. Сохранилась интересная справка, «выданная 10 июля 1941 года сотруднику АН СССР тов. Чистякову Георгию Александровичу в том, что он временно переводится для работы на периферию и на основании Постановления Правительства от 2 июля 1941 года за тов. Чистяковым Георгием Александровичем сохраняется жилая площадь, занимаемая им и его семьей в г. Москве по Сретенке, д. 36, кв. 3. Домоуправление в лице управляющего домом несет полную ответственность как за сохранность указанной жилплощади, так и за все имущество, лично принадлежащее тов. Чистякову Г.А. и его семье, сданное на хранение управляющему домом по описи...». Далее говорилось, что Чистяков освобождается от квартплаты и т.д. «Справка» — на бланке АН СССР, подписана вице-президентом АН СССР, все печати и подписи есть. Из этой самой периферии, а потом и с фронта Георгий Александрович слал Наталье Арсеньевне в Казань почтовые открытки и письма. Их сохранилось — 14. В каждом послании он беспокоился о ней, о еще не родившемся ребенке, а позже (с фронта) — о сыне. Видно, что он очень ее любил. 19 сентября 1942 года его призвали в армию, на фронт. 20 октября 1942 года в Казани у них родился сын, Александр Георгиевич Чистяков. Мы не знаем, как пережила это тяжелое время Наталья Арсеньевна. Ей в 1942 исполнилось только 22 года. Она в эвакуации, беременная, потом — с только что родившимся ребенком, с переживаниями об ушедшем на фронт муже. И голод. Сама она об этом ничего не рассказывала, ни слова. Но когда стала говорить мне, где погиб ее муж, долго плакала. Потом она четко назвала адрес: Днепропетровская область, Можняковский район, поселок Белолужский. И сказала, что она туда ездила. Георгий Александрович Чистяков погиб 18 января 1943 года, а 20 января — умер их сын Саша. О гибели мужа она сначала узнала от его друга, а «Извещение» пришло лишь в 1944 году. Как пережила она это лихое время? Кто помогал ей выжить? Когда она покинула Казань? Не знаю.

Уже позже стало известно, что жила она в квартире мужа на Сретенке. Родители мужа очень хорошо к ней относились, как к родной дочери, а она их почитала всегда. В каждый отпуск приезжала проведать их, а потом прилетала из Верхней Пышмы и на свои деньги похоронила сначала свекра, потом — свекровь.

В начале 1945 года Наталья Арсеньевна живет в Москве с родителями погибшего мужа и работает в Институте органической химии АН СССР Нины Константиновны Худяковской.

10 августа 1945 Наталья Арсеньевна вдруг увольняется с работы ввиду выезда из Москвы по семейным обстоятельствам.

Уже 25 августа она принята на работу на Бийский мясокомбинат в цех органопрепаратов на должность сменного химика. И ждет маму. Они встретятся и какое-то время будут вместе.

Но Бийск — не конечная остановка в жизни Екатерины Владимировны. Ей хочется в Москву, однако родственники от этого не в восторге: никто не решает ее принять, особенно Елизавета. Да и не разрешено Екатерине Владимировне жить в Москве. Пройдет еще год и 8 месяцев, пока в отношении ее не вынесут окончательного решения. Приказом Министерства просвещения РСФСР за № 762 ее определили в Курган, в распоряжение Курганского ОблОНО. Но и в самом областном Кургане ей жить запрещено, и она едет дальше, в село Чаши, где будет 10 лет преподавать сначала в семилетней сельской школе, потом — в молкокотехникуме. Наташа ее отвезла, но там не осталась. Она увольняется 2 января 1947 года с Бийского мясокомбината и 14 июня 1947 года поступает на Орский мясоконсервкомбинат химиком в лабораторию. До сих пор она носила фамилию матери — Худяковская, но 7 апреля 1950 года получила паспорт на фамилию Митропольская. А перед этим она писала во Владивосток, и ей оттуда прислали «Свидетельство о рождении», на основании которого она и получила новый паспорт с фамилией отца. Они с мамой решили поднакопить денег, чтобы Наташа смогла пойти учиться в высшее учебное заведение на дневное отделение.

Она сдала экзамены на химический факультет Уральского госуниверситета, поступила на первый курс. Училась хорошо, без «троек», с преимуществом «пятянок». На своем курсе она была самая старшая, ей уже 32 года. Она рассказывала мне, как много ей приходилось работать в лабораториях УрГУ с химикатами, при этом почти полностью отсутствовали какие-нибудь приспособления по технике безопасности. Она испортила там свое горло, которое стало у нее «слабым местом». В июле 1957 года университет закончен успешно: шесть предметов — «хорошо», 19 — «отлично». Теперь перед нею задача: начать работать, получить жилье, обеспечить маме покой и отдых от всего. Екатерине Владимировне уже 63 года.

Еще во время учебы группа девушек-студенток с младших курсов ездила на практику в город Верхняя Пышма, что в 12 км от Свердловска, на вновь созданный завод. Они рассказали, что на заводе нужны инженеры-химики и спектроскописты, что завод совсем новый, может и с жильем что-то получится. Наталья Арсеньевна вспомнила рассказ девушек, съездила на завод, все узнала, и вот в ее трудовой книжке появилась новая (последняя) запись: «Пышминский опытный завод «Гиредмет», 1959 год, 6 августа, принята в центральную заводскую лабораторию лаборанткой пятого разряда». Через месяц — шестой разряд, а через год — и.о. начальника физико-химического отделения цеха, а еще через несколько месяцев — начальник этого отделения. И до конца ее трудовой деятельности уже ничего не менялось. Самым близким человеком, который встретил и помогал первое время освоиться, была Нина Михайловна Скоблина. Наталья Арсеньевна понимала, что Нина Михайловна посвящена через так называемый «первый отдел» в ее личные дела (т.е. знала о матери, об

отце как офицере и т.д.), но отнеслась к этому спокойно и ее устраивало, что знала об этом одна Нина Михайловна, которая в свою очередь оказалась деликатным человеком. Дружеские, добрые отношения сохранились у них до конца жизни Натальи Арсеньевны. Нина Михайловна обязательно бывала на всех днях рождения Натальи Арсеньевны и провожала ее в последний путь...

«Вечер назывался «Без распахнутого окна». Гости и артисты, собравшиеся в музее, были взволнованнее обычного:

*Где ты, летняя пора?
Дунуло и нету,
Одуванчиком вчера
Облетело лето...*

Звучали строчки из поэтического наследия Арсения Несмелова. Был апрель 1997 года. В зале, в первом ряду, сидела хрупкая интеллигентная женщина, которой нелегко давалось спокойствие: рука крепко сжимала носовой платок...

Тогда впервые город узнал ее как дочь известного поэта-эмигранта. Наталья Арсеньевна Митропольская решила в тот год открыть тайну всей своей жизни. Окно было распахнуто. Какого мужества и силы воли ей это стоило, напомнило не только о трагедии одной семьи, но и целого поколения, о котором историки говорят: «Эмигранты первой волны»...

*З. Федотова, Е. Селина,
из газеты «Красное знамя».*

В 1987 году в номере 48-м на странице 25-й журнала «Огонек», редактором которого тогда был Виталий Коротич, представлена поэтическая подборка из произведений четырех поэтов: К. Вагинова, Арго, А. Тинякова и Арсения Несмелова. В маленьком квадратике, отведенном Несмелову, поместился его портрет, уменьшенный до размеров фотографии для паспорта старого образца, даты жизни, справка (вот она: «Жил на Дальнем Востоке. Автор нескольких поэтических книг») и одно стихотворение «Воля» — и все. Как-то никто из нас не обратил на это внимания. Наталья Арсеньевна — тоже. Может, «Огонек» не попал ей в руки? Позже она его разыскала.

Все началось с журнала «Юность», 1988 год, № 9. В разделе «Наследие» была помещена публикация стихов Арсения Несмелова (Митропольского) со вступительной заметкой А.М. Галкина и Р.М. Янгирова «Неизбывен горечи родник». И тут же довольно крупный портрет поэта, как позже выяснилось, из семейного архива Л.И. Хаиндровой. Когда мы прочитали полное имя поэта, тут же решили: это отец Натальи Арсеньевны. Уж очень они были похожи! Я побежала к ней, показала статью с портретом и спросила: «Кто это?»

— Мой отец, — она ответила тихо, сдержанно.

Глаза ее сияли. Мы (пришли ее сотрудницы) шумели, охали, перечитывали стихи, а Наталья Арсеньевна молчала. В сентябре этого года она похоронила свою маму, Екатерину Владимировну Худяковскую. Помогали ей все, как могли. Особенно ее сотрудники и завод. Наталья Арсеньевна очень остро переживала эту смерть. Нервы ее были взбудоражены. Они много лет жили вдвоем с матерью. Теперь она осталась абсолютно одна. А тут этот журнал. Екатерина Владимировна немного (совсем немного!) не дожила до этого момента. Ей было уже 93 года, шел 94-й.

Наталья Арсеньевна Митропольская
и Екатерина Владимировна Худяковская

В этом же месяце (в сентябре) выходит журнал «Знамя», и тоже с Арсением Несмеловым. Публикацию осуществил Леван Хаиндрава. В ноябре 1988 года выходит журнал «Октябрь», № 11, а в нем — снова Арсений Несмелов. Публикацию подготовил Евгений Витковский.

Наталья Арсеньевна разыскала его, побывала у него дома. Витковский уже тогда много лет занимался разысканием наследия Несмелова и совсем не подозревал, что где-то есть его дочь. Он был очень удивлен, подарил ей две книги с дарственными надписями.

Позже между ними завязалась переписка, а скоро Витковский занял в жизни Натальи Арсеньевны исключительное место. В последние годы (1989 — 1999) Витковский был в центре ее духовной жизни. Она на него молилась. Она часто говорила мне: «Вы представляете, какую работу он провернул!»

Она ему писала и звонила часто. А уж когда вышла в свет книга Несмелова «Без Москвы, без России» и она получила ее, то первое время почти не выпускала из рук. Она могла легко цитировать из статьи Витковского «На сопках Маньчжурии», прочитав наизусть то или другое стихотворение отца. Письма Витковского она перечитывала помногу раз, предлагала мне читать их ей вслух и, пока могла, все писала и писала ответы. Потом, когда она стала забывать слова, не могла построить предложения, она стала поручать составлять письма мне, а потом, уже нетвердой рукой, переписывала мои тексты. Часто я их после переписки не узнавала, т.к. она теряла слова и т.д. Потом она полностью поручила мне писать, только требовала зачитывать текст. Когда пришло последнее письмо Витковского (уже на мой адрес), Наталья Арсеньевна была очень слаба. Но еще ходила и строила различные планы. Мы поговорили с ней и решили, что надо оформить права наследования на публикации Несмелова Витковскому. Я предложила составить текст, хотя бы произвольный, лишь бы была ее рука на бумаге, хотя бы подпись. Но она что-то задумалась, сказала, что, конечно, оформим, только чуть подождем, может, она сумеет сделать это с нотариусом. Мне надо было уезжать на неделю в Каменск-Уральский. Но когда я вернулась, она была уже без сознания. Окружающих это не удивило. Ей было 79 лет, и все пожимали плечами: «А что вы хотите?». Но насколько я знала ее, была уверена, что она еще какое-то время «протянет». Ругаю себя, что уехала.

Витковский помог Наталье Арсеньевне связаться с

Валерием Перелешиним, который сотрудничал с Витковским, хоть и жил в Бразилии. У Натальи Арсеньевны сразу же завязалась с ним оживленная переписка. Ведь Перелешин лично знал Арсения Ивановича и встречался с ним в те годы, когда Наталья Арсеньевна с мамой уже уехали из Харбина. Валерий Перелешин родился в 1913 году в Иркутске. Был он из старинного польского рода. Настоящая фамилия — Салатко-Петрище. В детстве мать (журналистка Сентянина Евгения) увезла его в Харбин. Писать стихи Валерий стал рано, печататься — в 14 лет. Его «крестным отцом» в поэзии был Арсений Иванович Несмелов. Он тогда был редактором страницы юного читателя газеты «Рупор». Сентянина знала Арсения Ивановича, брала у него интервью и сама представила ему своего сына. В Харбине Перелешин (это он взял себе такой литературный псевдоним) жил до 1939 года. Потом — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, а с 1953 года — Бразилия. По специальности — китаевед. Наталья Арсеньевна писала ему, спрашивала об отце, об Анне Кушель (жена Арсения Ивановича после Екатерины Владимировны), об общих знакомых, о стихах отца, ей все было интересно. Перелешин охотно и подробно отвечал. Прислал ей свою фотокарточку, маленькую, как на паспорт старого образца. Извинялся, что такая.

Интенсивная переписка была у нее с Иннокентием Николаевичем Пасынковым, который, как уже упоминалось, был свидетелем смерти Арсения Ивановича в пересильной тюрьме в Продеково в 1945 году.

Но ближе всех для нее был все-таки Александр Владимирович Колесов. Адрес Натальи Арсеньевны дал Колесову Витковский. Первое письмо от Колесова пришло в сентябре 1990 года. Тогда во Владивостоке готовились издавать альманах «Рубеж», первый номер которого вышел в 1992 году. Колесов был и есть его главный редактор. Об этом альманахе и было его первое письмо, т.к. в него входил материал о Несмелове. Переписка длилась вплоть до смерти Натальи Арсеньевны.

В последние годы жизни Наталья Арсеньевна резко изменилась. Раньше она всегда готова была пойти на прогулку, поехать автобусом к озеру, отправиться в театр или на концерт. Теперь отгородилась от всего и целыми днями сидела, уткнувшись в книгу или в лист бумаги. Она жадно искала в стихах упоминания или намеки на мать или на себя. Ей хотелось удостовериться, что отец их не забыл. И читала, читала, читала. На мои просьбы отдохнуть она раздраженно и плаксиво говорила: «Ну что вы можете понять?! Вы не видите, что мне ничего не интересно, кроме отца, его стихов, его жизни мученической!»

Мы видели, что это начало заболевания, но сделать ничего не удавалось. Она не слушала ни меня, ни своих бывших сотрудниц. Кончилось это инсультом в апреле 1990 года.

Оправившись от инсульта, она стала меньше читать, переписку переложила на меня, но интересы ее остались те же: отец и его творчество. Три литератора: Витковский Евгений Владимирович, Перелешин (Салатко-Петрище) Валерий и Колесов Александр Владимирович — составляли сердцевину духовной жизни Натальи Арсеньевны в последнее ее десятилетие. Все они были связаны с творчеством ее отца. Она каждый день кого-то из них вспоминала.

А письма все приходили.

Из Хабаровска писал журналист Игорь Литвиненко. Хотел встретиться, но почему-то не получилось. Хабаровский литератор Алексей Плаксий прислал запрос

в отдел культуры администрации нашего города с просьбой помочь найти дочь известного поэта-харбинца Арсения Несмелова, «которая живет в вашем городе». Вот после этого и в нашем городе, наконец, узнали, что тут действительно живет дочь большого поэта. А никто об этом не знал, даже те, кто был знаком с Натальей Арсеньевной длительное время. Вот так она «законспирировалась».

Из последних писем, пришедших к Митропольской, наиболее интересным было письмо китайки Ли Мэнг. Она просила у Натальи Арсеньевны доверенность для того, чтобы ей, Ли Мэнг, выдали личное дело Арсения Ивановича из архива ФСБ Московской области. Только иностранка могла докопаться и узнать, где хранятся документы Митропольского. Это или что-то другое вызвало у Натальи Арсеньевны вспышку гнева, и все время она была агрессивна настроена при упоминании имени Ли Мэнг. Чуть-чуть успокоилась, когда Витковский сообщил ей, что сотрудничает с Ли Мэнг. Но отвечать ей не захотела. Сама Ли Мэнг в США готовит докторскую диссертацию в Чикагском университете. В Россию приезжала собирать материал о Несмелове.

В последние месяцы жизни Натальи Арсеньевны я (по ее просьбе) рассылала в разные адреса просьбу прислать документ, удостоверяющий факт и дату смерти Арсения Ивановича. Писали в Хабаровск, во Владивосток, в Москву. Но отовсюду приходили ответы, что в их архивах материалов о Митропольском (Несмелове) нет. Мы все ведь располагаем только свидетельством очевидца, хоть и очень добросовестного, но все же это не официальное свидетельство. А она пыталась найти документы, считая, что в КГБ (ФСБ) все равно были таковые. Но мы не успели. Кто-то другой доберется до этих документов.

Каждый прожитый ею день последних лет был отдан отцу. Только о нем она думала, только с ним были связаны любые ее поступки. Она была одержима популяризацией его имени и очень хотела, чтобы на Урале, в Екатеринбурге или в Верхней Пышме вышел бы сборник его произведений. А я, глядя на нее, каждый раз думала: «Знал ли Арсений Иванович хоть что-нибудь о судьбе жены и дочери, находясь там, в Харбине? Вряд ли, конечно. Но вспоминал их, думаю, не раз:

А ведь были ж в моем былом
И жена, и лото, и кошка,
И маячило огоньком
В чью-то ночь и мое окошко.

И такая меня тоска
Разрывала тогда на части,
Что на удочки рыбака
Променял я все это счастье.

И теперь я свободен, как
Ветер, веющий взмах за взмахом,
И любой мне не страшен мрак,
И смеюсь я над всяким страхом.

И когда мне беззубым ртом
Смерть подскажет судьба-гадалка,
В этом мире, уже пустом,
Ничего мне не будет жалко!

А. Несмелов
Из стихотворения «У чужого окна». — «Рубеж»,
1944 г., № 30 (835)

ЯБЛОКИ из сада Чуковского

Людмила КЛИПЕЛЬ

1 апреля в 1882 году родился великий сказочник Корней Иванович Чуковский. Вообще-то его фамилия была Корнейчуков, а звали Николай Васильевич, и день рождения его пришелся на 31 марта. Но больше всего на свете он ненавидел рутину и бюрократический штамп, а признавал все необычное и выразительное. Может, поэтому еще до революции придумал себе из фамилии матери литературный псевдоним, который впоследствии стал его настоящим именем. Великие люди могут себе это позволить. А с днем рождения было проще: писатель всегда отмечал его в День смеха. Такой он был веселый человек. Я познакомилась с дедушкой Корнеем в Переделкино. Ему тогда исполнилось 75 лет. И знакомство наше произошло при весьма неблагоприятных, можно сказать, позорных для меня обстоятельствах...

Корней Чуковский с детьми. Переделкино, 1966

Письмо Ворошилову

Моего отца послали учиться в Москву на Высшие литературные курсы при Институте имени Горького. Он, единственный из всех слушателей, приехал с женой и тремя детьми. Папу никак не хотели прописывать в столице, пока он не написал разгневанное письмо Ворошилову. Мол, мы с женой фронтовики, отдали по пять-семь лет своей жизни защите Отечества, участвовали в боях за Москву, а теперь, когда пришла пора подучиться, нас выдворяют. И где

справедливость? Раньше имена полных Георгиевских кавалеров вписывали золотыми буквами на кремлевских стенах, а меня, имеющего два Ордена Красного Знамени и равноценный Отечественной войны 1 степени и другие награды, не могут прописать даже временно, возмущался в письме отец. Через два дня пришла открытка: «Явиться в областное управление милиции». Мама была в ужасе: «Ну что, сушить сухари на передачи?». Отец в тревоге поехал в милицию. Но оказалось, что ему разрешили временную прописку.

Сначала нас приютил папин фронтовой друг Володя Родин. Он жил в Марфино и работал в кремлевском санатории поваром. У него были израненные осколками, штук по четырнадцать в каждой, руки, работали только большие и указательные пальцы. Ему хотели отнять кисти, но он не согласился. Отец рассказывал, что в госпитале Родин большим кухонным ножом резал на лапшу свернутую в трубочку газету. Из глаз его текли слезы, а от невыносимой боли заходило сердце... В Марфино он угощал нас грибами собственного посола. Тогда в детстве они мне не понравились, скользкие, сопливые. Но, повзрослев, я сожалела, что не распробовала, как следует, грибы,

КЛИПЕЛЬ Людмила Владимировна. Родилась в Порт-Артуре (Китай) в 1945 году. Окончила Хабаровский государственный педагогический институт, работала редактором в разных книжных издательствах, заместителем ответственного секретаря в газете «Приамурские ведомости». В журнале «Словесница Искусств» публикуется впервые.

засоленные кремлевским поваром. А лук он молниеносно нарезал такими тонкими кольцами, что через них можно было читать.

Яблоки плохими не бывают

После Марфино, где я успела поучиться в пятом классе, мы перебрались в Чоботы, а потом уже в общежитие городка писателей в Перedelкино.

Нам дали комнату, и пока отец с мамой раскладывали вещи, меня с Алешей, младшим братом, отпустили погулять. Мы в телячьем восторге «выстрелились» из подъезда и понеслись сломя голову. Перелезли через несколько заборов и очутились в саду. А там, на деревьях, столько яблок! У нас глаза разгорелись. Алеша мигом залез на дерево, а я стояла внизу и складывала зеленые плоды за пазуху. Мы так увлеклись, что не заметили, как к нам подошел старик. Высокий, с белоснежным чубом, косо спадавшим на лоб, он каким-то необыкновенным голосом спросил: «Дети! У вас животы не заболят, яблоки-то еще зеленые?». Ничуть не смутившись, мы тогда не поняли, что грабим чужой сад, я ответила, что на Дальнем Востоке, там, откуда мы приехали, растут вот такие, маленькие яблочки, и показала кончик пальца. А здесь — крупные! Старик смотрел на нас и улыбался. Где-то я видела этот чуб и его большой нос, и спросила: «А вы случайно не из Хабаровска?». Дед засмеялся: «Нет! Ну ладно, рвите яблоки, если они вам нравятся, только не ломайте веток, хорошо?». Мы с Алешей в один голос дружно заверили доброго дедушку, что ни одну веточку не сломаем. Откуда нам было знать, что этот старик просто обожает озорников.

Книжкины Айболиты

Скоро я пошла в новую школу, в шестой класс. Через месяц классный руководитель объявила: «Ребята, надо помочь детской библиотеке Чуковского починить старые книжки. Пойдут лучшие ученики, у кого нет троек!». А у меня была тройка по английскому языку, потому что в пятом классе я поменяла несколько школ, учила то немецкий, то английский, и постоянно путала эти алфавиты. «Я исправлю тройку! Разрешите мне тоже помочь Чуковскому!». Учительница смилостивилась. Оказалось, библиотека была почти рядом с нашим общежитием. Такой одноэтажный зеленый домик с финскими ставнями. Не без трепета переступаю порог библиотеки, еще бы! Я увижу самого Чуковского! Да я все его стихи знала наизусть, у нас дома было полно его книжек! А почти в каждой были карикатуры писателя, где его рисовали долговязым и смешным, с черным чубом и щеточкой усов.

На стенах библиотеки висели большой портрет Крокодила, разные игрушки и большой надувной зеленый аллигатор. Я старательно латала корешок какой-то книги, как вдруг учительница объявила:

«Пришел Корней Иванович!». Поднимаю глаза и не верю, да это тот самый дедушка, который разрешил нам рвать яблоки! Вот почему он показался мне знакомым! Просто сейчас он седой и у него нет усов! Мне стало не по себе, просто «стыд и срам» обьял меня до кончиков ушей. Я спряталась за спину какой-то девочки в надежде, что писатель меня не узнает. «А, вот и наша дальневосточница! Здравствуй!» — весело сказал Чуковский. Я потеряла дар речи. «Ну что ты растерялась? Как учишься?» «Да, плохо, — брякнула я честно, все равно учительница расскажет, — у меня тройка по английскому». «Да, это никуда не годится, — согласился Корней Иванович, — приходи ко мне, будем заниматься». «А вы что, знаете английский?» — наивно спросила я. Мне тогда было невдомек, что Чуковский еще и переводчик, хотя к тому времени я перечитала приключения и Тома Сойера, и Гекльберри Финна, и Робинзона Крузо. Что переводчиком и редактором этих книг был Корней Иванович, я узнала позже.

Встреча с полярниками

Мы с моей новой подружкой Валею Гурочкиной стали ходить к Чуковскому. Валина мама работала уборщицей в перedelкинском Доме творчества писателей, а отца у девочки не было. Они жили бедно, и Корней Иванович часто помогал им. Валя его хорошо знала, он даже купил ей новое зимнее пальто. Занимались мы на втором этаже его дома, в кабинете писателя. Это была просторная и очень светлая комната. Диван в полотняном чехле, огромный стол и много книг. Был еще небольшой столик, на нем стояла хрустальная ваза размером с ведро и лежал прозрачный нож из стекла или хрустала в оправе из крученой серебряной проволоки. Если посмотреть в торец рукоятки, можно было увидеть здание Большого театра. Скорее всего, эти вещи подарили ему на юбилей. Чуковский, как и мой отец, терпеть не мог мешанства. Еще в юности Корней Иванович дал обет: никогда не иметь мягкой мебели, гостиной и шелковых абажуров.

Однажды во время занятий к Чуковскому приехали гости. Его племянница, женщина зрелых лет, хотела нас выпроводить, но писатель не разрешил: «Не надо, пусть останутся, детям это будет интересно». И действительно, через несколько минут в его кабинет вошли молодые бородатые мужчины. Это были полярники, которые вернулись из Антарктиды. Они показывали огромные черно-белые фотографии и рассказывали о жизни на Южном полюсе. Мы слушали, разинув рты. Больше всего меня поразили пингвины. Я впервые увидела этих толстых черно-белых птиц на снимках. Две самки стоят друг против друга и словно беседуют, а на животах, в сумках, малыши-пингвинята с раскрытыми клювами дерутся. Эта фотография просто впечаталась в мою память. Полярники рассказывали много такого, о чем в 50-е годы мало кто знал. Это теперь Антарктидой даже ребенка не удивишь.

Переделкинские проказы

Вообще жизнь в Переделкино казалась мне сказочной, как будто снится хороший сон. В общежитии мы жили весело. Нашими соседями были поэты азербайджанец Халил Рза и армянин Нориман Гасан-задэ. Они приехали со своими юными женами, едва справив свадьбы. Болтали, что Нориман за свою высокомерную красавицу Сару отдал выкуп 20 тысяч. Но нам с Алешей больше нравилась жена Халила — с необыкновенным именем Фрянгиз. Взрослые ее звали Фирой. Мне это резало слух, оно ей не подходило. Пухленькая кудрявая хохотушка, она была как ребенок, и с нами общалась с удовольствием. На втором этаже жил калмык Давид Кугульгинов. Квадратный, с огромной головой, поросшей редкими волосами, он, несмотря на суровую внешность, был обаятельным человеком. Его русская жена Алла почти каждый день меняла шляпки. Сколько она их привезла с собой, не знаю. Но шляпки были удивительно красивые. Мне бы хоть одну такую!

Фрянгиз, Сара и моя мама по воскресеньям устраивали обеды. Каждая, когда была ее очередь, готовила какое-нибудь национальное блюдо. Но больше всего нам, детям, нравились кушанья Фрянгиз. Им из Азербайджана часто присылали посылки. Она вечно что-нибудь ела, за что Сара ее презирала. Фрянгиз всегда угощала нас фруктами, яблоками и айвой. Мы вместе ходили по вечерам кататься на коньках на улицу, где жил Чуковский. Во всем Переделкино не было более красивой улицы. Первая дача на ней принадлежала Паустовскому. Она, заросшая сумрачными елями, всегда пустовала. Второй шла библиотека, сразу за ней дом Чуковского. Обе стороны улицы утопали в роскошных деревьях, их кроны смыкались, образуя зеленый или белоснежный, в зависимости от времени года, тоннель.

Если бы я тогда знала, что Корней Иванович страдает бессонницей! Мы же, как черти, с дикими воплями носились допоздна под окнами его дачи. Фрянгиз нам не уступала в разных дурачествах. Усталые, мы валялись на обочину, прямо в сугробы, она доставала из карманов фрукты и учила нас правильно их есть. Яблоко или айву макаешь в снег и грызешь, вкусно! Часто нам встречался Корней Иванович. С какими бы знатными гостями он не прогуливался, обязательно останавливался и разговаривал с нами. Он был всегда элегантен. В пальто с шалевым воротником и папахе пирожком дедушка Корней казался мне самым красивым, добрым и деликатным (ни разу не напомнил о воровстве яблок) жителем этого чудесного городка.

Варвара краса, толстая коса

Дорога в школу была длинной, километра три. Причем проходила она под горой, на которой стояло знаменитое переделкинское кладбище. Мы боялись мертве-

цов и поодиночке в школу не ходили. Я училась в одном классе еще и с внучкой писателя Федина — Варей Роговиной. Обычно мы с Валей Гурочкиной заходили сначала за Варей, а потом троим шли в школу. Я терпеть не могла дачу Федина, с глухим забором в человеческий рост. За ним по натянутой проволоке носились на цепях злобные псы. У Федина были садовник и домработница, они жили в отдельном флигеле. Кто-нибудь из них открывал на звонок нам калитку. Собаки чуть-чуть до нее не дотягивали, оглашенно лаяли, и их слюна даже попадала на наши голые ноги. Домработница пропускала нас в дом, на кухню, где завтракала несчастная Варя. Обычно она ела вареные яйца. Не знаю, может, она их любила, но мне так не казалось. В это время чужая тетка, а не мама, заплетала ей косы. Варя кривилась и плакала, потому что волосы у нее были густые и кудрявые. Ни у кого в школе не было таких толстых кос. А ее мать, почти всегда в пижаме, выглядывала с площадки второго этажа и просила Варю не капризничать. Бедная девочка, ей никто не варил кашку, не пек горячие блинчики на завтрак, как это каждое утро делала моя мама.

Мы никогда не проходили дальше порога и нас ничем не угощали. Мне было противно стоять у входа, вспоминалось «Детство. Отрочество. Юность» Льва Толстого, так стояли когда-то приглашенные барином крестьянские дети в его хоромах. Только однажды, на Пасху, Варя разрешила привести в дом своих подруг. Впервые мы вошли в ее комнату — кровать, стол и стеллажи, уставленные куклами, которых дед привозил ей со всего света. «Их нельзя трогать», — смущенно пояснила Варя. На прощание она подарила нам по пасхальному яйцу с немецкими переводными картинками в виде черных ангелочков.

...Как-то поздней осенью внучка заметила на кухне муху. «Баба, почему ты ее не убьешь? Она же переносчица заразы!» — возмутилось мое маленькое сокровище. «Полюшка, это не простая муха, а Муха-Цокотуха. Она шла-шла-шла и ко мне в гости зашла». Ребенок задумался. С тех пор, приходя в гости, внучка первым делом осведомлялась: «Как поживает твоя Муха-Цокотуха?». А насекомое долго поживало у меня и даже стало ручным. «Иди, поешь сахарку!» — и Цокотуха послушно летела на зов.

Когда Чуковский создавал эту сказку, на него снизошло божественное вдохновение. Бумага кончилась, он оторвал полоску отставших обоев и дописывал на них. При этом 42-летний отец семейства носился по пустой квартире, нелепо приплясывая и выкрикивая строчки...

Чуковский признавался, что в начале двадцатых годов прошлого столетия, когда появились его сказки, ему и в голову не приходило, что он доживет до той поры, когда дети, для которых эти сказки написаны, превратятся в седых стариков и будут читать их своим внукам и правнукам. Тридцать пять лет прошло, как нет с нами старого сказочника. Его книги читали в детстве мои родители, разменявшие девяностый десяток лет, потом я, затем моя дочь, а теперь мы читаем их внучке.

Александр ТРИПОЛЬСКИЙ родился в 1972 году в Комсомольске-на-Амуре. Живет и работает в родном городе. Александр – мастер производственного обучения в профессиональном училище №18. Заочно учится в Комсомольском-на-Амуре государственном педагогическом университете на естественно-графическом факультете.

Знаковость повседневности

Ольга ПРИВАЛОВА, искусствовед

(Комсомольск-на-Амуре)

Фото Владимира МЕРИНОВА

В наше время дегуманизированная реальность являет странные сказочные фантомы, которые вышли из созданного человеком виртуального мира игры идей разного порядка и успешно сосуществуют физически и ментально. Традиционный контекст «маленького человека» потерял границы «я и другой мир»: взаимосвязи перепутались, реальность стала вдруг проницаемой и беззащитной в открытости, все более и более трансформируясь в сложную образность с ощущением необратимости к ясному порядку. Повседневность обрела знаковость.

Возможна ли сегодня актуальная поэзия, где отражались бы время, мысли и лирические проявления современного человека без идеологического пафоса и отрешённой рефлексии. Возможен ли сегодня стих как синтез наблюдений и возможных выводов, размышлений, лирического откровения до исповедальности, а значит та философская образность реальности, которая остро диалогична. Да, в России это подтверждают столичные концептуалисты.

Мы хотим представить такие фрагменты из творчества начинающего дальневосточного автора Александра Трипольского. Его поэзия, в основном, представляет традиционное лирическое направление, но все чаще из-под пера появляются другие строки — концептуального характера.

Я пингвин

Я живу на леднике,
Жизнь моя на волоске,
А вокруг одна вода.
Дом построен из льда,
Льдом питаюсь, льдом живу,
Лед во сне и наяву —
В холодильнике теплей.
Только дом мне мой милей:
Это Родина моя —
Ледниковые края.
Здесь родился,
Здесь умру,
В январе да поутру...
А пока живу, как жил.
Много льда я пережил
И скопил немного льда
На тяжелые года.
В общем, нравится мне тут:
Да ледник не так уж крут,
Правда, мерзну иногда,
Остальное — ерунда.

Старый палач

Старый палач ушел на покой,
Машет от скуки пустою рукой.
Машет налево, машет направо —
Мир очень груб и грубы его нравы!
Был человек при работе, при деле,
Дети его всегда досыта ели.
Счастлив он был, что идет все, как надо:

Много друзей, и они ему рады.
Думал, что вечно он будет трудиться...
Только вот годы летели как птицы —
Нет уже силы в руках и сноровки,
Верный топор заменили винтовки.
Пенсии мало и не подработать.
Любит жены своей шею он трогать:
Тайно мечтает вернуться за дело —
Смело бы взял топорешку я, смело!
Точит железо, уставшее падать,
Плаху олифит, и хочется плакать.
Мир не поймет, ведь грубы его нравы —
Машет рукой он налево, направо.

2004

Медведь и зонтик

(По мотиву картины хабаровского художника Александра Михалевича)

Он был из плоти и меха,
Чужих советов не слушал,
Без горечи и без смеха
Он все что ни попадя кушал.
Однажды он шел по тропинке
Уставший, наверно, с работы.
И надо ж такому случиться:
Мужик возвращался с охоты.
Они дурака не валяли:
Один взял ружьё, другой — зонтик,
И долго друг в друга стреляли —
Такой завязался вот фронтик.
Но более меткий, мохнатый
Свалил наповал егерешку

Косматой, нечесаной лапой,
Набив ему синюю шишку.
Затем он набил свой желудок,
Закрыв продырявленный зонтик,
Когтями поправил рассудок
И вытер свой скромненький ротик.

2004

Воет за окном зима,
Мерзнут серые дома,
И ночные улицы так тихи...
По озябшей мостовой
Шел трамвай к себе домой.
Были его окна так безлики...
Только редкий свет ночи,
Будто огонек свечи,
С ветром разлетается по снегу.
И восторженный трамвай,
Словно шел он прямо в рай,
Был подобен Ноеву ковчегу.

2004

Неизвестность пугает людей,
Неизвестность движет массами,
Неизвестность — мать всех идей,
Неизвестность — явление не разовое!
Задержу неизвестность я пробками,
Обойду её тихими тропками.
Пусть она где-то там расслабляется,
А меня она пусть не касается.

2003

«ИЗ ТАЙГИ, ТАЙГИ ДРЕМУЧЕЙ»

Поэтический штрих к творчеству Владимира ГИЛЯРОВСКОГО

Сергей КРАШНОШТАНОВ, профессор

Последний раз эту песню я слышал несколько лет назад в исполнении сибирского молодежного хора, расположившегося на берегу реки. По телевидению шла передача «Играй, гармонь», организованная Геннадием Заволокиным. Группа певцов в национальных костюмах громко, с неподдельным подъемом, четко скандируя слова, пела:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой сибиряки.

У каждой народной песни своя судьба. Прежде всего песня является приметой времени, вызвавшего ее к жизни. «Из тайги, тайги дремучей» родилась в Первую мировую войну. Каждая эпоха оставляет после себя музыкальные символы. О Русско-японской войне 1904 — 1905 годов сразу вспоминаются несколько песен, и в первую очередь о гибели крейсера «Варяг». Войну с Германией 1914 — 1916 годов у нас вспоминают нечасто. Что-то сразу не припомню и песен о ней. По крайней мере, такой песней и является «Из тайги, тайги дремучей», распеваемой народом от западных российских границ до Тихого океана в 1915-м и в последующие годы. Особенно она полюбилась в казачьей среде. Благовещенский ученый-краевед Григорий Степанович Новиков-Даурский слышал ее в 1915 году в поезде между станциями Куенга и Приисковая.

Как часто бывает, народная молва нередко распространяет песню быстрее печатных изданий. Не случайно известный сибирский фольклорист Лазарь Моисеевич Элиасов обнаружил ее текст в газете «Уссурийский край» от 7 октября 1915 года без упоминания имени автора.

В Гражданскую войну партизаны переделывали эту песню на свой лад. В 1941г. П.Г. Крекотень в книге «Песни дальневосточных партизан», изданной благовещенским пединститутом, поместил «Здешнюю Амурскую», в которой были заменены слова «сибиряки» на «большевики» и «атаманы» на «комиссары». Готовя сборник «Таежными тропами. Песни и частушки Гражданской войны на Дальнем Востоке» (Хабаровск, 1969), я встречался в Благовещенске с группой бывших партизан, знавших эту песню. В сборнике поместил вариант, присланный в радиокomiteт Благовещенска Н.В. Войтковым. В первой строфе тоже было слово «большевики», а песня заканчивалась так:

Враг Семенов нам не страшен,
Коль возьмемся за штыки
И пойдем в бой рукопашный.
Мы на то большевики.

В. Гильяровский

В 1980 году в книге «Замечательные дальневосточники. В той кипучей борьбе» (Хабаровск) бывший комиссар партизанского отряда И.Т. Воронов рассказывает, что уже в 1919 году у него «складывалась песенка, окончательно сформировавшаяся только в 1932-м». Назвал он ее «Партизанская амурская»:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой большевики.

Ни усталости, ни страха,
Бьются ночь и бьются день.
С красной ленточкой папаха —
Лихо сбита набекрень.

Япоши совсем не страшны,
Коль возьмемся за штыки
И пойдем в бой рукопашный.
Мы на то большевики.

Нас сурово воспитала
Приамурская тайга,
Воды горного Ургала
И таежные снега.

Нет сомнения, что это переделка песни 1915 года. Но она стала литературным фактом. В Амурской области ее часто пели самодеятельные коллективы. Студентка хабаровского пединститута Л.Костюкова записала ее в селе Платово Амурской области. Я обратился к И.Т. Воронову по его московскому адресу с просьбой объяснить, в какой степени он считает себя автором цитированного текста. Ответа не получил.

В Оренбургском крае текст «Из тайги, тайги дремучей» был, соответственно, приспособлен к местным условиям. В

сборнике «Фольклор Чкаловской области» (1940), составленном А.В. Бардиным, первая строфа звучала:

Из краев, краев далеких,
От Урала от реки
Молчаливой темной ночью
Шли уральски казаки...

Одновременно песня 1915 года бытовала в неизменном или несколько сокращенном виде. В 1949 году Г.С. Новиков-Даурский записал ее в той же Амурской области («Тропами таежными»). В 1963 году студент читинского пединститута М. Мадаев услышал песню без двух последних стрóf в селе Доно. 12 ноября 1967 года в газете «Тихоокеанская звезда» Л.М. Элиасов опубликовал песню 1915 года, записанную им во время экспедиции в ЕАО, и перепечатал в сборнике «Фольклор казаков Сибири» (Улан-Удэ, 1969).

Вот точный текст, каким его создал автор в 1915 году:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливой темной тучей
Шли на бой сибиряки.

С ними шла былая слава,
Беззаветна и грозна,
Через Вислу переправа
Забайкальцам не страшна.

Ни усталости, ни страха,
Бьются ночь и бьются день.
Порыжелые папахи
Лихо сбиты набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой поклон передадим.

Нас сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозного Байкала,
Ширь могучего Урала
И сибирские снега.

Дружно в бой на вражьи станы
Всем идти пришла пора,
С ними слиты атаманы
Волги, Дона и Днепра.

Песню я обнаружил в двух сборниках. В 1915 году в Харбине вышли «Солдатские песни Великой Отечественной войны 1914—1915 гг. Собрал В.Крылов». А годом позже, в 1916-м, в Петербурге опубликован «Новейший военный песенник. Прапорщик. Составленный В.И. Симаковым». Составитель — известный фольклорист, собиратель народных песен. Во втором сборнике есть строка, которой нет в первом: «Ширь могучего Урала». В результате строфа выросла до пяти строк. В остальном тексты совпадают. У Крылова песня называется «Забайкальцы». В обоих сборниках автором песни назван Владимир Гиляровский.

Трудно себе представить, что легендарный дядя Гиляй, Владимир Алексеевич Гиляровский — автор народной песни. Но это так. Известно, что Гиляровский писал стихи с юношеских лет. В собрании его сочинений есть и поэтические произведения. Оказывается, в Первую мировую войну эту песню исполнял сам Федор Иванов

Шаляпин, с которым Владимир Алексеевич был в большой дружбе. В репертуаре певца она значилась как «Песня сибирских стрелков». Об этом свидетельствует современник тех давних лет Г.С. Новиков-Даурский. Под записанным им текстом пометка: «Песню эту пел Шаляпин, и были даже граммофонные пластинки его напева» («Тропами таежными». С.126). В книге «Федор Иванович Шаляпин. Статьи. Высказывания и воспоминания о Ф.И. Шаляпине. Т.2» (М.1960. С.504) есть раздел «Концертный репертуар Ф.И. Шаляпина. Народные песни». После «Ах ты, ноченька», «Есть на Волге утес» стоит «Песня сибирских стрелков», затем идут «Степан Разин», «Солнце всходит и заходит», «Ты взойди, взойди, солнце красное». Редактор-составитель Е.А. Грошева замечает: «В списке концертного репертуара Ф.И. Шаляпина указаны лишь те произведения, которые упоминаются в обнаруженных документах (программы, сборники арий, романсов и песен, исполняемых Ф.И. Шаляпиным, газеты и т.д.)».

Случайно ли дядя Гиляй написал «Песню сибирских стрелков»? Не обращался ли он ранее в своем творчестве к сибирской и дальневосточной теме? Оказывается, обращался и не так уж редко. Назовем стихотворения из собрания сочинений Гиляровского. «На севере» (1888) написано после встречи с В.Г. Короленко, вернувшегося из сибирской ссылки. «Владимирка — большая дорога» (1893) — одно из самых популярных в русской поэзии XIX века стихов, описавших тракт, по которому гнали каторжан в Сибирь:

Телеграф гудит высоко,
Полосатая верста
Да часовенка в сторонке
У ракитова куста...

Враг и друг соединились,
Всех связал железный прут.
И под строгим караулом
Люди в каторгу идут...

Стихотворение «В тундре», обнаруженное мной в личном архиве Гиляровского, хранящемся в Московском государственном архиве литературы и искусства, также посвящено этапным бедам арестантов:

Луч ли заронит к нам солнышко ясное,
Быстро в тумане тот луч охлаждается,
Он не осушит болото опасное,
Он бесполезно во мрак затеряется.

Ветер ли теплый к нам с юга свободного
Дунет, неся на поля оживление,
Мы ощущаем лишь ветра холодного
Кровь леденящее в нас дуновение.

Так и шагаешь чрез топь невылазную,
Мыкая горькую долю тяжелую,
И погрузишься в пучину ту грязную,
Стоном закончивши песню веселую.

Гиляровского занимала и тема переселения крестьян из центральных районов России в Сибирь и на Дальний Восток. Стихи «Переселенцы» (1881) начинаются словами:

Из стран полуденной России,
Как бурный вешних вод поток,
Толпы крестьян полунагие
На Дальний тянутся Восток...

Не прошел Гиляровский мимо войны с японцами 1904 — 1905 годов. В сборнике «Военные боевые песни Русско-японской войны. Сост. Н.И. К-кий» (М., 1906) есть его стихотворение «Японские гусары»:

Едут в жаркий бой японские гусары,
Кони-то у них не кормлены и стары.
С малых лет ходил японец пеший,
На коня занес его какой-то леший.
Вырос он на лодке в синем море
И сидит в седле собакой на заборе.
Едет грозно, саблею махает,
На одре своем на Русь идти мечтает.
Вдруг в кустах мохнатые папахи,
На героев желтых и напали страхи.
Сабли их упали, испугались сами, —
Повернули коней к казакам хвостами,
Гонят что есть силы через горы-реки,
Да везти не могут бедные калеки.
А папахи близко. Пред такой погоней
Все кавалеристы послезали с коней.
На «своих» помчались лошадях скорее,
Пешим удирать удобней из Кореи.
Там леса да реки, да крутые горы,
У «гусар» остались лишь ножны да шпоры,
Коней, что получше, забрали казаки.
И пошли пешочком бедные макаки.

Подпись: Дядя Гиляй

Первая мировая война оставила заметный след в поэзии Гиляровского. Популярной солдатской песней стала его «Махорочка» (1915), которая печатается во всех поэтических циклах:

Здравствуй, русская махорочка,
С милой родины привет.
При тебе сухая корочка
Слаще меда и конфет...
В голенище сунув трубку,
Все и бодры, и легки.
И казак несет в рубку,
И солдат идет в штывки...

То, что песня «Из тайги, тайги дремучей» не случайна в творчестве Гиляровского, сошлюсь еще на два забытых его стихотворения. В научной библиотеке иркутского университета хранится рукопись «Стихи и песни о Байкале», в ней помещено стихотворение «Сибиряки»:

Наш отец — сам Байкал.
Мать — седая тайга,
Братья, сестры — безбрежные дали.
Грозы, бури, снега
Нас, железных бойцов, воспитали.
На зверей по зимам мы бродили в лесах,
Ель — постель, и снега — одеяло.
Глубоко в рудниках
Нам и солнце лучом не сияло.
Что нам бой? Что война? Погрознее Иртыш.
Да безлюдная тундра немая, —
Молчаливая тишь
И снега без конца и без края!

Вл. Гиляровский. Год войны. 1915

В заключение процитирую еще одно стихотворение, со-
зданное Гиляровским в 1915 году и тематически совпадаю-
щее с песней «Из тайги, тайги дремучей».

Казак

Чу! Сила могучая встала.
И слышно сквозь шум камыша,
Сквозь дикие стоны Байкала,
Сквозь вьюги и вой Иртыша,
Как движутся грозные тучи
В безмолвной тайге, по снегам
Минуют уральские кручи
И к волжским идут берегам.
Встревожились южные грани,
Колышутся травы степей,
Из плавней безлесных Кубани,
Из терских песчаных гребней,
Где горы закрыли туманы,
Где злобно потоки ревут, —
Встают удалыцы атаманы,
Станичников вольных зовут.
И батюшка-Дон всколыхнулся,
Щетиною пики стоят.
Ермак Тимофеевич проснулся,
Старинные песни гудят.
На запад туманный, кровавый
С востока степные полки
Идут безудержною лавой —
За славой идут казаки.

*Из сборника М.Е. Стож «Как воспет Байкал в сти-
хах и прозе. В 2-х частях. Часть 1». Иркутск, 1916.*

PS. По телевидению транслируется программа «Играй,
гармонь». Молодые энергичные голоса сливаются в унисон,
отчего мотив песни становится особенно выразительным:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой сибиряки...

Но что это? На такой мотив я еще с ранней юности знаю
другую песню, хорошо всем известную. Хор продолжает петь:

Дружно в бой на вражьи станы
Всем идти пришла пора,
С нами слиты атаманы
Волги, Дона и Днепра.

А в моем сознании возникают слова:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот...
Разгромили атаманов,
Разогнали всех господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Неужели сибиряки поют песню так, как она исполня-
лась Шалыпиным в 1915 году? «Партизанский гимн» П.С.
Парфенов написал в 1920 году по предложению руковод-
ства Приморской армии. А мелодию, как утверждал сам Петр
Семенович, ему подсказали жены командиров, когда, будучи
комиссаром, он выступал во Владивостоке перед бойцами.
Начиная с 1923 года песня «По долинам и по взгорьям» ра-
зошлась по всему Дальнему Востоку, а позднее стала одной
из самых любимых народных песен о Гражданской войне.

ИСТОРИЯ

живая и мертвая

Игорь НАГИШКИН

Встреча с живой водой для городского ребёнка – это мечта. Для деревенского – обыденность. Мёртвая вода выглядит странной, но соприкасаемся мы с ней повсеместно. Застойная непроточная вода – среда формирования гнилостных процессов.

Некоторые явления жизни, привлекая внимание писателя-исследователя (в широком понимании пишущего на всех языках всех культур), совершают по его творческой воле философские трансформации. Первое изменение действительность претерпевает в переходе из своей естественной жизненной среды – природы – в пространство писательской лаборатории. Возникает первый философский вопрос: реален ли этот переход? Ответ: виртуален. Это означает не перемену действительности, но отрыв – дубликацию. Операции писателя с виртуальным дубликатом природы-натуры ставят следующий вопрос – и это вопрос среды, в которой происходят операции с данным материалом. Вопрос о человеке. Он отделяет первый вопрос о жизни человечества, откуда он был первоначально почерпнут, от вопроса о самом человеке-творце во всём его конкретном органически нравственном состоянии. Он сам является средой формирования новой творческой действительности. Умертвит ли он явление жизни в своей лаборатории, получив гнилой продукт; польёт ли живой водой своего горячего сердца, чтобы сказочный дуплекс зажил самостоятельной, не умирающей художественной жизнью; превратит ли он эти явления в исторический паноптикум, заморозив навечно в холодильнике своего рассудка; наполнит ли их призраками-фантомами – так или иначе он возвратит миру эквивалент исходного материала со всеми признаками своей личности и тем действительно мир расширит. Но как расширит? В каком направлении? С какой целью? Как это отразится в биологии Человека? Философия восприятия продуктов культуры в потребительской цивилизации сегодня – камень преткновения современных культурологов и психологов, но не сам по себе, а в соотношении с измерением и постижением мира как изначально священной данности Человеку. Этот мир уже не ощутим непосредственно, хотя каждый из нас этим миром выношен (как бы в раю или в материнской утробе. О, мой рай! О, рай материнской утробы!). Необратимая аберрация человеческого сознания под влиянием вмешательства армии «творцов» новой расширенной реальности – суровый факт. Мы попали в полностью и многослойно мифологизированную обстановку воспитания и взросления. Эта мифологизация произвольна и бесконтрольна почти на всех уровнях нашего существования и культурного роста. Она зеркальна по отношению к Абсолютному Мифу (по Лосеву), в котором идеально осуществлены лучшие чаяния человечества. В таких условиях во весь рост встаёт вопрос доверия и веры. Мы отчасти, не претендуя на глобальное решение, его коснёмся, на не-

НАГИШКИН Игорь Дмитриевич.

Родился в 1942 г. в Хабаровске в семье писателя Дм. Дм. Нагишкина. В 1953 г. переехали в Рязань. В 1957 г. – в Москву, где живёт до сих пор. С 1972 г. трудится в церкви чтецом, уставщиком и библиотекарем. Последние годы занимается историческими исследованиями вокруг духовно-просветительского центра – Московского Заиконоспасского училищного монастыря на Никольской улице.

На фото Игорь Нагишкин с дочерью Машей и внучатим племянником, томским диаконом Вячеславом Нагишкиным у храма Христа Спасителя. Москва, март 2001

скольких наглядных примерах продемонстрировав достаточно простое обнаружение ответа.

Все эти примеры (их четыре) извлечены из идеологической практики, которая характерна одной особенностью: А. Радклиф, Э.-Э. Виоле-ле-Дюк, А.Н. Толстой, Д. Д. Нагишкин берут в свою творческую (или идеологическую) лабораторию не явления жизни, а мифологическое представление о нём. Результат во всех случаях один. Рассмотрим эти примеры.

Начнём с того, что все названные «творцы» не власти дум, а выразители общего «настроения». Они думали и действовали так, как думали все, поэтому «все» (или «толпа», как обычно выражаются «поэты») охотно воспринимали их творчество, подтверждающее «правоту» всех и утверждающее общие ошибки, заблуждение и невежество, из каковых соткано массовое сознание как мифологическое представление, т.е. всеобщее мнение, хотя и распадающееся на отдельные модификации, но не доходящее до индивидуальных, личных убеждений. Личное убеждение, как известно, – это плод умственных усилий и результат нравственной ответственности. Общее же мнение или молва ни за что не может отвечать, т.к. каждый отдельный носитель его только по недоразумению говорит: «Я так думаю!». Но думает иначе: «Все так думают, это всем известно!». Именно по этой причине манипуляции с массовым сознанием, или промывание мозгов, так сравнительно просты и технологии управления им доступны, как государствам и разным идеологическим управлениям, так и масс-медиа вообще.

Наша тема прямо относится к общегосударственной идеологии в исторические периоды ломки массовых предпочтений и массовых их преследований. «Ату его! Ату!» — этот клич разносился и в XVI столетии в Англии, и в XVIII во Франции, и в XX в России. Охотничий азарт охватывал народы, а государственный пиар с успехом внушал принимать его за праведный гнев освобождённых наций, сбросивших ярмо угнетения. Чтобы утвердиться в праведном гневе, нужно возненавидеть тех, кого ты преследуешь, иначе трудно дойти до конца: уничтожения своих врагов. И пойти дальше после их уничтожения — сделать их память ненавистной для потомков.

В Англии конфискация церковных имуществ в 30-е — 40-е годы и диссолюция (упразднение, расточение, растворение) монастырей в середине XVI века привели к разграблению, запустению и разрушению тысячелетнего наследия, к предельно радикальному перераспределению земли и недвижимости. Политические и религиозные последствия диссолюции хорошо изучены (см. Knowles, 1976. Благодарим за материалы Л. А. Беляева — см. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. СПб — «Алетейя»-2000/РАН Ин-т археологии (серия «Визант. Биб-ка». Исследования). В 1535 г. проведена была общая оценка церковных имуществ, затем принят парламентский «Акт о подавлении», которым в один приём в 1536 г. было уничтожено около трети монастырей. Имущества упразднённых обителей конфисковались казной. Монашество как организованная корпорация уничтожалось. Сопrotивление общин, монахов, аббатов и восставшего населения было подавлено, проведены казни в Йоркшире, Линкольншире, после чего политика стала бесповоротной и беспощадной. Алчность королевских комиссаров разрослась. Один только свинец с кровель Жерво и Киркстад был оценён в 1000 ф. с., не говоря о несравнимой ценности их земель. До этого речь шла о разумных подходах к реформированию монашества, теперь Корона выдворяла из страны всех иноков вообще. В четыре года к. Генрих и его первый министр лорд-хранитель печати Кромвелл уничтожили всё, что подавалось разрушению и утилизации. Не должно было оставаться ничего, что могло служить предметом почитания. За 1557-58 годы соборы Англии были буквально очищены от собиравшихся веками сокровищ. Великолепные раки, мощевники-реликварии были ободраны, памятники и статуи разбиты, огромные собрания святых мощей (только в Кентерберии — 400) погублены. Разоряли храмы не только из ненависти к папистам, но и жадность и вседозволенность никому не давали покою:

«Для расправы с «объектами суеверия» была создана специальная Королевская комиссия по уничтожению святых. Обычно её группы прибывали в тот или иной монастырь и под их надзором происходило снятие всех ценностей (золота, серебра, камней и т. п.) с раки, вскрытие гробниц и извлечение хранившихся там иногда предметов, а затем уничтожение всех следов сооружений. Они забирали все реликвии, иконы, мощи и т. п., что отражалось в специальном протоколе. Вот как пример протокол, подписанный самим Т. Кромвеллом (Хэмптон-корт, 14 дек. 1538 г.), приказывает «забрать и препроводить в лондонский Тауэр кости, раку и прочее, что сейчас в Чичестерском соборе, некоего епископа, которого называют святым Ричардом, и проследить за уничтожением места раки со всеми прочими образами в храме, вокруг которых существуют какие-либо суеверия, заслуживающие упоминания». Раку уничтожили через шесть дней, конфисковав огромное количество ценностей, в том числе серебро и позолоченные вещи, находившиеся в гробу св. Ричарда.

Некоторые церкви, принадлежавшие монастырям, но служившие приходскими, после конфискации возвращали приходом — увы, обычно без свинцовой кровли и движимой части имущества. Иногда степень разрушенности была большей — вплоть до полной выборки фундаментов. Единственным и главным препятствием к сносу была цена. (В Линкольншире, где разрушения были особенно значительными, ответственный за снос прикинул, что этого можно достичь, лишь истратив 1000 фунтов, и счёл, что довольно оставить храмы без использования, а уж охотники за камнем довершат остальное). Некоторые монастыри были просто превращены в королевские каменоломни. Аббатство Мо разрушили, чтобы построить королевскую крепость в Гулле, так что раскопки на месте цитадели открыли целые залежи камня вторичного использования. Яркое описание конца аббатства Рош (Йоркшир) приводит Майкл Шербрук через тридцать лет после события: «Первой подверглась разрушению церковь, затем дом аббата, dormitorio и рефектории, вместе с клуатром и всеми зданиями, что были внутри монастырских стен: ничто ведь не должно было сохраниться, кроме как коровники и свиные закуты... Любое сердце тронул бы вид того, как срывали свинец с кровли, снимали доски и сбрасывали балки, как затем свинец был снят и сброшен в церковь и все надгробия в ней разбиты». Шербрук рассказывает, что и стропила были пущены на дрова для тех, кто переплавлял свинец в печах. Когда Майкл спросил, что думал тогда его отец о монахах, тот ответил: думал хорошо, но это не помешало ему наживаться, ведь «он поступал так, как другие» (цит. по: Platt, 1984). В приорате Луис команда итальянских инженеров сравняла церковь с землёй, используя подкопы и порох. Подобным же образом огромный клюнийский храм св. Панкрата со сводами высотой в 28 м был превращён в груды мусора менее чем за четыре недели в марте-апреле 1538 г. Лишь немногие, как Р. Эск, один из казнённых лидеров Сопrotивления, решались выражать сожаление о происходящем: «Аббатства были одними из прекраснейших мест сего мира для всех людей и странников... Только они заботились о морских дамбах и плотинах, содержали и строили мосты и дороги и многое другое для общего блага» (Knowles, 1956).

Удивительно (замечает Л. А. Беляев), как резко изменилось в Британии отношение к монашеству. Те, кто вчера ещё симпатизировал и поддерживал его, теперь в большинстве одобрили диссолюцию и хотели урвать долю собственности. Совсем недавно донаторы стремились быть погребёнными в монастырских храмах и высоко ценили молитвы монахов (что отражено в завещаниях). Но когда последовала экспроприация имуществ, всё было забыто, земные нужды и выгоды возобладали. Равнодушие к заботам о покойных и неприкрытая жажда наживы — вот что открывает изучение церковных древностей эпохи диссолюции.

Здания и земли, не переданные приходским общинам, обычно продавали местным жителям. Часто недвижимость поневоле выкупали те, кто сам же её вложил в монастырь, причём необходимость собрать деньги на выкуп приводила к разрушению недавно построенного. Утилизация аббатства Риво, которое выкупил его основатель граф Рутлэнд в 1538 г., впечатляет исследователей. Граф получил здание в целости, за исключением колоколов, свинцовых крыш и балок, которые пошли на переплавку. Всё удалялось максимально выгодным способом. Сперва переплавили во дворе «королевский» свинец (четыре чушки по полтонны весом каждая, с клеймом Тюдоров, розой, нашли под рухнувшей башней при раскопках в 1920 г. Печи для плавки открыты почти во всех аббатствах). Затем продали арендаторам графа (прежним арендаторам аббатства) деревянные панели,

балки и кровли. Витражи рассортировали, оставив в целости лучшие, продав второсортные прямо в рамах, а худшие разбив для переплавки свинцовых переплётвов (обнаружены многие тысячи фрагментов, сочтённых в 1530-е годы не стоящими ничего). Продавали всё — гвозди и скобы от кровель, даже свинец и железо, скреплявшие камни строений (пероны). Впрочем, судя по количеству найденного в XX в. при раскопках, многое ушло в мусор. После этого годные для использования здания были отданы владельцу, не годные же просто брошены и постепенно растаскивались. Так исполнялась главная задача — сделать монастырь негодным для восстановления. Аббатству наследовала и деревня, построенная в основном из его остатков. Новые жильцы сохранили часть жилых построек, но сломали церковь и клуатр. Они унаследовали также три мельницы, пороховой завод и службы. Невредимый дом аббата достался фермеру, это было жильё много лучше, чем даже поместье графа Хелмсли. Такие здания, конечно, покупали охотно. Олдермен Т. Белл, поселившись в Глочестере (доминиканский монастырь), превратил церковь в жилище, а клуатр в прядильную фабрику, они сохранились до наших дней.

Эмиссары короля отвечали за полнейшую продажу всего движимого имущества, поэтому здания должно было «очистить». Это растяжимое понятие часто включало продажу изразцовых полов, могильных плит, мощения дворов, всего металла. Следы процесса утилизации изучены в доминиканском приорате Беверли. Здания ещё стояли в XVII в. и в полах каждого помещения сохранялись ямы для плавки свинца от оконных переплётвов (для этого брали кирпич и дерево прямо из конструкций). Водопроводные трубы из свинца тоже тщательно откопали и переплавили, как и дождевые. Жилые здания, помещаемые в западном конце клуатра (дом настоятеля, кельи, странноприимные дома), обычно сохраняли. Остальное сносилось и засыпалось газоном сада.

Большая часть крупных земляных работ по превращению монастырей в поместья были сделаны сразу, поэтому ландшафт страны резко изменился, и не в меньшей степени, чем при возникновении обителей. Не использованные и не снесённые здания были заброшены, их разрушение стало делом времени, и от них мало что осталось. Грандиозные руины средневековых храмов Англии стали «забавами» владельцев поместий через двести лет, когда преступление века утонуло в романтической дымке «готического» курьёза.

В это время один из первых английских антикваров У. Стакли, издавший описание Стоунхенджа и принявший участие в открытии в Рисли, ко всеобщему удивлению показавшему существование в Британии уже в четвёртом веке христианской епархии с епископом во главе, писал о Кроулендском аббатстве: «Кровля, коя была из ирландского дуба, прекрасно украшена резьбой и позлащена, обрушилась двадцать лет назад: её куски вы увидите в каждом доме. Пол покрыт углублениями от литых надгробий с надписями, и люди сейчас с удовольствием копают под гробовыми камнями и делят святые останки для выгодной антикварной торговли; так что вместо одной святой обители таковыми стали большинство домов в городе. Витражи побиты солдатами во время восстания, когда они стояли здесь гарнизоном. Вся восточная часть церкви скрыта до основания, и прах, а заодно и надгробия бесчётных выдающихся персон, королей, аббатов, лордов, рыцарей и прочих, надеявшихся обрести здесь покой, расточены — к невозможному ущербу для английской истории».

Стакли был современником Горацио Уолпола, положившего основание жанру «готического романа», в котором

действие развёрнуто именно в таких руинах, где копались удручённые антиквары и где «таинственный» дух будил воображение обеспамятевших англичан. Согласитесь, предостерия специфической островной «готики» по-новому освещает её содержание. Произвольно раскройте один из романов А.Радклиф и вчитайтесь, думаю, что это покажется вам чем-то вроде полудетской фантазии, если не знать по д о п л ё к и. Но мы теперь знаем историю современной Англии, и безотчётные страхи её дочери, её генетический ужас перед католическими патерами, её подозрения и открытия чудовищно-бесчеловечных преступлений в мрачных монастырях, совершаемых тёмными личностями в сутанах, — все эти обусловленные историческим прошлым комплексы и атрибутика вырастают в полнорослый протестантский миф, в котором автор плавает как рыба в воде, лишая себя способности стать на почву фактов. Дочь Англии и миф о преступлениях католической церкви — это нерасторжимо. Национальная гордость (О, Славная Революция! О, Свободная Англия! Правь, Британия!) покрыла преступления предков славой борцов и победителей. Да, Британия, ты победила, но сердце кровью обливается глядеть на то, что ты победила в себе и в мире...

Перейдя Ла-Манш, продолжим изыскания, но не будем углубляться в ужасы (la terreur) Французской революции (полагая их общеизвестными), ограничившись немногими из фактов и отметив основное её отличие от английской. Отличие состоит в том, что если английская революция принадлежит к эпохе европейских религиозных войн и в результате её Англия приобрела собственное (англиканское) исповедание своей новой, «очищенной от предрассудков» веры, то Франция в новое время от неудобноносимого бремени христианства освободилась полностью, определив это историческое деяние как Торжество Разума (le culte de la Raison). Русский комментатор этого события чуть позднее туманно выразился: «Рассеявшийся мрак суеверия и изуверства дал возможность обратить внимание на Умственное Бытие Человека». Генерал Бонапарт 10 дек. 1797 г. уточнил: «Устанавливая законы, основанные на разуме, французский народ должен был победить восемнадцать столетий предрассудков». Вот самый сокращённый перечень таких побед:

«В 1789 г. Учредительное собрание запретило пострижение в монастырях. Декреты 1790 г. объявили о непризнании религиозных орденов, о передаче церковных и монастырских имуществ в народную собственность. Наконец, августовский декрет 1792 г. уничтожил все монастыри, «мужские или женские конгрегации, под каким бы именем они не существовали во Франции, не исключая даже и тех, которые занимаются только службою при госпиталях и уходом за больными». В результате были упразднены 429 аббатств и распались союзы, более древние по происхождению, чем сама Франция. Одна и та же участь постигла бенедиктинцев — соратников первых Меровингов, доминиканцев, нищих капуцинов-францисканцев. Началось открытое разграбление храмов, сопровождавшееся разрушением памятников, гробниц, статуй, зданий, уничтожением архивов, сносом надгробий и осквернением мощей. Выдающиеся историко-археологические находки, сделанные в прошлом и хранившиеся в ризницах и храмах, расточили, ограбили или сознательно уничтожили в «борьбе с клерикализмом». Революционные армии экспортировали варварское разрушение церковных памятников — например, оно постигло в период оккупации около 40 храмов Кельна и его окрестностей, а в Риме обобрание церквей, ограбление монастырей и продажа ватиканских ковров Рафаэля привело к восстанию».

Император Наполеон Бонапарт счёл своевременным в новом веке, уже XIX, сменить активную антицерковную политику на осторожно нейтральную и так сказать остановиться на достигнутом. В середине века разрушенные в Париже церкви стали разбирать и даже начали ремонтировать. Перед муниципалитетом встал вопрос о соборе Нотр-Дам, и когда мнение за реставрацию перевесило и отказались от сноса его руин, то после необходимых работ решили восстановить и скульптурный декор. За него взялся архитектор Э.-Э. Виоле-ле-Дюк. Так появились знаменитые химеры Нотр-Дама. Могли ли восстановить привычные в прошлом скульптуры святых, таких естественных в готических соборах? Суровая история этого допустить не могла. Не только «гнилой» Запад страдал от деформации памяти и ломал традиции ради новых мифов. В иконоборческую эпоху византийские императоры не хуже парижан гнали монахов, топили иконы и оскверняли мощи святых, а когда трезвость возобладала и с иконоборцами покончили, то храмовый декор «обогатился» растительными орнаментами — нейтральными по отношению к изображению или неизображению святых, — это был мягкий переход между противниками икон и их почитателями, так как необходимо было учитывать противоборствующие мнения. Но химеры вместо святых? Что это значит? Ответ прост: общее мнение гласило: допустить существование какой-то святыни (пусть условной, в пределах «прошлых» религиозных представлений) — немислимо, недопустимо и оскорбительно для *la Raison*. Так и получилось — лучше бесы, чем святые. Историческая безответственность парижских властей и реставраторов сейчас поражает, но тогда приветствовалась как ответственный шаг по широкой дороге цивилизации.

И А. Радклиф в своём англиканском мифе о сути «мрачной католической готики», и архитектор Э.-Э. Виоле-ле-Дюк в своём представлении о «химерической» вере предков своё творчество принципиально строили не на явлениях подлинной исторической жизни, а лишь на общем, возобладавшем в массах мнении об этих явлениях, которые, как мы могли убедиться, было навязано народу насильно.

Перейдём к родным и близким литературным примерам из России XX века.

А. Н. Толстой написал эпопею о Петре Великом, выдвинув историческое обоснование той ломке традиций, какой подвергли жизнь народа «внутренние интервенции», как определял критик Беленков новых кремлёвских властителей. Обращают на себя внимание некоторые эпизоды из романа, по видимости описывающие церковную жизнь, но по существу настолько далёкие от неё, что вызывали бы изумление, если бы мы не понимали сверхзадачи писателя. Перед тем как изобразить «сугубое» старообрядческое моление в «тайнственных» купеческих подвалах Москвы, автор предлагает описание прогрессивного Петровского начинания, направленное на государственное образование купеческого сословия. Перед царским лицом инициативно поставлены и прагматично развёрнуты задачи общегосударственной торговли при широком совещательном участии московского (и прочего) купечества. Далеко идущие инициативы встречают не только открытое одобрение и поддержку в купеческой среде, но и внутреннее (тайное), и корыстное сопротивление. Протест одного из несгибаемых старообрядческих тузов выливается у Толстого в описание тайного моления. Само богослужение автор не описывает, просто его упоминает, хотя надо знать разницу между молебствиями разных толков и «согласий» староверов, чтобы понимать, о чём идёт речь. Описана проповедь после богослужения. Монах (пришлый под-

вижник-скиталец) по мановению писателя, вместо того чтобы воспользоваться богатейшей духовной гомилетической традицией, без которой никакая церковная проповедь просто немислима, вдруг пускается перед купцами и их приказчиками в опровержение государственного торгового постановления. Это определённая экономическая доктрина, противопоставленная имперскому решению царя Петра. Читатель оказывается не в тайном монастыре, а в экономическом клубе или в собрании купеческой биржи рубежа XIX и XX столетий.

Писатель подразумевает, осуществляя свою подмену действительности, что старообрядцы, даже находясь в молитве, собственно говоря, не заинтересованы её содержанием и, слушая проповедь, которая должна открывать и уяснять путь ко спасению во Христе-Спасе, не замечают замены её небесного смысла земным меркантильным интересом, наоборот, так легко и беззаботно это воспринимают, как это должно быть по представлениям интеллигенции XX века. Так далеко зайти в прошлое, чтобы обнаружить в нём то, что могло появиться только через двести лет, объяснимо не безграмотностью (А.Н. Толстой был образованным человеком), а советским государственным заказом. Чтобы читатели приняли за чистую монету то, что предлагает этот автор, сделано было очень много: убиты священники, разрушены храмы, отделена церковь от государства и школа от церкви, всё государство погружено в бездну атеизма, в результате чего поколения за поколениями в Советском Союзе потеряли представление о содержании молитв и о смысле богослужений.

Помните? — мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Писатель Дм.Дм. Нагишкин, заканчивая книгу о хабаровчанах, столкнулся с «необходимостью» включить в неё антирелигиозную тему в связи с хрущёвским постановлением. Можно проследить творческие муки писателя и обнаружить странные вещи. Сразу делается ясной искусственность включения этой темы в «Созвездие Стрельца», она не является органической частью произведения (в отличие от «Чудотворной» Тендрякова, появившейся в то же время). В книге появляется странная бабка Агата, имя которой сначала вызывает удивление (... почему же не обычная русская Агафья?... хотя, конечно, среди коренных русачек бывали и Олимпиады, и Марионилы, и Снандулии, и Пиамы, и т. д. и т. п.), а потом возникает подозрение, которое легко подвергнуть проверке, приводящей к неожиданному открытию: автор конструирует эпизоды православной исповеди (о смысле которой он даже не догадывается) по Стендалю. По содержанию литературных сцен, придуманных писателем, на месте его «батюшки» должен быть «кюре».

Нам могут возразить: «Зачем искать такие отдалённые литературные образцы, когда проще простого посетить русский храм и понаблюдать реальность?» Отвечаем: «Идите, наблюдайте, но реальность откроется Вам только тогда, когда Вы в неё включитесь, станете её частью, станете действительно исповедаться, что потребует крещения, а это потребует катехизации, а это потребует интереса, а заинтересованность возникнет, когда появится живая потребность в вере, а вера явится в живом примере настоящего православного батюшки, а общение с ним вызовет совершенно новые, недоступные прежде понятия, которые в свою очередь приведут к переосмыслению самой жизни и к отказу от мифов, эту жизнь идеологически подменяющих».

Возможен такой подход к реальности для советского писателя? Да, но, к сожалению, для Дм. Дм-ча оказался ближе французский роман, а не хабаровский приход.

«Нынче странник – все с собой имею...»

Дмитрий НАГИШКИН (Москва)

Графика Игоря ГРАБОВСКОГО
(Комсомольск-на-Амуре)

Перед первым снегом

Весь осенний край тайги усталой
Золотою лавой распростерся
По долине между сопок и уперся
Языками старых красноталов
В берега надувшихся потоков,
Что струят украденные воды:
От росы, дождей и от притоков,
От источников подземных; броды
Захлестнув, лишив их смысла... Тихо!
Мчат стремительные нимфы! Осень!

Это — эвоэ гимен! Их брачный выход!
Буйствуют олени. Бьются лоси.
Эвоэ, гимен! Пора настала
Царствовать тебе среди природы!

И меж яхонтов и пурпура блистая,
К океану мчатся дочки-воды.

Океан седатый строг и честен.
Каждую он у стола посадит
И на ушко каждой скажет вести:
Сваты ждут! Пора ли свадьбу ладить?

*Якутия, 1974,
Гнездо, 1986*

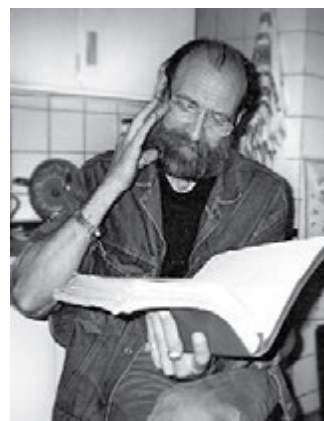
«Земную жизнь пройдя до половины...»

Бел свет уже — сплошная память,
А каждый шаг — задетый нерв.
Вся неизбежность испытаний
Ведет тебя на тризну — жертв.

Но — жрец и жертва — улыбаюсь
Теченью жизни предо мной:
Круги небес поколебались,
И жертва — чаша — мир земной.

Тысячелетье веры. Каждый
Свою — один — да чашу пьет!
Извечен этот выбор жажды,
Доколь родник духовный бьет.

*Август, 1988.
Отцовский проезд*

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин, младший сын писателя Дмитрия Дмитриевича Нагишкина, родился в 1951 г. в Риге. С 1957 г. живёт в Москве. Вот что он сам говорит о себе:

«Я, Дмитрий Дмитриевич, сын Нагишкина, зачатый в Хабаровске, родился в Риге, где и радовался жить до шести своих лет, когда я научился читать сам. В школе, уже московской, было интересно и скучно. После седьмого класса попал из музейных кружков аж на Енисей как лаборант археологической экспедиции. После девятого класса поступил в ПТУ № 64 на отделение «Столяр художественной и стильной мебели» (1967–1969), плюс фабричный конвейер, плюс армия, плюс КБ Ильюшина (столярка экспериментального цеха, 1972–74). После — сезон с геологами: южная Якутия (Чагда), Северный Уй и южнее. По окончании тех работ — корреспондент газеты Университета дружбы народов (1974–76), далее — столяр пятого разряда и скоро начальник столярного цеха театра им. Маяковского. Через два года поступил на дневное отделение факультета русского языка и литературы Московского педагогического института, а через пару лет и, кажется, не вдруг научился писать стихи.»

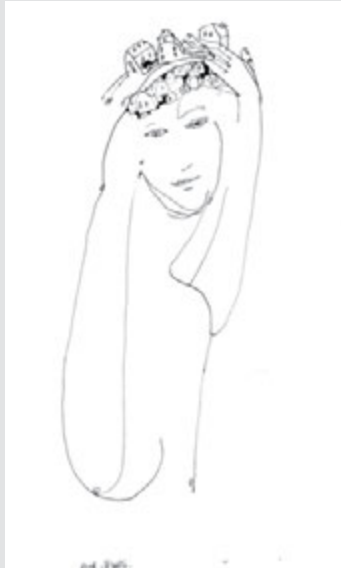
Мой приют

На столе простом — паросский мрамор,
Херсонесской амфоры венец.
Тут со мною и частица храма,
Ряд добытых книг и, наконец,
Жар свечи, дорожная икона...

Здесь — на миг. Но где же я не дома?

Нынче странник — все с собой имею,
А не жаль дражайшего отдать.
Лист передо мной, и я немею:
Муку слова — жду и — благодать.

*Гостиница «Москва» в Краснодаре,
1985*

Прямое Отечество

Отец, ты мало жил со мной,
И мало преподавал...
Но семенем твоим рожден,
Я кое-что узнал:
Я лишь секунда бытия,
Одно кольцо в цепи...
Слежу, дыханье затая,
Как жизнь глаза слепит.
Все, что со мною, —
много раз
Бывало на земле...
И ты — тогда, а я сейчас
На праздничном столе.
Все проживу и стану прах,
Земля, дорога, путь.
Мой сын, не помня детский страх,
Идет на мир взглянуть...

*Отцовский проезд,
1988*

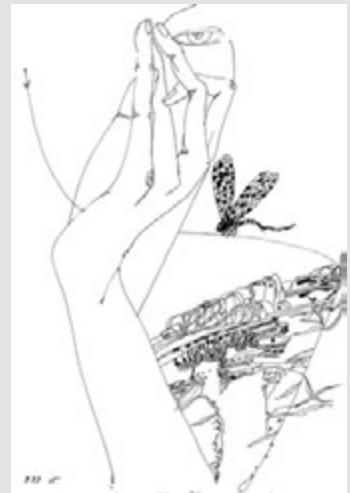
Сердоликовая бухта

Неторопливо-бережной стопою
Я подхожу к свиданию с тобою,
Тридцатилетье странствий одолев.

Извечен ностальгический напев
Волны и гальки... Мята и полынь
Грудь наполняют мне... Уже малы
Мои воспоминания простые —
Из связи детских и счастливых дней.

Зову сильней и, тени дорогие,
Стоят — Волошин, Пушкин, Одиссей...

*Коктебель, Краснодар,
Москва,
1985*

Храм потаенный

Пятый век до нашей эры...
Третий ... Рождество Христа,
В катакомбах — дар Цереры
И знамение Креста.

Время нежно тянет пряжу, —
Эти нити нашей жизни.
Сложим мы свою поклажу —
Тихий дар для братской тризны.

Я — наследник
Временам давно прошедшим.
Вот и отстоим обедню
Мы за всех, вперед ушедших.

Если мы поем молитву —
Боже правый, наконец! —
Значит вечно на ловитве
Наш единственный Отец.

*У Пещерной церкви,
Херсонес, 1985*

**«Грех быстр, как молния,
и может заразить душу,
не бодрствующую...»**

Прав. Иоанн Кронштадтский

Печалюсь... Сегодня жаль особо
Наивной человеческой судьбы.
Она свою младенцу ставит пробу,
И — вечной — тот не избежит борьбы...

И он, как все, пытается от тлена
Спасти свои работы, думы, дни,
Не зная, что с адамова колена
Старанья эти подвигу сродни.

*Страстная седмица,
Великий понедельник,
1992*

КЛАРНЕТ над Парковым переулком

Светлана ФУРЦОВА

Так получилось, что мое знакомство с дальневосточной поэзией началось с тоненькой книжки стихов Людмилы Миланич, в рифмах и поэтических образах которой угадывалась сложная и интересная судьба не только поэта, но прежде всего женщины. Интересно, когда начались стихи?

— Писала с детства, — ответила Людмила Ивановна, — но по-настоящему стихи начались, когда случилась в жизни ситуация, как у многих из нас: когда хочется то ли повеситься, то ли завывать, то ли начать писать. Я выбрала последнее.

Людмила Ивановна — хабаровчанка. Детство ее прошло в переулке Парковом, ныне Капитана Дьяченко, где, забравшись на крышу дома, любила она смотреть на Амур. Шумели деревья в парке, и казалось, что ты плывешь над городом на огромном зеленом облаке, видишь мост через реку, улицы, дома.

Отец, Иван Афанасьевич Миланич, работал в симфоническом оркестре, играл на кларнете. Симфонический оркестр в то время находился при радио. Там же, в тесных комнатах радиокомитета на улице Запарина, располагались хор, солисты, дикторы, чтецы, детский радиотеатр.

— Кого там только не было! — вспоминает Людмила Ивановна. — Батя мой был инспектором оркестра. До сих пор в архиве радио находится его личное дело с кучей благодарностей. Вместе с памятью о нем храню инкрустированный аметистами портсигар с гравировкой «За трудовые заслуги». Отец до последних дней играл в оркестре, правда, со временем перешел на ударные...

Как сама впервые попала на радио, Людмила Ивановна помнит плохо. Кажется, привел отец. На утреннике она читала стихи про девочку, которая когда-нибудь станет бабушкой (Вот оно! Сбылось!), за что получила свой первый гонорар — елочного Деда Мороза в шубе и игру «Летающие колпачки».

В конце 60-х, после окончания филологического факультета Хабаровского пединститута и работы в молодежной газете, откуда ее вскоре уволили как «злостную антисоветчицу» («Грехи студенческих лет! Сейчас, конечно, смешно, а тогда было странно и страшновато»), Миланич пришла на радио в детскую редакцию уже в качестве корреспондента. Ее сестра Лариса работала там звукорежиссером, в то время как раз набирали молодежь для обучения этой уникальной специальности. Лариса Долгополова — одна из немногих, кто и по сей день работает там. Был еще брат, к сожалению, он рано ушел из жизни, тоже прошел сначала радииную школу, потом работал оператором на студии телевидения. Имя Александра Молочного вписано в летопись истории Хабаровского телевидения. Так что вся жизнь проходила в интерьере радио. Через него открывался мир. Даже когда Миланич работала редактором в художественно-литературном журнале «Дальний Восток» или заведовала литературной частью в краевом театре драмы, она не порывала с радио. Ее программы «Территория моей любви», «Читающая публика», «Робинзон по пятницам» хорошо памятли слушателям. Именно Людмиле Миланич принадлежит идея создания передач из цикла «Мемуары». Сколько актеров, пройдя через руки старейшего режиссера радио Галины Ивановны Завода, выросли впоследствии в прекрасных чтецов!

С тех пор много воды утекло, и не только в Амуре. Были книги, поэтические сборники «Солнце в ладонях», «Разговор с землей», «Слово», «Люблю», «На-

копление света», а задолго до их появления публикации в журналах, альманахах. Была интересная жизнь, неразрывная с жизнью Хабаровска и его людьми. Подруги, из которых наиболее верные и преданные именуются ею как «железная армия моих девок». Все они живы, считает Миланич, покуда находят поддержку и понимание друг в друге в наше такое не располагающее к сантиментам время. Хотя времена, любит цитировать Людмила Ивановна, не выбирают, в них живут и умирают.

Миланич никогда не добивалась для себя чинов и званий. О том, что она член Союза писателей, заслуженный работник культуры, лауреат премии имени Якова Дьяченко, вспоминает только тогда, когда надо похлопотать за кого-либо. Помогать обездоленным — неотъемлемая часть ее жизни.

Последнее время, уйдя на заслуженный отдых, Миланич занялась составлением биобиблиографического справочника «Писатели Хабаровского края». Часами просиживая в читальном зале научной библиотеки, собирала сведения о тех, кто составляет в крае литературную среду и чьи имена, быть может, уже вошли в историю литературы. На сегодняшний день труд окончен, но от себя, от новых рифм и образов разве можно уйти? Книга стихов, которая давно зрела в душе, оформилась в поэтический цикл «Музыка нового дня», вышла из печати.

Осенью прошлого года член Союза писателей Людмила Ивановна Миланич отметила свое 70-летие...

Лет исчисленья все длиннее,
И жизнь стремительней идет.
Теперь уже пространство дней я
Ценю, и каждый — словно год.
И все подробности — дороже,
И встреча каждая — мила.
И спрос с себя, пожалуй, строже,
И интересней все дела.
И новый день наполнит душу...
Все вспоминая ввечеру,
Ни в чем я правды не нарушу —
Все золотишки соберу.

Замечу, что читателям Людмила Миланич известна также, как автор поэтических переводов с чукотского, нанайского, монгольского. Она удивительно срослась с Хабаровском, городом на трех холмах, который, неспешно спустившись вниз к бульварам, вдруг одним махом взлетает вверх по узкой улице, чтобы вознестись стройным собором над Амуром. Можно сказать, что именно здесь, среди ветров, синих сопок и златоглавых куполов, поэт нашел себя, а город в ее лице обрел своего поэта. Не об этом ли ее «Хабаровское танго» — своеобразный подарок к одному из юбилеев города, ставшему судьбой однажды и навсегда?

Перелистывая страницы нового сборника стихов Людмилы Миланич, кажется, что в бывшем Парковом переулке до сих пор звучит старый кларнет ее отца, звук которого уплывает на зеленом облаке листвы далеко за Амур.

Елизавета Николаевна Миланич с дочкой Людмилой

С отцом Иваном Афанасьевичем

Весна в Хабаровске

Валерий Шульжик, Людмила Миланич, Андрей Пассар на встрече с читателями

Людмила Ивановна с внучкой Настей

Людмила МИЛАНИЧ

Новый год

Восшествие елки на крест —
 Печальный и радостный праздник.
 Так в жены идут из невест
 И внешней парадностью дразнят.
 Еще не разменянный год
 В ладони нам — денежкой новой.
 Но прошлого горестный горб,
 Скрываясь, маячит сурово.
 И падают с веток дожди,
 И радостно бусы сверкают,
 И что там у нас впереди —
 Никто в этот вечер не знает.

Я рано утром вышла на крыльцо,
 Чтоб жизни вознести благодаренье.
 Ко мне склонило дерево лицо
 И одарило тихим говореньем.

Оно шептало добрые слова,
 Протягивало теплые ладошки,
 Текла сквозь ветви неба синева,
 И солнце мне дарило на дорожку.

О, светлый день, меня благослови
 И надели надеждой, верой, силой,
 Чтобы живое именем любви
 Я от любой напасти защитила.

Зима мне — белым яблоком из тьмы.
 Дочь Евы, я опять закон нарушу,
 Чтобы проникнуть в таинство зимы
 И женственности, так смутившей душу.

Зима грешна: есть срок в календаре,
 Когда она должна была явиться.
 Все правила нарушив, в октябре
 Сошла с небес, чтоб в мире воцариться.

Быт с бытием смешала не спеша,
 Соединила солнце со снегами,
 И холодно, да все же есть душа,
 И белый свет, и почва под ногами.

И, не боясь застынуть на ветру,
 Мне жить в зиме прилежной ученицей:
 Быть женщиной — такой нелегкий труд,
 До самой смерти предстоит учиться.

Испекла баба колобок луны,
Кинула в небо, глядит со стороны:
Козырьком руку, другую — в бок,
То ли она баба, то ли она — Бог.
Испекла баба печенья сто пудов —
Вот тебе и звезды, всего-то и трудов.
Из остатков теста слепила мужика.
Он еще печется — не готов пока.

Читая Мандельштама

Бывает и тризна победой:
Разъята извечная мгла,
И нам, от всезнания бедным,
Даруется песня Щегла.
Еще не разгаданы звуки,
Уже, спотыкаясь, спеша,
Из муки, тоски и разлуки
Навстречу рванулась душа:
Отнять у забвенья и тлена
Высокую ноту певца,
Себя ощутить во Веленной
И в ней пребывать до конца.

Каменным голосом крикнула странная птица,
Стукнула клювом в окно,
будто страшную весть принесла.
Что же еще-то могло в этом мире случиться?
Что за беду предрекают мне черные эти крыла?
Вот поднялась. Полетела в просторы иные,
Вот и истаяла темная точка вдали...
Господи! Только бы жили на свете родные,
Только б беда не коснулась родимой земли.

Песня Сольвейг

«У каждого, когда придется солоно,
Для сердца есть мелодия своя.
А мне всего дороже «Песня Сольвейг» —
Ее любовь на грани бытия.
Пусть вера в возвращенье беспричинна,
Другие этой веры не поймут,
Пускай ушел единственный мужчина,
И не узнать, зачем, куда к кому»...
Так я писала в юности далекой,
Когда ознобно было на душе.
И не казалась я себе пророком,
Хоть час крушенья близился уже.
Придуманная? Или же живая?
Игра? Или трагедия всерьез?
Любовь моя из дальних лет зывает.
А что ответить на ее вопрос?

Из этих лет ничем я не отвечу:
Былого не прояснили года.
Мне семьдесят. И за окошком вечер.
И та же «Песня Сольвейг», как тогда.

Нежданный ангел дня воскресного,
Вошла ты тихая, светясь,
Взметнулось белое над креслом,
Сложила крылья, напряглась,
Глядишь наивно и доверчиво
И ждешь, что все разобъясню.
Как будто Шар Земной доверчивать
Умею я навстречу дню,
И все сейчас же будет слажено,
И ты немедленно поймешь,
Что там в любви твоей неладного
И что в ней деготь, что в ней мед.
Какая мудрость? Где там выучка?!
Вот мир. Бери и обживай...
Ах, до чего же славно выпечен
Сегодня солнца каравай.

На Черной Речке черные деревья,
И тени шевелятся на снегу,
И траурные галки в небе реют,
На Черной... Нет, не верю, не могу.
Пусть близкий горизонт закрыл пространство,
И тает снег бессмысленно в горсти —
Но — время вспять, и ничего не странно —
Бегу: успеть... закрыть собой... спасти...

Хабаровску

Мой город, ты со мной поговори,
Когда свое сиянье ночь возносит,
И в листьях тополей вздыхает осень.
Вдвоем с тобой пробуду до зари.
Яви свои старинные дома —
Сплетенье деревянных хитрых кружев.
Вокруг деревья медленные кружат,
Как будто бы история сама.
Я стану слушать их ночной рассказ
О поселенцах, о мужичьих бедах
И разбираться, из каких губерний
Узоров этих светлая тоска.
Пожалуйста, читать меня учи
Домов высоких каменные слоги,
Чтоб я к утру из них сложила слово,
В котором будут первые лучи,
И плеск амурских волн, и предков боль,
И земляки, открытые, как дети,
И это все, единственный на свете
Хабаровск мой, я назову тобой.

Татьяна БАТОВА (Владивосток)

Свою первую персональную выставку приморский художник Михаил Рывданский назвал «Прикосновение». Объяснений этому названию возникает множество, достаточно увидеть работы Михаила. Тончайший лиризм его пейзажей удивителен: тут и мягкие очертания туманов, и холод предутренних скал, трепетный взмах птичьего крыла, и живое тепло женского тела – все то многообразие мира, к которому прикасаются душа, взор, рука...

«Я поднимаюсь вверх, чтобы тоже спуститься по склону...»

Неискушенному зрителю, увидевшему бархатистую, чуть искрящуюся поверхность полотен, и в голову не придет, что выполнены эти работы пастелью по наждаку. Да-да, по тому самому абразиву, способному сравнить и отшлифовать шероховатости любой поверхности. Работы Михаила ставят в тупик даже специалистов. По сути, он изобрел новую технику рисунка. По наждаку рисуют многие, но у Рывданского есть свои секреты. Впрочем, не это главное.

Коренной житель Приморья, потомок старообрядцев из Тернея, Михаил Рывданский после окончания Владивостокского художественного училища уехал жить и работать в поселок Лазо. Красоты дикой природы Лазовского заповедника стали источником его вдохновения. Михаил забирался в самые глухие его уголки и рисовал, рисовал... Тысячи этюдов со временем становились картинами. Вот только судьба этих картин была бесперспективна. Несколько работ Михаила украсили фойе музея Лазовского заповедника, другие дарились друзьям и знакомым. И если бы не случай, то вряд ли бы они стали достоянием широкой аудитории зрителей и ценителей.

Знаток современного искусства Сергей Самодумский, организатор выставки работ китайского акварелиста Тянь Юэ, предложил художнику из Поднебесной путешествие по Приморскому краю. Посещая музей Лазовского заповедника, Тянь Юэ обратил внимание на картины Михаила Рывданского. По достоинству оценил их и Сергей Самодумский. Встреча трех творческих личностей для всех стала знаковой. Именно тогда и родилась идея устроить во Владивостоке персональную выставку работ Рывданского.

Особенно пронзительны осенние пейзажи художника. Искрящийся фон наждачной бумаги делает живой прохладу воды, утреннюю росу на траве, засыпанной опавшей листвой.

*Зеркало жизни.
Почему я не отражаюсь
в тебе?
«Берег моря с выброшенными
обломками деревьев» -
...Бегут ледяные иглы
цветами неземной красоты,
бегут по стеклу
между холодом и теплом...*

Опустевший дом на пустыре, открытый всем ветрам под дождливым осенним небом, наводит на грустные мысли. Полевые цветы и бабочки, напротив, искрятся теплом и покоем.

Люди редко становятся объектом творчества художника. В юности он предпочитал рисовать паруса и корабли. Что было естественно для молодого человека, рожденного у моря. Позднее центром его творческой вселенной стала природа Приморья.

— Человек перестал быть гармоничным, — считает Михаил. — Это меня удручает. В природе больше совершенства. А мои пейзажи отражают состояние души.

Свою гармонию художник обрел в независимости от условностей брэнного мира. Он рисует, когда на него находит вдохновение, рубит дрова и носит воду, когда возникает потребность обогреть дом, приготовить еду. Впрочем, в быту Михаил неприхотлив. Более того, убежден, что деньги и благополучие губят творческую личность. Видно, не напрасно кто-то из великих сказал: «Художник должен быть голодным...»

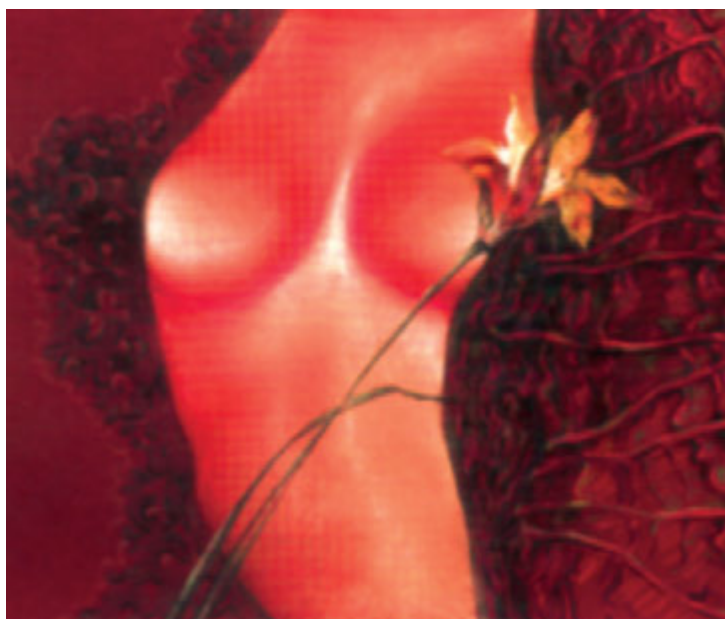
Соприкасаясь с творчеством этого человека, погружаешься в мир эмоций, далеких от разгадывания живописных технологий. К тому же строки японских поэтов, сопровождающие практически каждую картину, усиливают философское восприятие мира, открытого удивительным художником.

Иногда рисунки Михаила Рыдванского превращаются в скульптуру. Былинные витязи и богатыри, крепкие русские мужички, вырезанные из дерева, открывают новую грань таланта художника, берущую начало среди величия и красоты Лазовского заповедника.

*Трава стелется вниз по склону.
Камни катятся вниз по склону.
Я поднимаюсь вверх,
чтобы тоже спуститься
по склону...*

*...Заглянув в глаза, уходит солнце...
Закончился день.
Заглянув в глаза, уходишь ты...
Закончилась любовь...*

На переднем плане справа – Н. Рыбаков, слева – Т. Кубанова. На заднем плане доктор исторических наук из Новосибирска Виталий Епифанович Ларичев. Снимок сделан во время осмотра хакасских писаниц, 2004

РЫБАКОВ Николай Иосифович родился в Забайкалье. В 1972 году окончил Красноярское художественное училище им. В.И. Сурикова. Член Союза художников с 1980 года. Обладатель наград:

- первая премия, биеннале графики, Калининград, 1990;
- первая премия, выставка-конкурс «Золотая кисть», Москва, 1990;
- Гран-при, выставка-конкурс «Золотая кисть», Москва, 1992;
- первая премия, Всесибирский конкурс художников, Новокузнецк, 1993.

В 2001 году Николай Рыбаков стал кавалером Почетного золотого знака «Достояние Сибири» за личный вклад в развитие сибирской школы современной живописи.

Работы Н. Рыбакова хранятся в фондах Красноярска, Омска, Читы, Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Новокузнецка и других городах Сибири и Дальнего Востока, а также в Тбилиси, Москве, Любляне, в галереях США, Германии.

Художник работает в графике, живописи, фотографии, разрабатывает собственные техники. Николай Рыбаков активно выставляется, он участвовал в 16 зарубежных и международных выставках. С 1984 по 2004 год состоялись 22 персоналии, среди которых выставки в Комсомольске-на-Амуре и Хабаровске (1992).

КУБАНОВА Татьяна Андреевна родилась в Комсомольске-на-Амуре. Закончила филологический факультет государственного педагогического института (Комсомольск-на-Амуре) и отделение искусствоведения и культурологии государственного университета (Екатеринбург). Работала в Комсомольске-на-Амуре старшим редактором студии телевидения (1973-1980), зав. фондами, зав. сектором современного искусства, зав. научно-исследовательским отделом музея изобразительных искусств (1980–1999). Тема научных интересов: культура малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока и ее трансформация в творчестве современных художников. В 1995 году защитила кандидатскую диссертацию в СПбГУ по специальности культурология. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге, работает в Государственном Русском музее. В 2003 году разработала выставочный проект «Прорастая Сибирью». Его основная цель – выявление специфики сибирского, дальневосточного изобразительного искусства и его роли в развитии культуры России. Заключительный этап пройдет в Санкт-Петербурге в 2006 году. Идея данной статьи появилась во время поездки на юг Сибири. В основе ее – осмысление пространства Сибири и формы ее воплощения в творчестве отдельного художника.

Ойкумена художника Сибири

Рубеж XX – XXI веков

Николай РЫБАКОВ (Красноярск)
Татьяна КУБАНОВА (Санкт-Петербург)

Пространство – одна из главных констант, определяющих особенность любого ландшафта. Сибири в этом отношении сложно дать однозначную характеристику. Горы, леса, реки, озера, степи – неотъемлемые составные этой обширной территории. В разных частях ее они занимают главное или второстепенное положение, определяя хозяйственную деятельность людей, издревле проживающих в этих местах. Обширные степи – прекрасные места для пастухов, плодородные земли – для земледельцев, леса – для охотников, озера и реки – для рыбаков... Пространство является жизненной и социокультурной сферой общества, «вместилищем» и внутренним объемом культурных процессов.

Многие культурологи, начиная с начала XIX века, разрабатывали идею о взаимосвязи территории и уникальной культуры, сформировавшейся в ней (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, П. Савицкий, П. Милюков и др.).

Каждая культура порождает свое археологическое пространство, которое представляет духовно-культурное образование. Духовный компонент в этом едином комплексе наделяется сакральными, религиозно-мифологическими характеристиками.

Кризисное для России время 1980–1990-х годов характеризовалось резким сокращением культурного пространства. Но совсем скоро ностальгия об утраченном послужила причиной восстановления того мира культуры, который был когда-то понимаемым... Он воспринимается образцом, эталоном прошлой жизни, способным изменить сегодняшний день в лучшую сторону и заложить основы будущего.

Одним из первых делает этот шаг художник, которому необходимо ощутить свою сопричастность к таинственному миру, понять его законы и выстроить свою жизнь, жизнь своих соплеменников по этим законам.

Для художника творчество есть один из способов понимания жизни предка. Ему важно угадать мысли древних, идя их следом. Этот процесс позволяет вовлечь современника в столь таинственный путь и осмыслить вместе с ним вечность проживания, основой которого являются Любовь и Красота.*

* Курсивом выделены размышления художника Н.И. Рыбакова.

Статья написана в соавторстве художника и культуролога. Творческое сотрудничество позволяет выявить пространственный диалог двух культур: региона и отдельного его творца. Художник интерпретирует своеобразно осмысленный им мир и свою территорию, ойкумену, где он живет и творит. Индивидуализм как характерная особенность искусства XX–XXI веков дает возможность художнику быть понятым, «досказанным» – и, следовательно, осмысленным становится его духовное пространство, развивающееся в контексте культурного пространства Сибири.

Но прежде чем пригласить в этот путь зрителя, художнику необходимо понять образ своего предка, осмыслить ту территорию, где он обитал. На это уходит порой значительная часть его жизни.

Одним из способов обретения этих знаний многие художники считают поездки, путешествия в разные места России и другие страны, знакомство с их культурой.

Я много путешествовал, бывал на Таймыре, в Эвенкии, в Охотском крае... Особенно запомнились поездки в Монголию, на Тянь-Шань... — в удивительные места в богатой древней культурой. Эти места близки мне по ощущению пространства, по соразмерности природы и человека.

Казалось бы, разные ландшафты путешествий художника: тундра, степи, поля объединены семантической емкостью и мифопоэтической выразительностью бескрайних просторов. Их горизонтальная протяженность и величественность становятся еще более грандиозными в контрасте с одинокой и оттого кажущейся монументальной вертикалью гор, юрт, курганов, менгиров, наездника-кочевника на коне. Воображаемый предок проносится по этим землям то в роли воина, то охотника, то уходящего мирянина, прощающегося со своим родоначальником или просящего благословения своему племени...

Собирательность образов территории и предка диктуется не только идентичностью отдельных территорий обширного Азиатского региона. Она во многом является отражением компактного напластования здесь различных культур, о которых напоминают древние писаницы, народные сказания, обычаи и обряды потомков. Творческий человек воспринимает весь этот культурный блок сквозь призму индивидуального жизнепрживания.

Составляющей частью моей жизни является поиск собственных корней. Работал в архивах, записывал воспоминания родных, фотографировал урочища, где жили и до сих пор живут мои далекие родственники. Мне удалось раскопать свои корни до седьмого-восьмого колена — это середина XVIII века. По одной из ветвей материнской линии мы поселенцы-рекруты, призванные от помещика Новгородской губернии при Елизавете осваивать и охранять восточные границы России. Линия отца прослежена мной не так глубоко — в архивах ничего не сохранилось. Фамилия их Рыбаковы... Сюда же примешивается финно-угорская кровь с фамилией Кунгуровы. Последние сведения для меня особенно важны. Данная ветвь как бы приобщает меня к Азии, к моей земле...

Поиск своей родословной позволяет художнику сделать еще одно неожиданное открытие: сопричастности к культуре, казалось бы, отдаленных этносов, к судьбе Сибири, в которой отразилась история России. Художник аккумулирует в себе историческую память, являясь посредником в передаче ее зрителю.

Каждый творческий человек должен выработать некую систему, целостный взгляд на мир, в котором он творит и живет. И тогда мир, созданный им в произведении, будет понятен его зрителю, принят им — и, прежде всего, его чувствами, эмоциями.

Хакасия — частичка обширной Азии, южная часть Сибири, земли художника. Она далека от Забайкалья, где прошло его детство, и Красноярска, куда переехал он в юности и где живет с семьей уже почти сорок лет. Но именно она, Хакасия, отчий край его сородичей, стала любимым местом отдыха для его детей, которые играли здесь с хакасскими ребятами, и дорогим местом для него самого. Более тридцати лет назад он познакомился с этими краями. В первые годы, бывая здесь наездами, он обошел все горочки, встречал рассветы, провожал закаты, видел лунное утро... Это был период насыщения впечатлениями, столь важный для художника. Хакасия хранила и поражала безграничными

Н. Рыбаков. Ойкумена. Х,м, акрил. 120х90. 2004

иллюзиями. Взволнованному путешественнику иногда казалось, что, минув определенный участок степи, он окажется на краю земли. Но, достигнув этого места, перед ним открывались такие безграничные дали, что дух захватывало... Эта пространственная тишина была наполнена неведомым ему смыслом.

Когда-то, в молодые годы, все, что представлялось мне существующим, не имело границ, было расплывчато и беспредельно... Все мои путешествия не расширяли границы моей территории, они лишь только принесли мне осознание земного...

Художник 1970–1980-х годов не растворяется в потоке событий, принимая как естественное все, происходящее рядом. Он стоит над ними, отмечая изменения ценностей внутри культурного пространства, выделяя важные смысловые кульминации в непрерывной протяженности пространства, значение которых станет понятно не сразу. Но интуиция творческого человека становится точкой, фиксирующей изменения, происходящие и в его собственной судьбе.

В начале нового XXI века понимаю, что ...самым емким моим достижением (может быть, потому, что более понятно зрителю) является цикл «Кочевье», выполненный в начале 1980-х годов по результатам моих наблюдений за жизнью хакасских поселений Ошколь и Агаскыр. Это было сложное время, когда перекапывали древние курганы, сдвигали тракторами менгиры, древние кладбища засеивали пшеницей... Телега и колесо для меня стали декоративными знаками того времени... В графических листах я, как сейчас понимаю, отразил грань перехода от патриархального уклада деревенской жизни к началу Нового времени. Такая же тенденция была отмечена и в литературе (В. Распутин. «Прощание с Матерой»; В. Астафьев. «Царь-рыба», «Последний поклон»). Та жизнь отметила первую половину и моей жизни, и моих творческих завоеваний.

Н. Рыбаков. Белая долина. Бум., акрил. 65x90. 2003

Телега и колесо — это символы, выражающие период горизонтального пространства и линейного времени (вариации этого символа будут сопровождать художника и в дальнейшем, но приобретут новое содержание). Именно они связывают его с землей, с твердью, которую учил любить его отец. Вместе с ним он ходил на покосы, ухаживал за лошадьми, заготавливал дрова... Все эти крестьянские дела были пронизаны запахом бесхитростного детства, которое так скрепляло и до сих скрепляет его с землей.

Через это ушедшее, но не покинувшее мою память детство я и связан с патриархальностью, другими словами, с землей. Оторви от меня эту связь «памяти», и обнажится во мне черствое, облик мой потеряет окраску жизни... Я погибну, опущусь в нищету и глушь понимания времени, я потеряю ориентацию в самом главном — в мироощущении.

Хакасия начала 1990-х годов становится для художника тем местом, в котором воплощается его представление о Доме. Именно собирательная функция культурного пространства позволит воплотить все предыдущие искания художника.

Я много видел ландшафтов..., но среди них я не чувствовал себя комфортно... Они были какими-то отчужденными, далекими. Хакасия ближе мне по духу, она очеловечена, и законы ее соразмерны. Архитектоника ее вызывает во мне самые лучшие чувства: восхищения и благородства.

Обобщенный в молодые годы образ культурного пространства становится более определенным, приобретая новые характеристики, становясь культовым пространством различных времен и эпох. Изменяется и собственная территория художника, его ойкумена, становясь трехмерной содержательной формой.

Пространство моей ойкумены сужается, оно приобретает глубину, то есть третье измерение. И это созвучно моим творческим поискам...

Одним из способов создания объема пространства художник видит в обращении к истории места. В последние годы он серьезно занимается восстановлением истории знакомого ему хакасского села Агаскыр, о котором сейчас напоминают лишь отдельные полуразрушенные избы, заросшие тропинки да красивая легенда о Белом Жеребце. Того самого Агаскыра, которому в начале 1980-х годов посвятил он цикл своих графических работ, а сейчас продолжает повествование уже в словесной форме о судьбе «уходящего Агаскыра».

Художник собирает воспоминания старых людей о забытых поселениях Черного Июса: Ошколь, Нижняя Сарала, Икэп, Сулек и др., работает в архивах музеев, государственных учреждений, в библиотеках, ведет переписку со специалистами по культуре Сибири, сам делает открытия, научно

обосновывая их. И все это делается для того, чтобы напомнить историю тех, кто жил здесь, чтобы оживить человеческими голосами свою землю.

Обжитая пустыня моей жизни — ойкумена — это есть, очевидно, тот Дом, который художник выстраивает в своей жизни как некое культурное, гармоническое пространство, в котором он, проживая под Богом, работает творчески. В этом Доме у него расставлены по определенным сторонам (углам) те объекты, через которые он воспроизводит свои творческие поиски.

Ориентиры ойкумены художника обязательно связаны с Хакасией.

Основные стороны моей территории вполне конкретны, их три. Первое — это горы Сарат, Сулек, Сундуки, на которых находятся культовые места: писаницы, храм, древняя обсерватория. Второе — территория моей мастерской в селе Сарала, где я работаю и делаю свои маленькие открытия. Третье — Избас, самый север Хакасии, который я открыл для себя последние два-три года. Там обглоданные ветром, выхлестанные дождями утесы, худосочная растительность, но именно там я ощутил близость к вселенской скорби... Она не в бездне за горизонтом, как на Таймыре, а в высоте небесного свода Избаса.

Для художника 1990-х годов важно пережить знакомое ему пространство, заполняя его действием, звуком, мыслями тех, кто обитал там. И тогда отстраненно молчаливое для постороннего пространство облекается в огромный, дышащий котел/чашу, в котором продолжает бурлить жизнь.

Мы на Змеиной горе. Впереди нас на юге простирается хребет Арга-так, слева от нас, на юго-востоке, протянулась от первой вершины, от Красной скалы — Кызыл-Хая, от нее Барбаковы горы. Прямо перед нами — Черные утесы Хара-таг. На всех этих горах: на Красной горе — Кызыл-Хая, на Черной горе — Хара-таг и под нами, на Змеиной горе, находятся святилища. Например, в проеме на Батанаков улус (Барбаковы горы) стояла каменная баба — Хозан-хыс (Заяц-Девушка). Я так понимаю, что эти святилища расположены по краям чаши. Внутри нее и в тулове были поселения, летники, зимники. Летом в сухих местах стояли юрты, а зимой в долине Черного Июса пасся скот. Здесь вершились дела человеческие и кипели человеческие страсти.

Образ котла/чаши, открытый художником, не только позволил постигнуть глубину окружающего пространства, но и увидеть его ландшафтное воплощение во многих местах Хакасии благодаря открытым там курганам и писаницам (Салбык, Ошколь, Змеиная гора). Культурное пространство в форме котла/чаши с петроглифами по краям, вероятно, являлось оберегом, охраняющим людей, находящихся в его лоне. Оно дарует жизнь и благополучие тем, кто следует законам Неба. Этот символ часто встречается на наскальных изображениях Хакасии (писаницы у дер. Подкамень — Барбаковы горы; Ошкольская писаница; скалистые горы, местность Оргинек; Большая Боярская писаница). Открытие некоторых из них тоже принадлежат художнику.

Писаницы, ритуальные скульптуры, как и недавнее прошлое хакасских сел, уже около десяти лет входит в сферу интересов художника. И именно потому, что большинство из них не расшифровано, он считает своей обязанностью самостоятельно или в содружестве с археологами сделать это.

Увлечение археологией дает мне глубину изучения мира, а самое главное — новое постижение себя.

В Доме художника, в его ойкумене, должно звучать достоверное многоголосие культур, представители которых проживали здесь с давних времен и ходили по тем тропам, по которым ходят современные хакасы и сам художник.

Символ нового для художника осмысления культурного пространства является архетипическим образом в мировой культуре. Он исполняет роль свернутой мнемонической программы текстов и сюжетов. Содержание его многозначно: это рождающее место; стихия, куда человек возвращается после смерти; купол Неба, а также само бессмертие человека (Семенова Л.Н. Ребенок, живущий на огне / К вопросу реализации архетипа младенца в традиционных культурах (на материале якутской традиции) // Архетипические образы в мировой культуре. Всероссийская научная конференция. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, 1998. С. 64. Самар Е.Д. Под сенью родового древа. Хабаровск, 2003. С. 129. Габышева Е.С., Дьякова В.М., Кириллин А.С. Чаша, сосуд, чорон: семантика образа и некоторые культурно-исторические параллели // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск, 2003.). «Пронзая» все срезы культуры по вертикали, символ проходит из прошлого и уходит в настоящее (Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. С. 212.). Созданная древними вертикаль (котел/чаша, мировое дерево, Каменная Дева) разрабатывается художником в циклах работ «Цветение», «Чаши», «Ойкумена» и др. Эти современные символы, созданные на основе знаков предков, конденсируют опыт человечества, обогащая ее формообразующую и содержательную стороны. Рукотворные образы художник помещает в лаконичный, но значительный формат.

Мною любимый вертикальный формат своей устремленностью вверх и вниз сразу отсекает горизонталь. Последняя стремится вовлечь в себя горизонт и нарушает ощущение ирреального.

Символ вертикали 1990-х годов, пришедший на смену горизонтали 1970-х годов, позволяет художнику передать изменение собственного сознания, а также иерархию мира, центричность, связывающую основные субстанции мира (небесного, земного, подземного) и придавая гармонию Вселенной. Эту связь озаряет знак Солнца (взамен колеса), утверждающий бессмертие культуры, бессмертие времени, бессмертие территории художника.

В окрестностях Сундуков, в так называемом комплексе «Грудь-гора», обнаружен повторяющийся, очень емкий сюжет, посвященный Солнцу, а точнее, Солнцу в лодке. Истоки сюжета лежат в культуре Древнего Египта. Глубокая выбивка главного изображения на большой плоскости впечатляюща. Солнце в лодке! Сколько жизнеутверждающей силы!

Культурное пространство — многомерно, объемно и динамично. Ойкумена художника — череда бесконечных поисков познания этого глубинного мира и себя. Эти два пространства связаны между собой неотъемлемой нитью созидания, которая находится в непрерывном развитии. Познание художника эволюционирует от знакомства с внешним пространством и его эмоциональным восприятием к осмыслению глубины мироздания. Этот опыт лежит в основе содержания ойкумены художника. Оно воплощается в Чашу накопленных знаний о Божественной сути Единого Творца. Эта форма позволяет сохранить познанное, чтобы не проистекало и не расплескивалось ее содержимое. Проводником знаний является избранный Творца — художник.

Ойкумена — это пустыня моей жизни, где я становлюсь полубогом, когда свершается обряд открытий. И даже в эти редкие минуты я понимаю, что явленное не может быть случайным, оно должно быть востребовано с бесконечной жаждой обновления.

Путь познания бесконечен. Бесконечен и путь художника в выполнении определенной свыше задачи, безбрежен океан его творения.

В живописи хранится тайна, которая до конца не подвластна человеческому разуму. Только чутьем можно в какой-то мере подойти к ее разгадке. В ней

Н. Рыбаков. Омут. Х., м., акрил. 100x110. 2004

сила первородного греха и мудрости, земная загадка и хитрость открытий, опасность немощи и сила духа! Она убивает и возвышает!

Свершенный художником обряд открытий в начале XXI века воплотится в новую форму, которая синтезирует предыдущие его искания в реалистической и абстрактной манерах. Она позволит подойти к плоскостному изображению, к декоративной пластике, которые в осязательно-ощутимой форме отразят чувства художника.

Возрождение своего родного возможно только на гребне всеобщего подъема культуры. И мы, художники Сибири, должны приблизить это время... Наши поиски позволяют найти потерянную когда-то нить, которая связывала предыдущие времена, и таким образом приблизить себя к будущему.

Пусть восходящим символом этих новых открытий художника и его коллег станет Солнце, его животворящая сущность!

В ярком свете красно-розовых отсветов я падаю и смеюсь, умираю в пляске внутриутробного мира переменчивости. Вот я, вот мой Бог, вот моя радость, вот мой край!

Н. Рыбаков. Опыт 1. Х., м., акрил. 100x110. 2004

1

2

НА КРАЮ МЕЧТЫ

Елена ГЛЕБОВА

Судьба художника Даниила Семеновича Шофмана (1917 – 1976), как и многих его собратьев по творческой мастерской, была вписана в контекст той эпохи четкими буквами. Отсюда и характерные идеологические черты произведений мастеров того времени, при которых важно не столько искусство, сколько правильность расставленных акцентов по отношению к правящему классу. Но и в таких жестких рамках многие художники оставались искренними в своем творчестве. Эта честность ощущается даже сегодня, когда идеологическая окраска поблекла и стала частью истории. С высоты сегодняшнего дня мы не вправе давать какие-либо оценки, кроме одной – человеческой.

Времена не выбирают. В них, как заметил поэт, живут и умирают. Времена Даниила Шофмана были не самыми комфортными. Он родился в 1917-м – революционном и роковом в местечке Городок Витебской области, в 1934-м окончил Витебский художественный техникум. Очень немного материалов сохранилось об этом художнике, и потому не известно, каким образом он попал на Дальний Восток? Во всяком случае, когда в 1939 году в Хабаровске появился «Всекохудожник» – Всероссийское кооперативное отделение художников, в его состав вошли такие профессионалы, как И. Горбунов, А.

Шишкин, И. Елкин, Д. Шофман. Однако, как говорят скупые архивные документы, в качестве живописца Даниил Шофман проявил себя в 1941-м, приняв участие в 9-й выставке хабаровских художников, состоявшейся в ноябре. В то время ему всего 23.

Уже прошло почти полгода, как началась Великая Отечественная, и потому художественное пространство было наполнено одной темой. Даниил Шофман представил полотно «Пионер», а также созданные в союзе с художником Тихоновым эскиз к картине «Государственный комитет обороны, холст «Маршалы», где изображены Ворошилов, Тимошенко и Буденный, панно

1. «Шторм».
Картон, масло. 1960-е. ДВХМ

2. Даниил Семенович Шофман

1. «Автопортрет за этюдником». Картон, масло. 1960-е. ДВХМ
2. «Серые скалы». Картон, масло. 1960-е. ДВХМ

«Все силы на разгром врага», плакаты «За честь, за свободу», «Кровь за кровь», «Все на защиту Родины».

В те дни, как известно, практиковались обсуждения выставок, в которых принимала участие творческая общественность. Вот, к примеру, небольшой фрагмент из выступления писателя Николая Рогая: «Художники быстро переключились в связи с войной. Центральное место на выставке занимают работы художников Тихонова и Шофмана. Но картина «Государственный комитет обороны» не закончена. В чем недоработанность: нужно, чтобы товарищ Сталин был центральной фигурой, душой и сердцем картины». Еще одна цитата из выступления Р. Катинской: «Особое внимание привлекает картина художников Тихонова и Шофмана «Маршалы». Подолгу задерживаются зрители перед ней, вглядываясь в знакомые черты советских полководцев. Интересен портрет пионера-негретенка, написанный Шофманом. Современной делают выставку только картины Тихонова и Шофмана».

Не прошло с момента той выставки и двух месяцев, как война для Даниила Семеновича приобрела вполне конкретные черты: в феврале 1942 года художник призван в ряды Красной армии и назначен командиром минометного расчета. С фронта он вернулся лишь в 1945-м, чтобы вновь взяться за палитру и кисти. В его творчестве теперь окончательно сформировалась центральная тема — война. Спустя год Даниил Семенович стал кандидатом в члены Союза

художников СССР, позднее вошел в Союз. В разное время Шофман исполнял обязанности ответственного секретаря правления Хабаровского отделения СХ РСФСР (1964), был членом совета (1967), членом художественного совета (1971).

В статье Елены Дроздовой (*Елена Васильевна Степина, журналист, секретарь Хабаровского отделения Союза художников. — Прим. ред.*) «Сердце художника-воина», опубликованной в 1971 году в газете «Тихоокеанская звезда», упоминаются созданные Даниилом Шофманом в разное время тематические картины: «Двадцать

1. «Улицы Хабаровска».
Картон, масло. 1960-е. ДВХМ

2. Этюд.
Картон, масло. 1960-е. ДВХМ

второе июня», «Мать», «В тайгу, к партизанам», «О днях минувших». Эти и другие полотна участвуют в городских и краевых выставках.

Шофман пишет портреты Сергея Лазо, М.Г. Дикопольцевой — матери Героя Советского Союза Дикопольцева, Марии Барашковой — заслуженной артистки РСФСР. К слову, это полотно, где актриса предстает в роли царицы Ирины из спектакля «Царь Федор Иоаннович, долгое время находилось в краевом театре драмы.

Но была и еще одна линия в творчестве Даниила Шофмана, созданная романтиком и путешественником. Именно она, окрашенная не временем, а душой, по-настоящему раскрывает внутренний мир художника. Курилы, Командоры, Сахалин... Этюдник, тяжелый рюкзак и ветер в лицо. Из этих поездок Даниил Семенович привозил пронизанные солнцем и морским прибоем этюды. Сегодня часть этой коллекции хранится в Дальневосточном художественном музее.

Позволю себе процитировать Елену Дроздову (Степину), хорошо знавшую Даниила Семеновича и его творчество («ТОЗ», 8 мая, 1971): «...Он написал звучные пейзажи «Вечер на Тунгоре», «Командоры», которые были приняты на первую республиканскую выставку маринистов и выставку «Советская Россия» 1960 года.

...Многое, увиденное здесь (на Северном Сахалине, на Курилах и Командорах. — Прим. ред.) осталось за холстом, но живет в сердце. Как, скажем, забыть на острове Кунашир сопку Лысую. Поднимешься на нее — за спиной Охотское море синее, над ним небо синее и солнце горит. Влез чуть выше — океан уже серый, над ним тучи клубятся, и туман ползет. Так и стоял художник: одна нога в тумане, другая на солнце.

Я не знаю, напишет ли когда-нибудь Д.С. Шофман такую картину, но я бы назвала ее «Край земли». Она будет как сбывшаяся мечта: кто же не мечтает дойти до края земли, земли любимой и обетованной, защищенной тобой и воспетой в своем творчестве».

2

Виль БОРЩЕВСКИЙ,
член творческого Союза художников
России (Петропавловск-Камчатский)
Фото Николая СЕДОВА

Палитра из дождя, солнца и ветра – дендропластика

Участвуя в выставках прикладного изобразительного творчества мастеров, работающих с деревом, я обратил внимание на то, что, составляя экспозицию и описывая экспонаты, искусствоведы порою затрудняются, к какому виду художественной обработки дерева отнести тот или иной предмет. С одной стороны, похоже на корнепластику, но не из корня, а из сучка. С другой – изделие похоже на резное, но резных там всего две-три детали, а произведение имеет вполне законченный вид. Или вообще, классифицируя экспонат, определяют его вид как природную форму. Получается, что роль мастера вообще не учитывается?

Я выделяю из видов художественной обработки дерева такие, где мастер работает не со стандартным куском дерева (пиломатериалами) и вырезает или вытачивает из него свое изделие, украшая его, вдавливая кусочки металла или иного материала, вырезая из шпона различных пород дерева кусочки и объединяя их композицией. Объединив изделия по тем свойствам, когда им присуща максимальная выразительность самого дерева, интуиция мастера, а не его умение, мастерovitость, я решил назвать это направление художественной обработки дерева дендропластикой, взяв за основу греческое слово «дендро» – «дерево».

Дендропластка – вид художественно-изобразительного творчества, преобладающий мотив которого – максимальное использование изделий природных особенностей и проявлений: корней, сучь-

ев, направлений слоев, текстуры, древесины с различными пороками древесных наростов, капов, древесины, которая тронута гниением на различных его стадиях, древесины, выбеленной и деформированной атмосферными явлениями; древесины, мореной водой, и т.п., а также одеревеневших древесных грибов-трутовиков.

Дендропластка в процессе сотворения изделий вспомогательного использует все виды художественной обработки дерева – резьбу, точение, обжиг, выжигание, тонирование, инкрустацию, реконструкцию и т.п.

БОРЩЕВСКИЙ Виль Михайлович,
мастер резьбы по дереву.

Родился в 1937 г. в Улан-Удэ.

В 1952 г. семья уехала из Бурятии, и потому десятилетку окончил в Амурской области на ст. Магдагачи в 1955 г. и тогда же поступил в Хабаровский институт железнодорожного транспорта.

С 1979 г. живет на Камчатке.

Работал в конструкторско-технологическом отделе ДСК, с 1993 г. и по сей день трудится в мастерской резьбы по дереву Центра культуры и досуга «Апрель».

Являясь мастером-самоучкой, с деревом Виль Михайлович работает с середины 1960-х гг. Свое направление в творчестве называет «Дендропластикой».

С 1980-х гг. участвует в различных выставочных проектах.

В 1987 г. по итогам областной выставки мастер отмечен

почетной грамотой, а его работы отобраны для юбилейной экспозиции в Москве. В том же году участвует в выставке камчатских мастеров декоративно-прикладного искусства, посвященной 300-летию присоединения Камчатки к России. В 2000 г. – участник Московской

выставки-смотрa сувениров, в 2001 г. – лауреат выставки изделий народных

мастеров «Традиции предков в новый век» в Петропавловске-Камчатском. Виль Борщевский – член

Союза российских писателей, автор поэтических сборников «Телеграф весны»

(1997) и «Не бывает песни без поэта» (2003).

Василий Ходаков – специальный корреспондент газеты «Правда»

В Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова поступили новые музейные предметы. Их передала Нина Яковлевна Комарова, вдова поэта Петра Степановича Комарова. В этой коллекции – семейные фотографии середины XIX века, 30 – 90 годов XX века, этюд хабаровского художника А.В. Шишкина «В лесу», подаренный художником Петру Комарову в 30-е годы XX века, вырезки из газеты «Правда» 1936 года и др. Все материалы представляют большую ценность, особенно неизвестные ранее фотографии П.С. Комарова, но меня заинтересовали материалы журналиста Василия Яковлевича Ходакова, брата Нины Яковлевны.

Клара ЗИЛОВА,

старший научный сотрудник
литературного отдела
Государственного музея Дальнего
Востока им. Н.И. Гродекова

В.Я. Ходаков работал на Дальнем Востоке с 1931 по 1936 годы. В 1931–1933 годах был редактором газеты «Красное знамя» во Владивостоке, а с 1933 по 1936 годы – специальным корреспондентом газеты «Правда» по Дальневосточному краю, жил в Хабаровске.

В 1934 году к Василию Яковлевичу приехала сестра, Нина Яковлевна Ходакова, ей было в то время 20 лет. Приехала она из Иркутска, где училась в геологическом техникуме. В коллекции фотография 1934 года, на которой Нина Ходакова, жена брата Василия Яковлевича А.В. Ходакова, их дочь Стелла, брат Нины Виктор Яковлевич Ходаков (он учился в Хабаровском медицинском институте) сфотографированы в центре Хабаровска, стоят на деревянном тротуаре. Нина Яковлевна работала в газете «Знамя пионера». В редакции газеты она познакомилась с Петром Комаровым, в 1936 году они поженились. Родились дети: Сергей (1937) и Таня (1941).

Отец Нины Яковлевны и Василия Яковлевича – Яков Яковлевич Ходаков – закончил Тимирязевскую академию, был землемером, агрономом. Бабушка по материнской линии Фелиситэ Ге, француженка, приехала в Россию гувернанткой. У их матери Августины Васильевны Ходаковой (Ивановской) было 10 человек детей, семья жила в городе Ржеве. Во время Великой Отечественной войны их постигло несчастье: Августа Васильевна во время немецкой оккупации погибла.

В материалах, переданных Ниной Яковлевной, – газета «Ржевская правда» от 29 марта 1978 года со статьей «Нас водила молодость», в которой рассказывается об одном из организаторов комсомола в Тверской губернии Василии Яковлевиче Ходакове.

Он родился в 1903 году в Ржеве, гимназию окончил в 1919 году в Бежецке. Там же принял участие в создании комсомольских организаций в городе и уезде. В феврале 1920 года Василий добровольцем ушел в Красную армию, окончил курсы командиров, сражался с белогвардейцами на Кубани и в Закавказье.

Возвратившись с фронта в марте 1922 года в Ржев, вступил в партию. Работал секретарем ряда уездных комитетов комсомола, заведующим агитпропотделами уездных комитетов партии. В 1924 году партия направила В.Я. Ходакова на газетную работу. С тех пор он посвятил себя журналистике. Был секретарем редакции газеты «Тверская правда», главным редактором «Ржевской правды». Затем ЦК РКП(б) отправил его на Дальний Восток. Шесть лет В.Я. Ходаков работал во Владивостоке и Хабаровске.

1. Василий Яковлевич Ходаков. Хабаровск, 1936

2. Сотрудники газеты «Керченский рабочий». Второй во втором ряду слева Василий Яковлевич Ходаков. 1930

В коллекции есть фотографии работников печати в Симферополе (1929) и сотрудники газеты «Керченский рабочий» (1930). Здесь же две вырезки из газеты «Правда» с репортажами В.Я. Ходакова. Первая статья «Радость первой встречи» (по телеграфу от специального корреспондента «Правды», Николаевск-на-Амуре, 24 июля 1936 года) — о беспосадочном перелете Валерия Чкалова на Дальний Восток.

В. Чкалов сел на остров Удд 22 июля 1936 года. Вот как описывает эти события В. Я. Ходаков: «Первым открывается остров Лангр, заросший травой. Над ним прошел самолет Чкалова, выбирая посадку, в сумерки 22 июля. В полутора-двух километрах дальше тянется узкая желтая песчаная коса — остров Удд. На нем покойно, как на лучшем аэродроме, стоит машина героического экипажа».

Летчики Николаевска-на-Амуре восхищались, как Чкалов в туман, на остров, покрытый галькой, без единой полочки сумел посадить самолет. Далее автор описывает, что на острове был организован товарищеский чай. Чкалов беседовал с пилотами и пограничниками о самолете АНТ-25, говорил о Туполеве, о создателях прекрасной машины. Днем в Николаевске в честь героев обком партии, облисполком, областное Управление НКВД дали торжественный обед, на котором Чкалов первый тост провозгласил за великого Сталина, за великий советский народ.

В другой статье «АНТ-25 прилетел в Хабаровск» (от специального корреспондента «Правды», Хабаровск, 2 августа) В.Я. Ходаков рассказывает о встрече Чкалова в Хабаровске.

На аэродроме в Хабаровске Чкалова встречали секретарь крайкома партии Лаврентьев, председатель крайисполкома Крутов, маршал Советского Союза Блюхер, начальник политуправления КДВА Аронштам, начальник дальневосточной погранохраны комдив Чернышев и др. В репортаже Ходаков пишет: «В 13 час. 15 мин. появляется АНТ-25. «Иду на посадку в Хабаровск», — сообщает по радио Чкалов маршалу Блюхеру. В 13-30 АНТ-25, приветственно помахивая крыльями, низко проплывает над аэродромом. Крики «ура» несутся навстречу героическому экипажу. АНТ-25 плавно приземляется». Чкалов поднимается на трибуну. «Товарищи бойцы, командиры, политработники ОКДВА, товарищи трудящиеся Хабаровска, приветствую вас от экипажа АНТ-25, — говорит Чкалов. — Экипажу было поручено нашим вождем товарищем Сталиным совершить беспосадочный полет... Сталинский маршрут завершен». Затем на трибуну поднимается В.К. Блюхер. Он говорит об огромном значении беспосадочного перелета на восток. Митинг закончен. Гостей в машинах, украшенных цветами, увозят за город к маршалу Блюхеру. На приеме Чкалов сказал: «Нам оказана великая честь, но мы знаем, что многие люди повседневно делают больше, чем сделали мы. Каких мужественных людей и защитников наших границ мы видели в дни нашего пребывания на Дальнем Востоке!» В семь часов вечера летчики с Блюхером, Лаврентьевым и Крутовым едут в парк культуры и отдыха на встречу с трудящимися Хабаровска. Сотни людей приветствуют героев. Открывается митинг. Его по

1. Семья Ходаковых.
Нач. XX века

радио передают в Москву, на всю страну. На митинге выступает Чкалов. Он говорит, что для нашего воздушного флота нет границ! Последним выступает В.К. Блюхер. Он поздравляет Героев Советского Союза, говорит о большом хозяйственном, политическом и оборонном значении беспосадочного перелета Чкалова, Белякова, Байдукова на Дальний Восток. В заключение все хором поют «Дальневосточную партизанскую».

В 1936 году В.Я. Ходакова перевели в Москву, в редакцию газеты «Правда». Он принимал участие в финской войне, а с первых дней Великой Отечественной заведовал фронтовым отделом ТАСС, затем назначен корреспондентом ТАСС на юго-западном направлении. Был ранен, награжден орденами: «Красной звезды», «Отечественной войны 1 степени», медалями «За боевые заслуги», за освобождение Праги, Вены, Будапешта, взятие Берлина. После демобилизации работал в Совинформбюро, радиокомитете и ряде центральных газет. Умер Василий Яковлевич в Москве в 1987 году.

Документы, переданные Ниной Яковлевной Комаровой, — свидетельства нашей истории, еще одна ее страница, где отразилась судьба дальневосточного журналиста.

2. Слева направо:
Стелла Ходакова, А.В. Ходакова — дочь и жена В.Я. Ходакова, Н.Я. Ходакова, В.Я. Ходаков.
Хабаровск, 1934

2

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»

Светлана ФУРЦОВА

Принято считать, что люди публичных профессий – это те, которых узнают в лицо, просят автограф, интересуются подробностями личной жизни. Режиссер краевого радио, заслуженный работник культуры РФ Галина Ивановна Завода, отметившая свое 80-летие, всю жизнь была «за кадром», по ту сторону микрофона. Однако ее имя и ее голос хорошо известны в Хабаровске, ибо без малого 60 лет она открывала Слово – это, по определению Михаила Ломоносова, «блаженство рода человеческого».

3

4

5

6

1

2

7

1. С Валерием Шавриным. Разбор «полетов»
2. Снимок, сделанный Романом Карменом в Ленинграде
3. За режиссерским пультом
4. Галина Долгова-Завода. Хабаровский радиокomitee
5. Ян Фрид – известный кинематографист, первый учитель Гали Долговой
6. Галина Завода и Михаил Храбров у входа в радиокomitee
7. Дикторская группа во главе с М.Ф. Тебневым

Началось все с театра. Старожилы помнят, что в 1942 году по инициативе артистов Ленинградского нового театра, которых на Дальний Восток забросили превратности военных лет, решением исполкома Хабаровского городского совета при ДППШ был создан театр юных зрителей. Первый спектакль по пьесе Александры Бруштейн «День живых» молодые энтузиасты репетировали ночами и, несмотря на трудности быта, верили, что людям кроме хлеба насущного необходимы и снег, и розы.

Молодая Галя Долгова, едва окончившая десятилетку, занимавшаяся в драмкружке при ДППШ, была принята в труппу нового театра статисткой. Случай заявить о себе не заставил долго ждать. Заболела одна из исполнительниц, и спасать положение выпало на долю неопытной статистки. Так Галя сыграла свою первую роль, в которой было три перевоплощения. Однако если с первыми двумя — разносчиком газет и цветочницей — юная артистка вполне справилась, то с третьей, ролью женщины с трудной судьбой, пришедшей в богатый дом просить работу, произошел казус. Дело в том, что по ходу пьесы женщина должна была украсть буханку хлеба. А так как вводиться в спектакль юной артистке пришлось за сорок пять минут до начала, девушке и в голову не пришло, что аппетитные буханки сделаны из... папье-маше. Галя схватила буханку и — о, ужас! — роль моментально вылетела у нее из головы. К счастью, опытная партнерша поняла, что происходит в душе дебютантки и осторожно оттеснила незадачливую «просительницу» за кулисы. Однако Галя сумела взять себя в руки. Она вернулась на сцену и отчаянно выкрикнула коронную фразу: «Ну, возьмите меня! Хоть кем-нибудь! Хотя бы посудомойкой!..» Галина Ивановна до сих пор помнит звенящую тишину, которая образовалась в зрительном зале.

Вскоре за кулисы, где она сидела ни жива ни мертва в ожидании приговора, пришел режиссер Борис Михайлович Сушкевич, строго посмотрел и спросил: «Ну, и что дальше?»

А дальше был театральный институт, Ленинград, студенчество. Замечательные педагоги, среди которых Борис Вульфович Зон и Ян Борисович Фрид. Именно они разбудили в душе застенчивой девочки из глубинки жажду прекрасного, научили работать, привили вкус к литературе.

Время учебы в институте, друзья, сам город с его сумрачной красотой, отраженной в водной глади невских каналов, стали одним из прекрасных мгновений в жизни Галины Ивановны. В ее архиве хранится уникальная фотография тех лет, сделанная Романом Карменом, впоследствии составившем славу отечественной документалистики, а тогда никому не известным студентом: набережная Фонтанки, знаменитая скульптура лошади, остановленной на краю сильной рукой, и юная Галя Долгова, склонившаяся над парапетом. Слово кадр из кинофильма, запечатлевший миг юности, «обдумывающей житье».

Она училась, набиралась впечатлений, играла в студенческих спектаклях. Казалось, все было за то, чтобы остаться работать в Ленинграде, но обстоятельства сложились таким образом, что после окончания института ей пришлось вернуться в Хабаровск. Однако те впечатления, тот багаж знаний, который она получила, учась в институте, помогли Галине Ивановне в любой жизненной ситуации оставаться как бы отрешенной от повседневной мелочной суеты. С безукоризненным маникюром, взглядом, устремленным вглубь себя, она казалась продолжательницей старинного дворянского рода, никогда не знавшей черной работы, поглощенная лишь внутренней жизнью. Кое-кто

из ее бывших коллег до сих пор убежден, что Завода всю жизнь прожила с мужем, морским офицером, капитаном первого ранга, не зная житейских трудностей. Однако далеко не всем известно, что Галина Ивановна воспитывала троих детей (двое из которых приемные), а значит, повседневные женские заботы ее не миновали. Просто ей всегда была интереснее «жизнь человеческого духа». Недаром своим любимым поэтом Галина Ивановна называет Лермонтова. «Это даже не любовь, — признается она, — а что-то очень родное, мое».

Радиоспектакль, поставленный ею по повести Константина Паустовского «Разливы рек», в котором в российской глубинке встретились молодой большеглазой офицер и блестящая петербургская красавица, — дань этой любви. Любви, в которой нет ни пылких слов, ни эффектных признаний, а только лепестки яблони, упавшие на серые ломти хлеба, неяркая красота неба да сжимающая горло нежность. Но это произойдет потом, много позже...

Вернувшись в Хабаровск, Галина Ивановна поступила служить артисткой в театр драмы. Играла она и на сцене ТЮЗа, того самого, откуда все началось и куда впоследствии ее пригласили работать. (Забавно, что на это предложение молодая артистка откликнулась заносчивой фразой: «Я лучше в посудомойки пойду!»). В клубе на базе КАФ вела самостоятельный коллектив. Это тоже обогащало душу, умножая опыт и знания. К этому времени у Галины была семья, любимый муж.

Однако с первого дня возвращения в Хабаровск наряду с театром в ее жизнь вошло радио. Тогда, вспоминает Галина Ивановна, радиокомитет располагался в небольшом помещении по улице Запарина, где царил удивительная атмосфера и где работали потрясающие интересные люди, впоследствии ставшие известными писателями, критиками, эссеистами: Игорь Золотусский, Анатолий Ткаченко, Геннадий Гольшев, Иван Ботвинник. А великолепный диктор Дмитрий Александрович Сугробкин, импозантный красавец, артист, ставший для нее «мерилом всех мерил!» Юрий Турышев, Мария Андреевна Протасова — знаменитые имена. Сейчас с улыбкой вспоминается даже то, как Михаил Филиппович Тебнев, руководитель дикторской группы, «выбивал» из нее артистку.

При радиокомитете в небольших комнатах размещались симфонический оркестр, оркестр народных инструментов, хор, радиотеатр. Бурлила интересная жизнь, щедрая на счастливые встречи.

Голос Долговой-Заводы влился в общий океан негромким ручейком, который отличала своя собственная интонация, и зазвучал, зазвенел.

Вскоре она перешла на радио работать совсем, а потом, с подачи Сугробкина, стала осваивать профессию режиссера. Для этого ее послали на целый месяц в Москву на учебу, что для того времени, когда на счету был каждый человек, рассматривалось как что-то выходящее из ряда вон.

«Пионерские зорьки», «Романтики», поэтические циклы, радиоспектакли, парады и демонстрации — все передачи, которые делала Галина Ивановна, отмечались коллегами, запоминались слушателям.

В те годы радио для многих хабаровчан было своеобразным окошком в мир, откуда веяло свежим ветром, узнавались новости, звучала музыка и голоса любимых артистов. И хотя работы было много и порой, если опаздывала на автобус, который уходил в 12 часов ночи, приходилось ночевать в кабинете, у нее никогда не возникало мысли уйти. Радио вошло в ее жизнь навсегда.

За более чем полвека работы на краевом радио через руки Галины Ивановны Заводы прошло несчетное количество людей — актеров, дикторов, журналистов и тех, кто никогда не имел дела с микрофоном. Многие из них благодаря Заводе научились не только понимать и любить слово, но и относиться к нему с пиететом.

А ее московские «ученики» Владимир Рецептер, Руфина Нифонтова, Вячеслав Сомов, Анатолий Солоницын, тогда никому неизвестный, едва успевший сняться в «Андрее Рублеве»!.. Все они, приезжая с гастролями в Хабаровск, оставляли свой голос в фондах краевого радио. Думаю, что эти встречи были радостны как для актеров, так и для режиссера, ибо именно в эти минуты затраченные усилия возвращались к ней сторицей. Вот, оказывается, как можно работать!

Последние годы, отчасти, чтобы дать возможность актерам хабаровских театров реализовать свои возможности, отчасти, чтобы поделиться опытом, отдать другим богатства своей души, Галина Ивановна Завода осуществила идею передачи из цикла «Мемуары». Те, кому посчастливилось встретиться с ней в этой работе, в один голос уверяют, что Завода не только открыла им настоящую литературу, она открыла им самих себя, научила мыслить, понимать прекрасное.

Многих-многих из тех, с кем ее связало радио, вспоминала Галина Ивановна накануне своего юбилея. Кого-то сегодня уже нет с нами — Владимира Кульмасова, Михаила Митина, Александра Мещерякова. Для каждого нашла она теплое словечко...

Это особенно дорого, ведь человек, сидящий перед ней за микрофоном, несет в себе целый мир. От ее мастерства, профессионализма, человеческого внимания и такта зависит, найдет ли этот мир отклик в сердцах слушателей и как надолго останется в памяти современников.

Нам с детства даруется слово —
С рожденья и навсегда —
Извечная наша основа,
Как небо, земля и вода.

Забыв свои детские муки,
Когда возникает в нас речь,
Мы эти родимые звуки
Почти разучились беречь.

Но кто-то всей жизнью напомним,
Что Слово — в начале всего,
И если ты хочешь быть понят,
То зря не расходуй его.

Эти строчки дальневосточный поэт Людмила Миланич посвятила Галине Ивановне Завода, с которой много лет их связывала совместная работа на краевом радио.

ЗДЕСЬ – БЕЗМОЛВИЕ. ДАЛЬШЕ – ТИШИНА...

Спектакль «Полет над океаном»
в постановке Роберта Уилсона
в театре «Берлинер Ансамбль» (Германия)

Артур СОЛОМОНОВ

В немецком театре наиболее часто обращаются к двум русским авторам – Чехову и Достоевскому. Эти два полюса русской литературы неизменно привлекают немецкую публику и деятелей театра.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

СОЛОМОНОВ Артур Петрович, театровед, специальный корреспондент отдела культуры газеты «Известия». Окончил Гуманитарный лицей при Детском эстетическом центре г. Хабаровска. Затем – Российской академии театрального искусства (ГИТИС) и там же аспирантуру. Готовит к защите диссертацию «Достоевский на современной немецкой сцене». Сотрудничает с журналами «Театр», «Театральная жизнь», «Крестьянка», с газетами «Культура», «Газета». Живет и работает в Москве.

Мне кажется неплодотворным предъявлять претензии к театру за неполноту воплощения на сцене романов Достоевского. Тем более, когда эти постановки осуществляются в рамках иной культуры — в данном случае немецкой. Гораздо целесообразнее оценить то, что сохраняется театром, и понять, почему отброшено одно и сохранено другое, насколько это способно существовать как целое и как идеи и образы Достоевского преображаются, получая иную, сценическую жизнь.

Одна из самых блестящих постановок текста Достоевского спектакль Роберта Уилсона по «Запискам из подполья» в театре «Берлинер Ансамбль». Уилсон — театральный режиссер из США, о нем написано немало театроведческих исследований, он получил почти все возможные европейские театральные премии.

Когда Уилсон взялся за текст Достоевского, это казалось парадоксальным шагом. Как режиссер, заявляющий почти в каждом интервью, что ненавидит и не понимает психологический театр, станет искать общую эстетическую территорию с одним из мастеров психологического романа? Как создатель неизменно бесстрастных спектаклей будет воплощать на сцене текст, где едва ли не основной движущей силой являются страсти?

Постановка Уилсона позволяет выйти за пределы проблемы театра как интерпретатора текстов Достоевского и дает возможность увидеть, как театр и творчество Достоевского находят глубинные точки соприкосновения. Визуальный ряд в спектаклях Уилсона очень важен, поэтому придется подробно остановиться на описании этой постановки, а затем попробовать соотнести ее стилистику и философию со стилистикой и философией «Записок из подполья».

В своей постановке Роберт Уилсон объединяет три текста: «Полет над океаном» Бертольта Брехта, «Медя: ландшафт с аргонатами» Хайнера Мюллера и «Записки из подполья» Федора Достоевского.

Брехт написал пьесу о Чарльзе Линдберге, летчике, который первым перелетел Атлантический океан. В ней — пафос покорения природы, гордость за всемогущество человека и тайная ирония к этому. Трагедия Мюллера — монолог Медеи. Мюллер показывает душу, в которой «родимый хаос шевелится».

В речи актеров оказывалась важнее ее мелодия, резкость всплесков и внезапность остановок, низвержение стремительным потоком и отчаянная тишина пауз. Речь не помогала представить публике какой-либо персонаж и его взаимоотношения с другими. Слова, перехватываемые актерами друг у друга, разбиваемые странными шумами, хрипами, нежным придыханием, переходящим в нечеловеческий рев, указывали на общее состояние мира, а никак не на психологический облик отдельных героев.

Слово, по мнению французского режиссера-экспериментатора Антонена Арто, об идеях которого не раз вспоминаешь на этом спектакле, «создано для того, чтобы останавливать мысль, оно сообщает ей четкий контур, но оно же ее заканчивает, короче, слово — это завершение». Спектакль Уилсона по своей стилистике и смыслу был чужд всякой законченности, твердости форм.

Спектакль начинается так: в левом углу сцены загорается луч света. Стефан Курт (исполнитель главной роли) долго вглядывается в пространство, откуда исходит свет. Мимо медленно пробегает обнаженный мужчина с кожей бронзового цвета и замирает. Его взгляд устремлен туда же. Слышен шум, источник которого неопределим. Свет гаснет. Шум утихает.

И резвый герой, жаждущий покорить пространство, предстает перед нами. Он подтянут, смел. Слышны газетные отклики, прославляющие это дерзание.

Первое действие — объяснимый мир, в котором легко обнаруживается причинно-следственная связь, где не поставлены под сомнение отношения одного предмета к другому, и формы вещей и человеческого тела ещё не искорежены. Человек дерзает, человек покоряет природу.

Второе действие погружает нас в мертвый мир Хайнера Мюллера. Апокалипсис уже свершился. Вещи разрушены. Они бессмысленны и бесполезны, неприменимы и неприменимы друг к другу: связь потеряна не только между людьми, но и между вещами. Солдатские сапоги посреди сцены. Роскошный диван рядом с искусственным деревом. Ручка пылесоса в руках женщины.

Невозможно предугадать следующее движение, следующий звук этой сценической жизни. В рождении звука, жеста, позы отсутствовала причинно-следственная связь. Вещи, попадающие в это пространство, присутствуют только как

формы, частицы материи. Жесты не имеют значения, которое закреплено за ними в жизни.

Монолог Медеи распределен между шестью актрисами. По авансцене, рыча, с искаженным лицом на четвереньках ползет женщина, медленно отрывая от земли окровавленные ладони. В глубине сцены мечется существо в белых одеждах. В центре — кровать. На ней лежит девушка, накрытая простыней. Иногда девушка срывает с себя простыню, приподнимается, медленно улыбается и ложится снова. Сидящая на диване женщина кусает свои пальцы, не чувствуя боли.

Я употребляю такие сильные слова как боль, смерть, кровь, но спектакль не дает ни малейшего повода к взвинченности чувств, к пафосу. Пафосу неоткуда взяться и некуда направиться. То, что это мертвый мир — заявлено спокойно. Здесь, скорее, намечается путь к безмолвию. К полной, последней тишине.

В третьей части, приглашающей нас в «подполье», смысл спектакля достигает полноты, а избранная стилистика получает философское обоснование. Два актера, сидящие в зрительном зале на балконах, поочередно произносят: «Я человек большой», «Я злой человек». Поднимается занавес, и Стефан Курт читает долгий, сухой и сдержанный монолог. Слышен шум работающего конвейера. Из черного прямоугольника, стоящего посреди сцены, появляются одинаковые люди. Их лица похожи, их жесты синхронны. Конвейер работает, подпольные люди множатся.

На сцене стоит прямоугольный аквариум с мутной водой. Этот образ гипнотизирует своей неразгаданностью, как появляющийся на заднем плане старик, как лежащий на авансцене и перебирающий руками и ногами ребенок. Все-му этому можно найти объяснения, выявить связь и смысл. Но вернее увидеть этот мир в его разорванности, несоединимости. Интересно взглянуть на расщепленность вещей, на неожиданность и неопределимость знаков, подаваемых человеческим телом, и попробовать соотнести это со стилистикой и философией «Записок из подполья».

Человеку не нужно такого счастья, которое он не мог бы в любую минуту обратить в прах. Человеку не нужно рая, он желает только одного — «самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы не привела». Человек, заявляющий, что он не «фортепьянная клавиша», не только не застрахован от самоуничтожения, но чувствует наслаждение от сознания его возможности как проявления своей полной, последней свободы. Здесь круг замыкается. « $2 \times 2 = 4$ — начало смерти», — так говорит подпольный человек. А бунт против $2 \times 2 = 4$?

Спектакль этот отрицает и посрамляет все, что обрело форму и в своей законченности стало бесспорным. В каком-то смысле это бунт потревоженного пространства против оков формы. Непривычная жестикация героев спектакля, укореняющая человеческое тело в иной реальности, — это возражение Роберта Уилсона против понимания человека как вместилища легко расшифровываемых знаков. Это театральный прорыв к основополагающей мысли Достоевского: «человек есть тайна».

Все, что воспринимается как само собой разумеющееся, абсолютное и непреложное, театральная стихия развенчивает. Подвергает сомнению и девальвации путем разложения вещей и сложившихся форм, путем критики установившихся отношений между предметами.

Бунт мысли подпольного человека против всяких ограничений, его нежелание «примиряться ни с одной из невозможностей и каменных стен» и театральный бунт против бесспорности форм, власти вещей, установленных отношений между предметами, объяснимости и исчерпанности значений, заключенных в человеческом теле, находят друг в друге союзников. Так театр отвергает $2 \times 2 = 4$.

Театральный язык этого спектакля имеет глубокую связь с литературным языком Достоевского. Идеи этого

спектакля находятся в динамическом соприкосновении с идеями Достоевского. Но я не осмелился бы назвать спектакль Уилсона реализацией идей и стиля какого бы то ни было писателя.

В романах Достоевского нет ничего завершенного, ничего ставшего, есть только становящееся. Стиль письма Достоевского — это, скорее, процесс, чем фиксация. Прозрение рождается в раскаленности создающегося текста.

Достоевский, по словам Бердяева, обладал «иступленным чувством личности», восставая против власти всего внешнего, против любого ограничения человеческой личности. И он не был бы Достоевским, если бы вместе с необходимостью не показал всю катастрофичность такого восстания.

Театральная стихия и стихия мысли Достоевского здесь объединились общей целью, противостояя всему, что есть штамп в жизни, что леденит и останавливает жизнь, что есть «начало смерти». Это, наверное, парадокс: режиссер, создающий на сцене мертвый мир, высвобождает живое из оков привычных форм и отношений. Но, может быть, динамика этого противоречия и делает спектакль Уилсона подлинным произведением искусства. Стилистика этого спектакля определена его философией, и ее сложная структура адекватна сложной структуре смысла.

Через призму этих идей теперь рассматриваешь и дерзания Чарльза Линдберга, и кровавые деяния Медеи. Если можно расслышать лейтмотив этого спектакля, то, скорее всего, он — о свободе. Здесь спектакль соприкасается с центральной проблемой творчества Достоевского.

...Вихрь бунтующей мысли подпольного человека провозглашает последнюю свободу человеческую: свободу самоуничтожения. И спектакль движется к финалу.

Спектакль заканчивается, как и начинался. Действие, совершив круг и исчерпав себя, пришло к своему истоку. Стефан Курт вглядывается туда, откуда бьет луч света. Обнаженный мужчина, замедлив бег, смотрит туда же. Шум утихает. Свет гаснет. Безмолвие.

Это молчание мира отсылает к образу, представленному во второй части. Женщина подходила к самому краю сцены и раскрывала рот для крика. Но не раздавалось ни звука. Нечеловеческое напряжение связок, отчаянное желание проявить себя венчалось немотой. Рот бессильно закрывался. Свой крик обращать не к кому. Здесь ничто не «вопиет» — ни люди, ни ситуации, ни вещи. Комедия человеческого дерзания (Брехт) проходила через разложение сознания и языка (Мюллер), отрицание всех границ и отрицание самого отрицания (Достоевский) к молчанию мира.

За несколько дней до того, как пойти на этот спектакль, я был в концентрационном лагере Дахау, ставшим теперь музеем. То, что происходило на этой земле, вряд ли отыщет соответствующее слово, образ, название. Все ушло в бессловесную глубину. Молчаливо стоят бараки, когда-то вмещавшие арестантов, лагерная тюрьма, газовая камера, крематорий... Человеческие существа с их лицами, словами, голосами исчезли, не оставив следа. Здесь — безмолвие. Человеческое страдание и отчаяние покрыты бездной, необъяснимой никакими образами и словами. Может быть, единственное, на что способно искусство, долг которого говорить, — это публично промолчать об этом. Так как любое слово будет оскорблением. На безмолвие и непостижимость человеческого страдания и смерти этот спектакль отвечает своим безмолвием. Здесь сочетаются такт художника и его бессилие.

Возникновение пафоса — и ирония. Порыв к героическому жесту — и бессилие. Открывшийся для вопля рот — и немота. Мир устал. Дальше — тишина...

На фото сцены из спектакля «Полет над океаном», Берлин, «Берлинер Ансамбль», постановка Роберта Уилсона

Героический подвиг советского народа в борьбе с немецким фашизмом в годы Великой Отечественной войны не оставил равнодушным ни одно поколение художников. Эта непростая для пластической интерпретации тема, вопреки некоторым особенностям истории советского искусства, не стала расхожим творческим мотивом, где нашлось бы место халтуре и лжи.

1

Правда жизни военных лет стала серьезным испытанием творческого человека. Многие художники, прошедшие войну, в последствии так и не смогли в своем творчестве вернуться к прошлым реалиям. Не смогли или не захотели. Суровые военные будни запечатали в своих работах лишь немногие, решившиеся вновь пережить эту человеческую трагедию. Память всегда нелегкое бремя. Память, хранящая боль страшных утрат, ужас огня и смерти, страх нечеловеческих пыток и еще многое другое, чему трудно найти определение,

1. Асланов С.И. Род. 1943.
«Голод. Блокада Ленинграда»

2. Никонов П.Ф. Род. 1930.
«Павший солдат». 1979

3. Черкес Д.Я. 1899 – 1971.
«Днем и ночью»

2

ХУДОЖНИКИ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

На материале коллекции
Дальневосточного художественного музея

Светлана СОЛОВЬЕВА,
искусствовед

3

1

2

3

подчиняла себе художника, выводя на единственно верный путь — путь правды. Сказать правду о войне не просто даже сегодня, как не просто ее услышать и воспринять. Жестокая действительность войны заставляла воспроизводить предельно конкретные образы и сюжеты. Реалистическая интерпретация военных хроник стала отличительной особенностью творчества большинства художников военного поколения. Свойственные человеческой памяти натурализм и детализация легли в основу их пластического самовыражения. Стремление к образным обобщениям, к более глобальному осознанию событий войны, к знаковости и идейности вывело многих авторов на иной уровень воплощения темы. В нее вошли метафора, символ, аллегория. Современный изобразительный язык обогатил художественную структуру произведений, значительно расширил их сюжетные границы, изменил философию восприятия зрителей. И в искусстве XXI века тема войны и мира по-прежнему остается серьезным испытанием как для художника, так и для зрителя. Потому что только способность к сопереживанию всеобщей истории, к объективной оценке прошлого, к пониманию универсального языка художественной метафоры превращает общество в человечество.

-
1. Павлов В.И. Род. 1934.
«Одна». Из серии «Женщины и солдаты». 1981
2. Рудаков М.З. 1914 – 1985.
«Девушка со снарядом». 1970
3. Сидур В.А. 1924 – 1986.
«Вскрытие после снятия с креста»

1

2

3

4

1. Кайдалов В.Е. Род. 1907.
«Клятва». 1942

2. Королев Г.Г. Род. 1913.
«Поймали»

3. Козелл М.Г. Род. 1911.
«Зверства над ранеными
красноармейцами». 1943

4. Сидур В.А. 1924 – 1986.
«Формула скорби»

5. Квелидзе Л.Н. Род. 1937.
«Медсестра»

5

1

1. Никитина Л. Д. Род. 1931.
«Голод». Из серии «Блокада». 1988

2. Моисеенко Е.Е. 1916 – 1988.
«Сын». 1968

3. Горелов Г.И. Род. 1931.
«Войска Советской армии проходят
по Красной площади». 1942

2

3

Цветение сакуры

Ольга ПРИВАЛОВА,
искусствовед, директор галереи
современного искусства «Мета-
морфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

В Японии цветет сакура...
Наступление весны в этой стране
превратилось в уникальное явле-
ние национальной культуры: со-
зерцание цветущих деревьев как
всеобщее поклонение природе,
красоте. «Моно но аваре» – «па-
фос природы» – один из основных
принципов японского искусства.

Профессор Ясира Юнио сказал, что осо-
бенность японского искусства можно пере-
дать одной поэтической фразой: «Никогда
так не думаешь о друге, как глядя на снег,
луну или цветы. Когда любишь красоту
снега или красотой луны, когда бываешь
потрясен красотой четырех времен года,
испытываешь благодать от встречи с пре-
красным, тогда особенно тоскуешь о друге:
хочется разделить с ним радость. Словом,
созерцание красоты пробуждает сильнейшее
чувство сострадания и любви, и слово «чело-
век» начинает звучать, как слово «друг». Вот
уже несколько лет дружба небольшой груп-
пы художников из Японии с нашим городом –
Миямото Цутому, Абе Такеши, Сэсимо
Мачико – подтверждает эти слова и дает ин-
тересные творческие результаты. Выставка
«Цветение сакуры», состоявшаяся в гале-

рее современного искусства «Метаморфо-
за», отразила наше желание приблизиться
к пониманию такой близкой и в то же время
загадочной страны. Три зала галереи объеди-
нили впечатления от посещения весной 2004
года Японии художника Игоря Грабовского,
фотографа Сергея Мартыновского и твор-
чество японских художников.

Фотографии Сергея Мартыновского
удивили самих японцев: они как будто впер-
вые увидели свой город Иокогаму. Впервые
– только пять дней в Японии, – а перед
нами не репортажные факты, а глубокое ху-
дожественное проникновение внутрь япон-
ской жизни, ее символическое обобщение
через обыденный факт. Тонкая ветвь нежной
светло-розовой сакуры на фоне необъятного
воздушного пространства – и перед нами об-

5

раз рассвета, затерявшегося в белоснежных
лепестках. Элегантная женщина в кимоно,
рядом ее сын в европейском костюме, группа
девушек в ярком кимоно на фоне небоскре-
бов, другие девушки быстро меняют празд-
ничное кимоно на молодежную дискотечную
одежду, молодая художница, рисующая в
галерее яркие «мультяшные» автопортре-
ты, одинокий зонтик прислонился ко входу,
стайки велосипедов, мотоциклов, остав-
ленные без присмотра, и везде невероятная
чистота – жанровые зарисовки сменяются
контрастными архитектурными пейзажами.
Музей на городских улицах – самое обычное
явление в Японии: это и яхта 19-го века, и
старый док, превратившийся в концертную
площадку, и первая американская железная

-
1. Абе Такеши рассказывает об открытках
 2. Сергей Мартыновский. Музыка моря.
Морской порт Иокагамы
 3. Миямото Цутому
 4. Сергей Мартыновский. Автопортреты
 5. Сергей Мартыновский, Игорь Грабовский,
Акико Сасаки

1

2

3

4

1

дорога, и многое другое гармонично вpleтено в городскую архитектуру. Старинная архитектура органично наращена современными конструкциями до небоскребов, повсюду неожиданное соседство многочисленной образной абстрактной скульптуры и трогательных скульптурных изображений животного мира в различных материалах, удивляют аккуратные простые деревянные подпорки к каждому дереву — так сохраняются деревья во время тайфунов. Традиция и высокие технологии, соединение природных и современных фактурных материалов в дизайне городской и садово-парковой среды поражают воображение. Фотографии убеждают и в том, что ландшафтный дизайн — это не нарочитые искусственно созданные пейзажи, а желание ненавязчиво подчеркнуть своеобразие и красоту природы.

Объективный взгляд фотографии дополнен экспрессивной живописью Игоря Грабовского. Его этюды почти моментальные, как и фотографии: всего 20 — 30 минут, и чувственно верно запечатленное восхищение страной. Сказочная аллея пирамидальных криптомерий, яхта воображением художника стремительно движется памятью прошлого мимо небоскребов, монументальный Будда композиционно отрешен от жизненной суеты, декоративная сочная графика японских небольших домиков решительно заполняет лист. Пастозная манера исполнения, контрастно возбужденная палитра передают насыщенность

2

3

эмоциональных впечатлений художника. Плоскость листа активно выступает как знаковое пространство необъятности окружающего мира в целом, невозможности высказать всю полноту чувств и в то же время как выразительный пластический жест остановить взгляд на единичном, выделенном эмоциями объекте.

Противоположны по настроению и технике исполнения акварельные работы японских художников. Миямото Цутому — художник старшего поколения. Его классическая акварель японских пейзажей длительна по

6

Фото Сергея Мартыновского:

1. Лирическая зарисовка
2. Отдых
3. Человек и время
4. Ожидание
5. Японская группа на вернисаже. Зал Акварели японских художников
6. Мачты истории

4

5

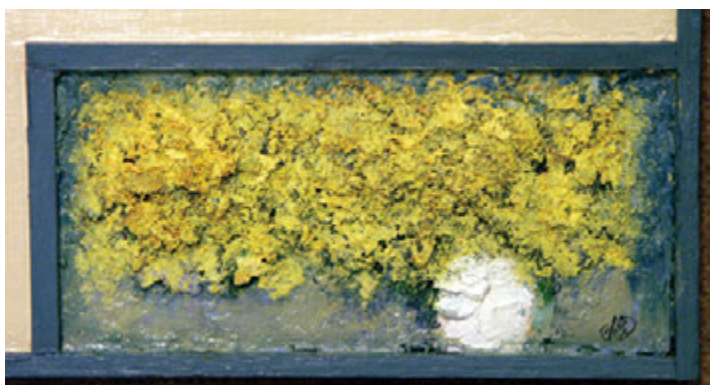

1

2

1. Миямото Цутому. «Цветение сакуры».
Акварель
2. Миямото Цутому. «Буковый лес в тумане».
Акварель
3. Миямото Цутому. «Тонкая нить хризантемы».
Фото В. Меринова
4. Сергей Мартыновский. Свой стиль

3

времени с многослойными прозрачными лесси- ровочными заливками, дополненные конструк- тивными графическими элементами. Цветовые тональные переходы осязаемо вводят зрителя в зыбкие ранние туманы, в розовый свет сакуры, дают почувствовать отличие северных и южных пейзажей, а графическая экспрессия подчеркивает динамичность природных явлений. Для молодого

4

художника Абе Такеши свойственно наоборот декоративное современное ощущение окружающего мира, поэтому его акварели открытые и яркие по цвету, с резкими контрастами локальных цветовых пятен, в сюжетах присутствует занимательность, и натуралистичность небольших картин оправдана названием цикла «Из путешествий». Для японских художников вообще характерен реалистичский принцип отражения. Но Миямото Цутому считает себя художником-абстракционистом. Его абстрактные композиции связаны, в основном, с воспоминаниями о плене, когда красота природы, ее различные трансформации учили и помогали выживать, верить в будущее. Он уверен, что абстрактная живопись более всего способна передать метафорическую связь природных состояний и эмоции, чувства человека, лирическому миру максимально соответствует живописный подход. Цвет Миямото Цутому по-японски сдержан, контрасты мягки, и только оригинальная резкая пастозная фактура выдает экспрессивный внутренний мир.

В Японии существует обычай: время от времени посылать друг другу собственноручно изготовленные открытки с различными дружескими пожеланиями. Так возникла идея показать такие авторские открытки, собранные Сэсимо Мачико у своих друзей. Этот зал удивил даже профессиональных художников. Поразило многообразие профессиональных техник в открытках: печатная графика — офорты, ксилография, линогравюра, коллаж, рисунок, компьютерная графика. Оказывается, любой человек может приобрести все необходимые материалы (одно их профессиональное перечисление вызывает оторопь) и проявить

свои художественные способности в различных изобразительных техниках. Открытием стала ещё одна уникальная японская традиция, которая заново переживает расцвет в век высоких технологий. Это собственное изготовление в специальных мастерских бумаги разной фактуры для дальнейшей работы, например, акварелью, коллажом. Таким образом, перед нами камерные, с любовью выполненные произведения искусства, как остроумно подчеркнула в аннотации выставки Сэсимо Мачико: «И на кухне бывают художники...». Чаше всего многие впервые в этих приветственных открытках пробуют художественные профессиональные техники, но авторы показывают и умение композиционного обобщения, и тонкое цветовое восприятие, и сюжетное разнообразие. Оригинально продуманный Абе Такеши дизайн эк-

2

Фото Сергея Мартыновского:

1. Уголок Императорского сада
2. Хор черепах
3. Игорь Грабовский в Японии

1

спозиции, напоминающий традицию написания иероглифов на праздничных уличных лентах, воссоздает восторг, радостное возбуждение от неожиданного послания друга. В экспозиции представлено кимоно, сшитое полностью вручную (при японских технологиях!) Сасаки Акико. Этому, оказывается, специально обучается каждая женщина, ей желательно знать технологию шитья кимоно. Осмысление факта бытия в эстетическое переживание — это характерная особенность японского народа.

Сакура цветет мгновение, при малейшем дуновении лепестки облетают, превращаясь в розовый дождь. Недолговечность природной красоты японцами переосмыслена в философию бытия. Цветение сакуры не случайно стало народным праздником: в нем не только способность оценить красоту, но и желание уделять ей достаточное время: красота облагораживает человека, создает покой, радость, душевное понимание, а значит, делает мир вокруг добрее. Японцы красиво и поэтически определили принципы своего представления красоты: ваби — спокойный вкус, саби — элегантная простота, мияби — утонченное изящество.

Такие выставки помогают понять не только культуру другой страны, но и оценить собственную.

Р.С. Галерея современного искусства «Метаморфоза» благодарит Хабаровский театр пантомимы «Триада» за сотрудничество. В ноябре 2004 года фотографии Сергея Мартыновского и живописные этюды Игоря Грабовского, посвященные Японии, были представлены в театре.

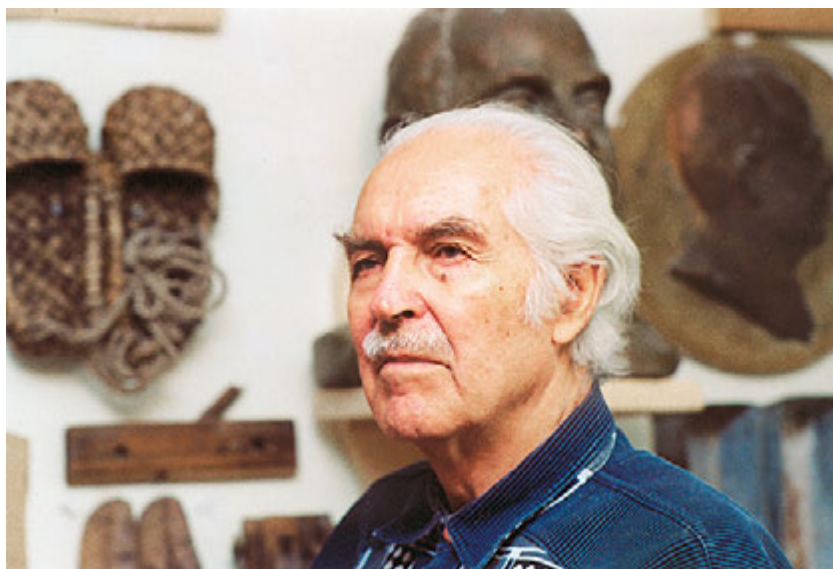
3

Музей археологии и этнографии в поселке Сергеевка Приморского края

Увлеченных, неординарных людей нередко называют чудачками, а они, погрузившись по самую макушку в любимое дело, совершают великие открытия, покоряют вершины, прокладывают новые маршруты, потрясают научный мир неожиданными изобретениями и исследованиями. Зачастую именно чудачки прославляют свою страну. К людям «не от мира сего» относит народная молва и скульптора, действительного члена Географического общества РФ Семена Никитовича Горпенко. Горпенко — скульптор-палеонтолог, историк-археолог, всю жизнь посвятивший своему любимому делу — археологии и палеонтологии.

Свыше тридцати лет он собирает бесценные «послания» прошлого на Николаевском городище. Его стараниями в поселке Сергеевка создан музей археологии и этнографии. Изучать бесценные

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ скульптора Горпенко

Зоя КОВАЛЕВА, краевед (Находка)
Фото Юрия Шумилова (Находка)

Не каждый город имеет собственный археологический музей, а вот село Сергеевка может этим похвастаться. Само по себе оно не такое уж и большое – всего 7 тысяч жителей. Основано 100 лет назад переселенцами из Центральной России и Украины.

Бесценные послания
из далекого прошлого

экспонаты древности приезжают в Приморье не только российские ученые, но и специалисты из Америки, Южной Кореи, Китая, Японии. О значимости этого музея можно судить по тому факту, что его экспонатами и работой создателя заинтересовались ученые Америки, Вьетнама, Японии, Ленинграда, журнал «Природа». И не просто заинтересовались по слухам, информации, но приезжали к Горпен-

ко и убедились, что в его музее имеются ценнейшие экспонаты, относящиеся к XII – XIII векам.

Музей археологии занимает два помещения в жилом доме и еще одно, очень большое, в здании Дома культуры. В двух комнатах находятся тысячи свидетельств жизни людей нескольких столетий. Все богатство добыто в основном в Николаевском городище, которое представляет собой слоеный пирог эпох, начиная с каменного века.

Экспонатов для музея набралось предостаточно. В Сергеевском музее широко представлен каменный век (эпоха первобытного человека) Приморья.

Только трехперых наконечников стрел насчитывается 5137 штук, а каменных предоставлено 2 тонны, тесла (от слова тесать), рубила, топорщица, каменная нога, жернова, кирпичи, наковальни, ядра, гири, различные сосуды. Но не только из камня представлены экспонаты. Имеются изделия из железа, чугуна. Это предметы быта, культура. Найден скульптором и сотни обломков из древнейших поселений. По обломкам восстановлено 82 сосуда. По обломкам же скульптором воссозданы и украшения

буддийских храмов периода Бохайского царства (VIII – XII века).

Экспонируется и коллекция нумизматики со времен царской России.

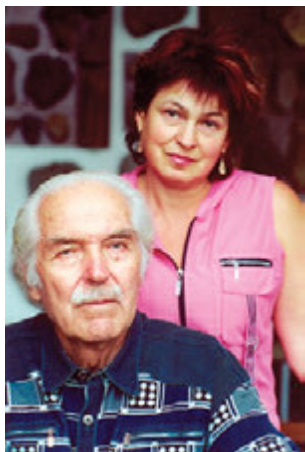
Некоторые экспонаты очень впечатляют: головки и статуэтка Будды «Спящая красавица» – статуэтка, найденная профессором Окладниковым в одном из сел Хабаровского края, огромный каменный сосуд для зерна, ваза, посуда, сувениры, драконы огня, природы, летящих комет. Для музея Екатериновских пещер

1. В правом углу – фотография из мастерской скульптора С.Н. Горпенко (1970-е гг.) в период работы над композицией «Пещерные люди». Работы находились в Екатериновских пещерах, куда до 90-х годов возили на экскурсии школьников и взрослых из Находки и Партизанска. В настоящее время пещерная экспозиция разрушена, разворована

1

2

Семен Никитович изготовил несколько скульптур: семья пещерных медведей, молодая парочка пещерных людей. Известный палеонтолог Верещагин, увидев пещерных Ромео и Джульетту, не удержался от комплимента: «Хорошо у вас девушка вышла. Хоть сейчас свидание назначай!» Это было лучшей похвалой, ибо Верещагин не только ученый с мировым именем, но и сам прекрасно лепит и рисует. Гордится такой оценкой Семен Никитович до сих пор.

Родом Семен Никитович с Украины. Служил в Приморье, во Владивостоке. Закончил художественное училище по классу скульптуры. В дальнейшем учился

в Ленинграде у профессора-палеонтолога Н.К. Верещагина.

Археологией Семен Никитович увлекся много лет назад. Дело в том, что недалеко от Партизанска расположено Николаевское городище. В XII — XIII веках здесь был крупный торгово-ремесленный и административный центр. В 1234 году он пал под ударами потомков войск Чингисхана и китайцев, которые предали его огню, уничтожили. Однако материальные следы старинного города дошли до наших дней.

Вот с поисков этих следов и началось увлечение Горпенко, ставшее, можно сказать, делом его жизни. Он собирал различные поделки давних времен — посуду, монеты, наконечники стрел и т.д. Привлек в помощь себе школьников и трактористов (наиболее удачливым дарил свои скульптурные работы). Потом поиски вышли и за территорию этой крепости.

В конце концов за тридцать с лишним лет собрался поистине огромный материал, который надо было представить людям. В Сергеевке удалось ему осуществить заветную мечту — создать археологический музей, который (без преувеличений!) стал одним из достопримечательных мест Приморского края.

30 ноября 1973 года Семен Никитович избран действительным членом Русского географического общества. 2 октября 2002 года Горпенко получил удостоверение № 4 научного сотрудника-корреспондента II Амурской экспедиции. Руководитель экспедиции Олег Михайлович Гусев — председатель Северо-Западного отделения Всеславянского союза журналистов, профессор Международной славянской академии, автор ряда публикаций в защиту русской культуры и истории, автор нашумевшей книги «Белый Конь Апокалипсиса».

Археология стала смыслом жизни Семена Никитовича Горпенко. У него собран такой богатейший материал, что уже сейчас нужен еще такой же по площади музей, чтобы разместить все находки. Жаль только, что этот богатейший музей остается почти невостребованным.

3

1. С.Н. Горпенко проводит в своем музее экскурсию

2. Горпенко С.Н. и Ковалева З.Н. — автор данной статьи

3. Фазан — священная птица-феникс у чжурчженей

Поезд № 0

Моя родина

Россия — большая держава,
Но где-то в глухой стороне
Хабаровска тихая слава,
Мой край на амурской волне.

Москва для меня не столица.
По мне бы Амура исток —
Там, где довелось мне
родиться,
Мой край и мой Дальний
Восток.

Где волны Амура сильнее,
Хабаровск — мой первый урок.
Здесь создано слово «Россия»,
Здесь родина — Дальний
Восток.

Хабаровск — священное слово.
Со светом твоих фонарей
Мы все повзрослеем скоро,
И ты с нами тоже взрослей.

Хабаровск, ты не одинокий,
С тобою всю жизнь твою мы.
На шумном Амура истоке
Столица родной стороны.

Хабаровск — могучее имя,
Я с детства тобою горжусь,
Лишь ты в моем сердце
отныне,
С тебя начинается Русь.

Последние ряды

*Уютно быть не сценой — залом,
Зевать, программку теребя,
И называть спокойно «заумь»
Ту пьесу, что умней тебя...*
Евг. ЕВТУШЕНКО

Твое призванье — театр,
По сцене в грезах плыть.
И миру не позволишь
Себя ты позабыть.

Тебе все потакают —
Ты бог в любых очах,
Но все же видно в сердце
Твоем какой-то страх.

Когда в толпе народа
Сквозь сцену и цветы
Ты смотришь на кого-то
В последние ряды.

Сквозь пламя выступлений,
Порыв оваций, смех
Быть рядом с тем, последним, —
Вот для тебя успех.

И после выступлений,
Испытывая страх,
Ты будешь ждать видений
В последних тех рядах.

А я, в кулисах прячась,
Под звуки простоты,
Смотрю на твою участь:
Последние ряды.

Сквозь тени долгих лет,
Ролей хранишь листы
Несбывшихся надежд:
Они несут цветы.

Лишь только сны под утро:
Когда-нибудь и ты
Несешь цветы кому-то
В последние ряды.

И эта злая нота
Со мною навсегда,
Когда ты ждешь кого-то
В последних тех рядах.

Поезд № 0

Пустая тишина —
В разлуке так всегда.
И шепотом летят
Навстречу поезда.

Когда пустых платформ
По сердцу гомон бьет,
И ночь горячий снег
Меж теплых рельс кладет.

И на табло строка,
Что поезд № 0
По адресу: «К нему»
Летит спасать любовь.

Я сквозь вокзал бегу
К платформе нулевой...
Я знаю, что могу
Еще спасти любовь!

Но сонный проводник,
Спросив с меня билет,
Зевая, говорит,
Что мест на поезд нет.

И снова тишина...
Стою и жду, когда
К тебе с платформы «ноль»
Поедут поезда.

Анастасия ДЫМНОВА родилась и выросла в Хабаровске. Сегодня ей шестнадцать. В детстве боготворила Даниила Хармса, но в 5-м классе влюбилась в поэзию Евгения Евтушенко, и с тех пор его стихи — самый главный помощник и советчик. Можно сказать, что Настя выросла за кулисами, ведь ее родители — Олег Дымнов и Нэлли Березовская — известные хабаровские артисты. Вместе с ними Настя участвовала в новогодних представлениях в Арт-подвальчике, и зрители помнят ее Снегурочку — трогательную, большеглазую, улыбчивую. Кроме актерских способностей Настя не обделена и талантом художника, словом, человек творческий.

Возрождение — эпохи следы.
Возрождение того, что забыто.
Возрождение — есть я и ты.
Возрождение, временем смытое.

Примиренье воды и огня.
Примиренье слез и раскаянья.
Примиренье тебя и меня.
Примиренье — дорога недалняя.

Расстоянье от жизни до грез.
Расстоянье от правды до лести.
Расстоянье от счастья до слез.
Расстоянье от «порознь» до
«вместе».

Сожаленье о том, что прошло.
Сожаленье — купюра в конверте.
Сожаленье о том, что нашлось.
Сожаленье о жизни и смерти.

На прощанье сказав пару слов.
«На прощанье...» — как море без дна.
На прощанье уходишь из снов,
не прощаясь.
И вновь тишина...

СЕРПАНТИН ЖИЗНИ

Фото А. Голоднева

Краешек земли

Словно огненные стрелы
По небесной синеве
Разбросала зорька смело
Там, далеко, вдалеке.

Я стою на остановке,
Зарываю нос в пальто.
Почерневший лист гоняет
Свежий ветер озорно.

Порт проснулся! Пароходы
С кранов принимают груз.
Вот машина подкатила,
В ней шофер сидит, как туз.

Села я в салон машины,
Дверь захлопнула легко.
За окошком ветер, стужа,
Мне уютно и тепло.

Едем быстро, словно
крылья
У машины проросли.
Как прекрасно мне живется
Здесь, на краешке земли!

Весна

*Тебе посвящают много стихов.
Я хочу подарить свой.*

По сопкам, холмам и полянам
Весна распахнула объятия,
Вплела в изумрудные гривы коней
От ландышей нежный звоночек.

Ручей зажурчал между сопок,
И камешки катит игриво.
И солнечный лучик зеркальный
По роце дерева считает.
Проснитесь! Проснитесь!
Весна у порога!
Пора, ее миг наступает!

Я еду домой!

Мы едем домой!
Как удав, тянет поезд вагоны,
И саранки красным огнем
Покрыли дорожные склоны.

Мы едем домой!
Стучат подо мною колеса.
И машет мне кто-то рукой
С крутого откоса.

Мы едем домой!
Мелькают, бегут полустанки.
Встречает нас дедушка мой.
Обнимет, подарит подарки.

Счастье

Есть красивая страна,
«Счастье» называется,
Но закрыта дверь туда,
Мне не открывается.

Я, как маленькая птичка,
В клетке заперта.
Я кричу: «Больна! Больна!»,
Эхо откликается.
Март! Открытое окно.
Солнышко играет.
Жизнь — великая борьба.
Кто о том не знает?

Серпантин жизни

Ветер новогодним серпантином
Кружит моей жизни колесо.
Елкою запахло сильно-сильно,
Хвою нежно я погладила рукой.
Мысли хороводом закружили,
Захотелось сказочных чудес.
Может, мне умчаться
быстро-быстро
На санях в волшебный лес?
Может, мне напиться
чистой-чистой
С родника живительной воды?
Может, попросить у Бога
очень-очень,
Пусть не будет лиха и беды?
Может, поклониться
низко-низко
Людам, что желают мне добра?

Просто унеси, холодный ветер,
Далеко невзгоды за холмы.
Новый год встречают нынче дети
На далеком краешке земли.

Нина СУДРАБИНЫШ живет в поселке Монгохто Ванинского района Хабаровского края. Стихи пишет давно и из этих поэтических образов строит свой собственный мир. Он наполнен мечтами тринадцатилетней девочки и ее посвящениями Весне, Чудесам, Счастью. Вот он – серпантин жизни юной дальневосточницы Нины Судрабиньи.

11 сентября 2002 года

Обычный осенний денек.
Бегут ребятишки из школы.
На речке гудит пароход,
За лесом гудят электрички.
А в парке гуляет народ.
Все в жизни имеет черед.
Размеренность — сила привычки.

Кто сэндвич жует не спеша,
Кто вывел собак на прогулку.
Смотрите!
На солнце горят два крыла:
Летят самолеты...
Смотрите! О, ужас! О, страх!
Раздался в толпе жуткий крик.
Руины и пепельный смог.
Нет больше домов-великанов.
Летит над Америкой стон.
Набатов земля отвечает.

Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры

Загадочное искусство коренных малочисленных народов Амура: замысловатые орнаменты традиционной одежды аборигенов, ковров и декоративных панно, деревянные сазэны и обереги, выполненные по древнейшим канонам.

Старинные народные промыслы России: чистые цвета гжели, яркие краски хохломы, изысканность палеха, тепло изделий из бересты, красота традиционной русской игрушки.

Творческий центр «Тайны ремесла» это путешествие в мир красоты

Произведения дальневосточных художников: индивидуальный взгляд на окружающий мир, философия красок, линий и форм, живопись, графика, керамика.

www.khv.ru/art
vyp@fk.khv.ru

«Русская деревня» в селе Бычиха – это возможность окунуться в мир ремесел и самому стать творцом.

Мастер-классы по живописи, декоративно-прикладному искусству, знакомство с русской культурой.

Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17. Тел. 32-73-85